

11.1.220
78
4158
v3

СЕВЕРНО- РУССКИЕ ГОВОРЫ

ВЫПУСК

1

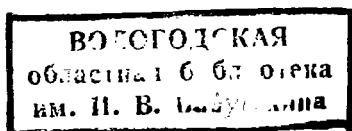
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

ВЫПУСК 1

Отв редактор *Н. А. Мещерский*

760218

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1970

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Сборник, подготовленный сотрудниками кафедры русского языка ЛГУ и Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина, посвящен различным аспектам изучения русской диалектологии. В статьях исследуются фонетика, морфология, синтаксис и лексика русских говоров, распространенных на Севере Европейской части РСФСР: в бассейне р. Пинеги (Архангельская обл.) и в низовьях р. Печоры (Коми АССР). Все статьи написаны на материале экспедиционных исследований, производившихся за последние годы.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов-русистов, учителей-словесников и всех, кто любит и ценит богатство и выразительность русской народной речи.

ОТ РЕДАКТОРА

«Язык простого народа, — писал А. С. Пушкин, — достоин глубочайших исследований». Этот завет великого писателя осуществляется в наши дни советскими языковедами-русистами. Углубленное изучение русских говоров за последние десятилетия приняло особенно широкий размах. Это способствует все большему накоплению ценных диалектологических материалов: записей народной речи, в том числе и магнитофонных, обширных словарных картотек, на основе которых на местах создаются полные и дифференциальные областные словари.

Кафедра русского языка Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова и Межкафедральный словарный кабинет (МСК), созданный проф. Б. А. Лариным, ежегодно проводят диалектологические экспедиции, преимущественно в области и автономные республики Севера и Северо-Запада.

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит статьи и исследования по русским говорам Севера. Авторами их являются главным образом сотрудники кафедры, принимавшие активное участие в экспедициях. Наряду с этим публикуется несколько работ, выполненных участниками экспедиций — бывшими студентами университета, а также работниками других вузов, включившихся в разработку коллективных тем.

Первый раздел сборника состоит из статей, посвященных изучению звуковой и грамматической системы в говорах Архангельской области бассейна р. Пинеги. Это статьи, написанные В. В. Колесовым, Г. Я. Симиной, В. И. Трубинским по материалам экспедиций 1960-х годов. Говоры Пинежья в прошлом не изучались. Публикуемые в сборнике материалы призваны заполнить этот пробел в диалектологических знаниях.

Во втором разделе сборника печатаются работы по фонетике (статья Ю. Ф. Денисенко) и лексике говоров по нижнему течению р. Печоры на территории Коми АССР. Эти исследо-

вания произведены на основе материалов, собранных экспедициями 1960—1967 годов, и словарной картотеки Печорского областного словаря, хранящейся в МСК. Л. И. Ивашко публикует составленный ею проект и пробные статьи Словаря печорских говоров, разработанные составителями этого словаря. Работа А. С. Герда, преподавателя Коми педагогического института М. С. Михеевой, сотрудницы МСК И. С. Лутовиновой и выпускницы университета Э. В. Федоровой посвящены лексике печорских говоров, различным аспектам этой темы и в разных проявлениях.

Списки принятых сокращений словарей и названий населенных пунктов Архангельской области и русских поселений в Коми АССР даны в конце сборника

Издаваемый ныне сборник «Севернорусские говоры» рассматриваем как первое звено в составе регулярно публикуемой серии, в которую впоследствии будут включаться исследования подобного рода.

Редакция надеется, что предлагаемое издание принесет пользу исследователям и читателям, интересующимся богатствами русской народной речи, служащей одним из основных источников пополнения общенационального русского литературного языка.

Н. А. Мещерский

В. В. КОЛЕСОВ

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В ПИНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Целиком описательная, эта работа не претендует на изложение всех вопросов, связанных с происхождением или развитием акцентных типов в диалектном склонении или спряжении. Такая задача может быть решена лишь при широком сопоставлении с другими русскими говорами в генетическом плане.

Намечаемый подход к материалу — описание акцентной системы говора с позиций историка языка — даст материал для подобного исследования лишь в том случае, если описание будет исчерпывающим (но без излишних подробностей фактологического характера).

Общая характерная особенность говора — наличие разговорной интонации, отличной от фразовой интонации литературного языка. Мелодичность речи достигается ритмичным чередованием типов интонации, которые трудно проследить благодаря их специфичности и значительной зависимости от темпа, цели или смысла высказывания.

Совершенно определенно можно установить два типа интонирования — вопросительной интонации восходящего характера:

так што-о-о ты сиди-и-ишь?

и сообщительной, утвердительной интонации восходяще-нисходящего характера:

хлеб-от есть ве-е-еть.

Чисто нисходящей интонации (нейтральной, типа интонации в литературном произношении) вовсе нет. Этим объясняется от-

рывистость, «резкость» речи; определенное многими обстоятельствами перемещение словесного ударения увеличивает расхождение с литературной просодией. Характерно также, особенно в свободном, самостоятельном употреблении слова, протягивание конечного открытого слога, вызывающее представление вторичного ударения даже в двусложном слове.

Все указанные особенности ударения и интонации присущи также другим генетически северновеликорусским говорам, из чего можно заключить, что они, в настоящее время частично разрушенные, восходят к древней северновеликорусской просодической системе.¹

Ударение имен существительных женского рода старого склонения на *-а во многом совпадает с ударением в литературном языке. Часть из них характеризуется постоянным ударением на корне (типа *вѣща, грѣва, дорѣга, корѣва, кѣча, пѣтля, рѣна, рыба, стѣпа, яма*, также заимствованные *лѣда, мѣрга, сѣрга* и др.) или подвижным ударением (*беда, вода, голова, гроза, душа, земля, коза, кора, нога, нора, овца, роса, рука, смола, сноха, сова, соха, стрела*). Постоянное ударение на окончании свойственно в основном малочисленной группе слов с кратким корнем (*жена, оса, сестра* и некоторые другие). В отличие от литературного языка древнее ударение на корне сохраняется по крайней мере в словах *гѣба, сѣсна, спѣна, дыра*. В других случаях накоренное ударение ряда падежных форм может быть и вторичным, ср. им. ед., *голова* болит Шт, *корова* засела в грязь В, *стѣна* сороковка К, *страда* Мт (но: *страда-то* однажды живет К), *стрѣла* смѣртна Вр, *труба* А и др.; род ед.: нынче с *вѣсны* холодно порато В, из тихой *вѣды* А, против *вѣды* не плавают А, лес с *гѣры* в воду идет В, с-под *горы* шла В, с *гѣры* спускаешься В (но: лошадь с *горы* летала К), из *избы* не выхожу А, В, Е, К, Ц, Шт, от *ольхи* М, с *вѣсны* Кш, Ш, с *рѣки* вода Ш, зимой с *рѣки* володим В, а там сколько будет *травы* Ш; дат. ед.: по *вѣсне* была Ц, к *вѣсне* Мт., к *зѣмли* В, к *рѣке* В, К (к *рѣки* Нф 140); предл. ед.: он живѣ на *гѣры* Д, З, К, Мт, Кш, в *гѣре* В, он на целинной *зѣмли* живѣ В, песни затеним в *избы* Н (в твор. ед. только наречие *зимой* В, Вх, К и др.). Наоборот, отличное от литературного наконечное ударение редко: окситонеза зарегистрирована лишь для слов *вѣха, сера, хвоя, чаща, шкура*. В твор. ед. наконечное ударение возможно и у исконно баритонированных, ср. з думѣй В, жирѣй В и др.

Иначе в формах множественного числа. Постоянное ударение на корне отмечено в им.-вин., ср. *вѣхи, волны, гряды, лѣсы, зимы, избы, кѣшки, косы, дѣньги, ноги, осы, пѣлены, полосы, рѣсы, рѣки, сохи, стрѣки* и под. (но: *косы-ти* мужик оторвал К).

¹ Отдельные замечания об интонации и ударении соседнего с нашим говором см.: П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. В сб.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949, стр. 11—15.

В косвенных формах, несмотря на редкие исключения, обязанные воздействию литературного произношения (ср. *сёстрам* при обычном *сестра́м*), наиболее типичным является исконное наклонное ударение, ср. дат.: *по война́м* К, *по деньга́м* К, Н, *по деревня́м* В, делились *по душа́м* Е, Кр, *коза́м* В, Кх, М, *по тем река́м* К, *к овца́м* В, Е, Г, К, Т, *семья́м* В, *по стенам* В, М (но: *короба́м* В и под.); твор.: *вила́ми* В, *идут гора́м* Кш, *грабля́ми* В, К, *з деньга́ми* В, *доска́ми*, З, Д, *звезда́ми* Нф 154, *зима́ми* В, К, Кр, М, *коза́ми* В, М, *коса́ми* косят В, Ц, *нога́ми* В, Е, *с овца́ми* К, *полоса́ми* В, *за река́ми* В, *рука́ми* М, Н, *с сестра́ми* К, *стрелла́ми* М, *со строка́ми* В, К, Кр, *с трава́ми* В, Е, *с ягода́ми* А (но: *си́лами* В, *тѳцьями* В); предл.: *на война́х* А, К, *в гора́х* В, *на доска́х* В, *на душа́х* В, *в ызба́х* В, Мт, Ш, *в квашня́х* А, *на нога́х* В, К, *на овца́х* Б, *в малых река́х* К, Б, *в стена́х* В, Вх, *в трава́х* К, *на трава́х* Е (но: берлоги *в гора́х* копают В, также на *доро́гах* А, *в ызбах* К, *в быстрых ре́ках* ходят К и под.).

В соединении с частицами *-та, -то, -ту, -ти* и др. ударение перемещается на последний слог слова, но только у подвижных имен, ср. в вин. ед., где возможно наклонное ударение в исконно баритонированных именах: *на во́лю* не выйде В, *этую-то ка́шу* не соля К, *за корова́-ту* дали В, *на ниву́* К, Э, терпи *нужу́* Вх, *репу́* пекут В, К, *на си́лу* не отдавали В, *стри́ну-ту* М и многие подобные; синтагматически не меняется место ударения и в словах окситонного типа: *дыру́* Кр, *икру́* М, *жону́* Ц, *в кисю́* наклали В, *дерне иглу́* В, *стацила кроху́* В, *под межу́* положу М, *дерьгаёт пилу́* В, *козу́* резала З, *серу́* жуют В, З, *овцу́* ест Вх, *слеза́ слезу́* бьёт К, *стрелу́* Г и т. д., а также: перетяни *козу́-ту* К, *гоня серу́-ту* Ш, В, *Проню Беду́-то* [прозвище] знаешь В, *икру-ту* не варят В, *срезать кору́-ту* Ч. Во многих случаях такое ударение вторично, ср. в древнерусских памятниках *ко́зу, се́ру, овцу́, стрелу́*.

Иначе в словах с подвижным ударением: в «свободном» употреблении ударение всегда на корне, при наличии постпозитивной частицы оно переходит на окончание, при наличии предлога — на предлог. Примеры: надо *боро́ду* иметь В, ветры всю *вёсна́* ходя В, *воду́* возила Ц, *в воду́* спустят В (также Е, Вх, Ш и др.), *в го́лову* ударило К, летят сломя *го́лову* К, Ц, на эту *го́ру* скоком бежал Ш, в родную *зе́млю* Кш, *целу зи́му* не моются В, Г, в другую *и́збу* пошли В, М, *ко́ру* стешот Вг, *косу́* оторвал ей В, К, *но́гу на ногу́* кладет К, не могли *в нору́* посадить-то М, *вышыла пелену́* ко кресту З, *пётлю́* Вг, в эту *пору́* пошла М, *смотрел у меня́ ре́ку* К, она *ру́ку* подаст К, *семью́* выростила В, *в смо́лу* спустя К, *ударил о стену́* Вх, в ту *сто́рону* В, всю *стра́ду* работает Г, они косят *тра́ву* Е, К, *тропу́* на реку З, *труба* — *колодец, в тру́бу* за водой ходили Б, В, Э, но: на поли *вьют боро́ду-ту* В, *у тебя-то* постригается *боро́ду-ту?* В, *борону́-ту* *запретём* Шт, *воду́-ту* *нося* В, К, М, Шт, я помню *ту воду́-то* Б, В, К, *го́лову-ту* простудила Б, В, К, *турнеп с го́лову-ту* *вашу* Ш, *голо-*

вѣ-то припадки берут М, на *горѣ-ту* носила Кш, *губѣ-ту* ростанѣ Е, подарит *деньгу-ту* М, *доскѣ-то* занѣс Е, М, Шт, пашѣт *землю-ту* В, М, в *зимѣ-то* што будете ись Е, хошь *избѣ-ту* подгребу В, *косѣ-то* девке расплетут В, К, за *ногѣ-то* дѣржит В, розодрала *ногу-то* К, Ш, за *рекѣ-ту* ездя В, М, Ш, згробил *рукѣ-ту* К, В, *страдѣ-ту* пострадали Д, падут на *травѣ-ту* В, Ш, не улетел в *трубѣ-ту* В; ср. с этим: дак *на весну* осталось Ц, пустил всё *на воду* В, К, Кш, *по воду* А, брали голова *за голову* В, петля *на голову* М, К, *на душу* Е, М, легли *на землю* А, К, сушат *на зиму* А, З, Кш, Н, Э (ср. на *зиму* Г, за *зиму* Кш), *за ногу* Т, Ц, *во пору* чистили Шт, Г, дома стояли *о реку* А, Кр, шум *на реку* вышел В, Вх, З, *за руку* ходя Шт, не хвата *на семью* В, *дѣржица за скобу* А, *на стену 12 пасм* К, *на сторону* П, *на страду* уехали В, Н, ходила *по траву* Б, *лѣг на траву* Кл и т. д. Исключения из указанной закономерности в речи старшего поколения очень редки: *землю* накладываете Б, за *рекѣ* живут Е, за *щокѣ* полож В, *косѣ* плети В, *водѣ* плещо А — в словах с кратким корневым слогом.

Сопоставляя приведенные примеры, обнаруживаем, что клитика изменяет ударение у имен, выступающих в качестве подвижных, причем к числу последних относятся и исконно баритонированные (очень редко — только ставшие диалектно окситонированными, ср. *губу*), и исконно окситонированные (главным образом имена с долгим корнем: ср. *реку, стѣну, страду, траву, трубу* и подобные). Соответствующие примеры изменения словесного ударения характерны и для других грамматических типов подвижно-окситонированных имен (см. ниже); они указывают на синтагматический характер словесного ударения в старом диалекте.

У имен женского рода *-ь-основ независимо от исконного ударения иктус обобщается на основе в род. ед. и на окончании в предл. ед.: *две горсти* В, *пол горсти* Г, *сколь грѣзи* В, *без грѣди* Б, *до крѣви* З, К, *лошади* М, *до оси* В, *до осени* М, с *пѣци* А, Б, В, К, М, Мт, Т, Ч, Ш, Шт и др., *до повѣти* Ш, *до смѣрти* А, В, К, *после смѣрти* Кш, *из шерсти* П, Ш; кроме того в дат. ед.: *по грѣзи* В, *к доцѣри* В, *к осени* Б, В, Ш, *к пѣци* ити В, *к сѣти* Э (но: худо *паметѣ-то* В, *по повѣти* ходила В, также *по путѣ* К); твор. ед.: *ночью* В, *осенью* А, В, К, Кш, Шт (но: угонили *осенью-то* Ц), *осью* В, *под цѣпью* М и т. д., но в предл. ед.: *на гарѣ* М, *в горсти* В, *в грѣзи* В, *на грудѣ* К, *на запанѣ* лова рыбу М, *в клѣтѣ* Кр, *в корѣ* болела Шт, *на костѣ* Кр, *на лошади* Б, Вх, К, Кр. М, Ш, *на осенѣ* промышлял В (ср. также: *на осенѣ-то* угонены Ш), *на очередѣ* В, на *моей памяти* Кр, *в пасти* пса Кр, *в пещѣ* Вх, К, Ш, Шт, *в постелѣ* полежит В, *на пристанѣ* был В, *в пролубѣ-то* В, *в шалѣ* В и т. д. Во множественном числе ударение на основе только в им.-вин., в остальных формах обобщенное ударение на окончании: *грудѣ* Кр, *двѣри* В, *клѣти* Мт, *лошадѣ* З, *снасти* К, но *до грудѣй* Н, *доцѣрѣй* оддала Н, *записѣй* В, *кос-*

тѣй Кр, *мышѣй* А, *пецѣй* В, *смертѣй* К; *к людям* М, Шт, *по волостям* В, *по детѣм* Н, *по клетѣм* В; *дверѣми* М, Ц, Шт, *помощѣми* жали В, *рецѣми* В; *в грудѣх* К, на *моих пометях* К, Кр, *в сѣнях* М.

Так же, как у существительных женского рода, распределяется ударение у существительных мужского и среднего рода (в основном старого типа склонения на *-о). Здесь оно также избегает конечного открытого слога, но перетягивается на конечный закрытый слог (перед исчезнувшим редуцированным) или на конечный открытый при присоединении энклитического члена. Примеры.

Род. п. ед. ч.: *с боку* В, К, *с бору* К, *до вѣтру* Ц, *два вѣза* Ш, *во́лка* Т, *года* А, К, *гуся* З, *до́ма* В, Ш, *от дѣбу* В, *звѣря* В, Кр, *корма* Ш, *корму* К, *мо́ху* Ц, *лѣсу* Кр, Ш, *от локтя* В, Кр, *с лѣга* В, *лѣку* К, у самого *мосту* З. К. ис-под *крѣжу* В, *с носу* В, З, *до по́ту* К, *ра́за* А, *воз сѣна* К, *снѣгу* нет В, Э, *хлѣба* Кр; при наличии члена: *с корня-то* желтеют В, в горенку из *хлева́-то* А, В, четверо овец *у сена́-то* В, ой *смеху-то* было В, Т, Шт, съели *лося́-то* В, взвесил *без весу́-то* В, уж я-то *с сына́-то* элементы заставаю В, около *мо́ря-то* мерѣжи Кл. Ударение на окончании, как в литературном языке, чрезвычайно редко и факультативно: *двора́* Ш, *до́жжа* В, *у гриба́* Ш, *у оца́ жил* Ц, *сига́* В, *со ствола́* В; все отличия от литературного русского касаются ударения на корне: *до́жжа* бы бох дал Вх, ходит кругом *ко́ня* В, *ко́ня* зовѣм К, косил *у куста́* К, набрал корзину *листу́* Кш, *плѣду* нет Г, К, муского *полку* нет Вх, *пу́па* нет Кр, ниже *пѣ́па*, от *пѣ́па* М, *ро́ту* не отваривала К, *езде-то* *ско́ту* мало М, из берѣзового *ство́ла* П, *с угла́* на угол В, *с холму́* хлеб Вг и т. д.

Дат. ед.: *к сѣну* В, К, *по бѣре́гу* Кш, *по крѣ́жу* В, *по мо́сту* В (и также: *по мосту́* Кш), по всему *полу* М, *по снѣ́гу* К, *по стѣ́б-лю* В, но: *по лесу́-ту* Е. *к веце́ру-ту* Ш, *к исподу́-ту* В; также *к вра́цу* ходит В, к *тому-то двору́* стали М, *ко́ню* дал ись В, *по куста́* А, *плѣду* будѣт времѣ К, каждому *пѣ́рсту* названье К, *к углу́* поставим В, М, и под.

Наоборот, в твор. ед. ударение на окончании чаще, даже в таких случаях, когда в литературном произношении обычно ударение на корне, ср. *быко́м* К, *горбо́м* А, В, *до́жжо́м* В, Д, *коло́м* А, В, *конѣ́м* М, *ковшо́м* В, *кресто́м* В, Кш, *крыло́м* М, *мужу́ком* В, *ножо́м* В, *песто́м* К, *серпо́м* В, К, Ц, Ш, *ското́м* В, Н, *хвосто́м* Е, *штыко́м* М, но также: полная *с верхо́м* К, закрыть *заслоно́м* печь В, у него *под низо́м* живѣ Мт, Ш, *плато́м* закрыли В, *за плуго́м* все мы В, *хлево́м* Кц и в наречных сочетаниях: не скажо *ладо́м* М, спой *ладо́м-то* К, всё *лето́м* полетит К, засмеялась *сме-хом* В, Кх, Кц и т. д. Однако отмечено и ударение на корне: *гла́-зом* К, *с корнѣ́м* Б, Ц, *лѣсо́м* М, Кр, *мо́стом* Мт, *мохо́м* К, Ц, *плуго́м* В, М, Ш, *ро́гом* В, *уголо́м* Н, также: *бѣго́м* бегаёт К, *сте́-гону́л кну́том* В, *с крѣ́ком* В, Е, К, Кх, Ц, *рядом с куста́* В, *за листо́м* Е, К, Ц, *пѣ́рсто́м* В, К, *лобо́м* Е.

Ударение на корне в форме предложного падежа сохраняется, как правило, в словах со старой флексией, новая для этого склонения флексия *-у* перетягивает ударение на себя, ср. *на берегу* Е, К, *на борю* Б, Е, К, М, Н, *на веку* В, М, Мт, повешен *на вороту* Ц, *на лугу* К, *на мосту* В, *на низу* Ш, *на низу-то* В, *в долгу* М, *на смертном одру* К, *на полу* В, *иголка на полу-ту* Б, *на пруту* Б, *на сиверу* Ш, *в спюю* болит В, Мт, *на столи* В, *в торгу-то* Шт, *в лесу* А, В, К, Ш, *в лесу-то* Кш, плавали *на лесу* ране Ц, *в хлеву* Е, *на острову* В, Вр, К, Ш, *на цвету* В, *в пеплу* всё дойдёт М и др., также в каком *месяцу-то* В, *што в подполі-то* В, *земля в холодé-то* В, *молоко на холодју-ту* у меня Кш, *в погребу* В, но: там *вверху* нет никого А (ср.: *на верху-ту* В), в прошлом *годе* В, К, Ш, в сёмом *годе* В, в этом *годе* плохо В, в третьем *годе* Ц (ср.: на сёмом *году* К), *в доме-то* В, в евдокимовом *доме* В (ср.: в новом *дому* В), *байна на заду* там В, на самом *крае изба* П, кто есь *в кусте-то?* К, сено *в лесе* косили В, Кш, *в лесу ле* где ле живут Ц (ср. выше: *в лесу*), *в носу* Г, *полот был, на плоту* лошадей возили А, как каша *в роти* В (ср.: *сохне во рте-то* К) и под.

Сопоставления типа *в роте — во рту — в роте-то* показывают, что старое накоренное ударение (отмеченное и в памятниках письменности) сопровождается слово в его архаической форме, а ударение на флексии появляется лишь в том случае, если эта флексия новая (ср. еще *в лесе — в лесу*); очевидно, окончательное ударение такого типа вторично и не связано с древним чередованием в *роте — во рте-то*.

У имен среднего рода того же склонения ударение в единственном числе обобщается на корне: *пестрина на лице* К (ср.: все *ямки на лицю-то* К), все *запрете от тёпла* В и др. (но всегда: *болото, масло* и под.), вместе с тем, находим *вёсло* Мт, *зёрно* сыпят Вр, *стёкло* Мт, также *дерево* К, *озеро* К, *в озере* К, но и: *озеро-то* на заповке К. Единственное исключение касается слова *ухо*: *на ухó* тежола уж В, *из-за уха* нать *замахивать* В, и *ухом* не ведё А. В твор. ед. ударение на флексии даже в тех словах, которые в литературном произношении требуют ударения на основе: *сын-от за делом живё* В (также *временём* К) и др.

В именительном и винительном падежах множественного числа у существительных мужского и среднего рода рассматриваемого типа склонения распространено старое ударение на основе, хотя в сочетании с членом оно и может переходить на окончание: *беси* Кш, *валы* — высоки места Ш, во свои *вёки* М, *вёрхи* сняты Кш, *каки вóзы* возили В, К, *волки* В, Н, *в ворота* Вр, З, Мт, Ц, *воры* В, Шт, *глазы-ти* у него есть Ш, ругали *в глаза* Кр, *годы* В, М, те же *годы* те М, *долги* В, *домы* пусты В, З, М, Ц, *под домы* кладут М, *зубы* В, К, Ц, *кнёзя* Б, *крёжы* Ц, *крюки* К, *лари* В, все *лэсы-то* подивя К, эти *листы* куды будут? В, *лоси* В, М, Ш, у Ботихи *каки мосты* В, *носы* Г, Кр, *завастривали носы* [у лодки] З, *отморозили носы-те* Ц, *плүги* Н, *плуты* В, Шт,

моют *пóлы* А, М, *слéды-то* медвежьи Ш, *каки-то слéды* Ц, *собака слéды* найдёт К, *снéги* глубоки Мт, *снóпы* В, *в стóги* Мт, *твéты* Мт, *ўглы* К, *ўзлы* В, Ц, как *ўсы* опустились В, *хлéбы* В, З, где мне *хлéбы* взять В, Шт, придут *хлéбы-ти* К, Ш, *хлéвы* М, *хорóмы* Ц, но: *волы-те* страшны В, *потонули мосты-те* В, *мохом мшат пазы-те* Ц, *попы-те* служили Ш, нас *попы-те* так учили В, *снопы-те* вязать В, эки *соколы-дак* Н, у нас *хлевы-те* тёплы Е, в вин. иногда и без члена: искать *грузди* М, *дары* даря В, вязать *снопы* Н, *на страху* господнии К, *ткали холсты* Шт.

В редких для говора формах мужского рода с флексией -а всегда окончание ударение, ср. *под бока* В, *дома* строя В, *леса* В, стары *дома-те* В. Таково же положение у имен среднего рода: *заложило ўхи* М, *сény* Кр, *дрóвы* возит В, К, Мт. и под., но при флексии -а: *блюда* Д, *житá* М, Ц, *местá* Ш, *пивá* К, *поля-те* К, *сена* М, К, Кр, Кш и др. (три первых слова в древнерусских памятниках имеют закономерное ударение на корне; в данном случае распределение флексий -а и -ы определенно зависит от характера ударения, одинаково у имен мужского и среднего рода).

В родительном падеже чаще ударение на флексии: *бокóв* Ш, *волкóв* В, К, *годóв* В, К, *городóв* Шт, *грибóв* В, *грузде́й* М, *зверё́й* В, *зубóв* К, *клопо́в* Шт, *лугóв* А, *плодо́в* К, *снопо́в* М, но и *бесóв* Кш, нету *волосóв* А, *горло́в* К, *дьяволо́в* А, *зайце́й* Кр, *змеёв* В, *месеце́й* М, Ш, *место́в* В, *олене́й* бить Ш, также *стеко́л* К. Ударение на корне редко: *ко́ней* В, Вр, М, Н, Кр, Ц, Ш, *ко́рмов* нет К, *до плу́гов* К, *хлéбов* жала Кр, *хлéбов* не было В, Вр, М.

В дательном падеже: *по борáм* В, *по лесáм* В, Кш, *дорога к сенáм*, В, К, Кр, но только: *к ко́ням* Вр, М, Чл.

В творительном падеже: *годáми* К, *грибáми* В, М, *домáми* М, *зубáми* К, *клюце́ми* М, *кругáми* Ц, *лесáми* В, *ножа́ми* В, *плу́га́ми* В, *попа́ми* Ц, *столба́ми* В, *трудáми* А, *холма́ми* З, а также *бревна́ми* Чл, *брюха́ми* Вх, П, *вилáми* К, *зайце́ми* звали В, *сена́ми* В, *ухáми* М, т. е. существительные среднего рода получают одинаковое с именами мужского рода ударение, продолжая тенденцию, намеченную в формах именительного и винительного падежей. Во всех населенных пунктах накоренное ударение последовательно только в слове *ко́нь* (форма *ко́неми*), в других именах возможно колебание, т. е. *гвозде́ми* Кш, но *гвоздеми* В и т. д.

В предложном падеже: на наших *векáх* Е, *в глазах* В, на двух *годáх* В, *в куста́х* Шт, *в лесáх* В, К, М, *на лугáх* В, *на столба́х* К, *во хлева́х* Кр, также *в села́х* В, на сторонних *сена́х* В, в сырых *местáх* К, *на поля́х* Ш, *на кресла́х* М, но *на коня́х* А, В, Вр, Е, З, К, Кш, П, Ш, Шт, Катя не *в ду́хах* сегодня К, на иных *хлéбах* З, на готовых *хлéбах* Мт, на *плеца́х* В, Мт, *голова на пле́цах-то* В, М, *на скла́дах* есь М.

Таким образом, даже новые окончания *-ам*, *-ами*, *-ах* не во всех случаях являются подударными.

Часто в двусложных (и многосложных) корнях ударение обобщается на втором (закрытом) слоге в форме именительного падежа единственного числа, не изменяясь при склонении: не подберё *волóсы-те* (но: распустила *во́лосы*) В, *ворóб*, на *ворóбы* К, *голéнь* Шт, *долóто* (и *долотó*) М, долбят *долотом* К, М, *жем-чúг* В, *кашéль* А, В, *колéсом-то* вертел Кш, *колокол* звонил В, Вх, Ц, *колоко́лы* вешали В, М, с *колоко́лами* В, без *колоко́лов* В, с *косты́лями* В, *наволо́к* Вр, З, Мт, по *наволо́ку* А, Ш, *наволо́ки* З, Кш, Ш, в *наволо́ка* В, Вр, Кр, Н, Ц, в *наволо́ках* М, ударил *обу́хом* по голове З, Шт, без *отдóху* В, К, на *отдóхе* Э, *перéд-от* не отделан [у дома] К, розорали *перéд-от* К (ср. в *передú-то* Д), *потоло́ки* К, *под потоло́ком* В, на *потоло́ке* В, *силóсом*, на *силóсе* Кш, *слуца́й* В, *сокол*, два *соко́ла* А, ржаной *солóд-то* ещё лучше *со́лоду* К, *стебéль* В, пришла в *угóл* В, *черéво* [у рыбы] А, всё на *языке*, *языком* В и т. д. Существенно, что в эту группу входят полногласные формы с исконным ударением на первом слоге (циркумфлексовая интонация корневого слога): они наиболее показательны при установлении ведущей тенденции диалектного ударения, поскольку в других случаях представленное ударение может быть исконным, ср. в древнерусских памятниках постоянное ударение на втором слоге в словах *жемчуг*, *обух*, *отдох*, *случай*, *сокол*, *язык*.

Из суффиксальных имен рассмотрим только существительные с продуктивными для говора морфемами.

Суффикс *-ин-а*: *вересíну*, мелка *градина* В, *дердúна* К, *деся́тíну* В, *метúна* у моркофки Шт, *цищенúны* М, *мокретúна* В, *мекúна* Ш, *овцúну* В, *половúны* К, *пушнúну*, *руцьевúна* В, *семерúнами* Ш, *сиротúна* М, *скотúну*, *ставúны* К, *травúна* Ц, в *церепúны*, *церепúна* В, *щетúна* М, но: на *болóтины* В, *валéжина* Ц, *вóтцина* Ш, *вóтцину* Кр, *кобы́лина* Ц, по *колóдинам* Ц; борова *поскóтина* А, Кр, Ш, ходит по *поскóтины* В, *поскóтины* (им. мн.) Е, *прéдина* К, *хлéбины* З — в корнях с исконной акутовой интонацией.

Суффикс *-(н)иц-а*: на *божнúцу* В, М, на *божнúци* В, *води́ца* К, *деви́ца* М, Кш, Ш, Ч, Нф 119 (ср. *деви́цу* А), *кисели́ца* Ц, *куни́ца* Т, *куни́цу* Кл, *ледени́ца* Ш, *лиси́ца* К, *медуни́ца* К, Ц, за *ножница́ми* (ср. *но́жницы*) М, она мене *родни́ца* В, К, *темни́ца* М, *трепúцу* Б, *тресунúца* В, все на *улицы* гулять Б (ср. на *у́лицы* М), на *улица́х* ходили Е, М, Ш, но: *вёршница* М, *вошница* Ш, в *губни́цу* кладут А, Ш, *губница* В, М, с *губницей* [грибной суп] В, М, *косови́ца* Ш, на *лави́цу* В, под *лиси́цей* Мт, в *матчи* (предл. ед.) Ц, *вóспици* К.

Суффикс *-ищ-е*: за *волосúща* А, *двори́ще* В, *домови́ще* В, К, *ходя на игри́ца* В, Вх, А, М, на *игри́цах* К, на *меци́ще* М, в *огни́ще* Кл, под *огни́щем* Кл, *пепели́ще* В, *топори́ще* М, но: *кладби́ще* Г, Кш *па́стби́ще* Ш, в *сонми́ще* Кш, *торго́вище* Кш, Ц.

Суффикс *-ник*: какой *бабнік* В, *броднік* [невод] Б, *варнік* ты, *варникі* В, *венік* К, *обложнік* [туча] К, М, *плетникі* плетем В, *промышленік* Б, *роднік* В, *ручнік* А, но: *двiмник* М, с *двiмником* М, *двiмники* В, *жiтники* Ш, *крупник* [миска] деревяной М, на *крупнике* Ш, в *крупнике* Б, в *кумачнике* К, *нужник* Кр, ходил в *нужник* В, *перiнник* толстой К, *повойник* К, *розбойник* Кш, *спiчник* К, М, *сципiчник* М, на *телiтник* В, *трудник* первый был Ц, но во множественном числе обобщенное ударение на новом окончании: *веников* А, В, Вх, К *вениками* В, К, и под., *житников* не некем К, на *крупниках* пекут В, по *праздникам* В, *праздников* К, о *праздниках* М, *прениками* В, *сродников* К и многое подобное.

Суффикс *-от-а*: девья *красота* А, но: на лошади своя *доброта* М, *робота-то* Ш, напустил *икоту-ту* Кш, *сироту* М и т. д.

Для определения причин и времени возникновения отличных от литературного языка ударений важны слова с редуцированными гласными в составе суффикса.

В именительном падеже единственного числа (где /е, о/ из /ь, ъ/) ударение возможно на корне (если он долгот) и на окончании: *конец* А, В, *венец* Д, *конец* Д, *молодец* А, *веничек* Г, *камышок* К, маленькой *домашек* Ш, *челнок* К, но: *хлебец* К, *хоромец* К, *старец* А, *внучек* Д, дресва как *песок* К, *язычек* обрезан Кц. В других формах ударение, как правило, располагается на слоге перед выпавшим слабым редуцированным гласным /ѣ, ъ/, независимо от исконного типа ударения и древней долготы — краткости гласных: на *брюшке* ползти К, с *ботожком* идё В, *озёрко* К, два *околка* Ш, *портно*, из *портна*, на *портне* Ц, но не *ткёт портён-ту* Ц; *дровца* тожо дороги Ш, уж придут ваши *дружки* К, таки *зубцы* В, *концы* А, В, Г, З, К, Н, золота *мешки* Г, все *первенцы* помрут Кш, *силки* ставил Ц, *молодка* на всяки *творци* выходит К; *бархатка* В, в *боцку* Г, моя *заработка* Шт, *искорка* прене Е, горстку *муцки* З, *муцкой* З, *пёцку* А, из *пороцки* лило В, воду *пороцкой* церпают З, *шанёжки* В; *вещек* З; *глазёньки* К, *девоцку* Ц, *дэнецек* [т. е. день] какой красивый В, *листоцком* берёзовым К, *огонечек* горел В, Кш, нету *пiсемца* К, *семiцко* [семя] В и т. д., ср. также обобщение ударения на суффиксе *-ушк-а*: *телушка* В, Ш, *телушку* В, К, Ц, *телушкой* Ш, *лягушка* Ш, *ракушки* В, с *горушки* Д, на *горушку* Д (ср. на *горушку* М). Исключения касаются форм дательного, творительного и предложного падежей множественного числа, где, так же, как и в других случаях, ударение может перетягиваться на новую флексию *-ам, -ами, -ах*: *ломотками* В, по *пальцам* видно В, снизу *решками* ошерблен М, *стоешками* В.

Ударение **имен прилагательных**. У кратких прилагательных, в отличие от литературной нормы, иногда ударение не на окончании: *глубоко* озеро В, правда *дорога* К, я *молода* была В, Мт, они *седы* на головы М, она *сыта* будет В, рубаха *цела-то* Кш и т. д., но в закрытом слоге *нужон* А и под., хотя и в открытом

слоге иногда может быть окончательное ударение в форме множественного числа: ноги *долги́* Е, родители-те *живы́* Н, они *живы́* еще Кш (исконное ударение этих форм: *до́лги, жи́вы*) и т. д.

У непрямых полных прилагательных некоторое расхождение с литературным ударением. Ударение на корне отмечено, в частности, в следующих случаях: *бе́лый* В, *бе́лая* К, *в бы́стрых* реках К, *во́стрый* В, *глу́пых* М, *в голу́бой рубашке* В, Ш, *голу́бой* В, Вх, Е, К, М, Мт, Н, Ц, *голу́бого* цвета В, М, *с голу́быми* В, *го́лый* В, *на гото́вых* хлебах Мт, *гу́стая* шерсть А, *ди́кий* хмель В, несеце как *ди́кой* А, В, Ц, *до́брой* Ш, *на дру́гой* день В, М (но: *до дру́гого* утра К), *братей жи́вых* нет В (ср.: *живо́й* В), *жо́лтой* цвет Е, *в ле́вой* руке В, *заревела лихим* матом В, *в ма́лых* реках К, *моло́дый* А, *моло́дых-то* В, *в моло́ды* годы В, он *моло́дым* был В, (ср.: *молодо́й* был М, *молодых-то* нет В), *но́вой* домик В (ср.: *ново́е* подмётки М), *огру́бой* берег В, *пе́рвый* Ц, *пе́стрый* К, *по́лный* дом Шт, *си́ней* цвет Ц, *ску́пый* В (ср.: *скупо́й* В, Е), *споро́й* Шт, *ста́рой* век Ц, Ч, *ста́рому* В, *ста́рых* К, *хи́трый* В, *хра́брой* В, *це́рной* цвет Ц, *в це́рной* избушке М, *в цу́жих* людях В и под. Ударение на окончании: *бело́й* муки нету В, *босо́й* М, *гу́сто́й* В, *долго́й* (язык и т. д.) В, Вх, Кр, Кш, Мт, Ш, Шт, *долга́я* песня В, Кц, *на долги́е* шосты К, *золото́й* мужик В, *косо́й* М, *крово́й* В, Вх, *круто́й* В, *лихо́й* Шт, *ловко́й* А, В, К, Кц, *нелюбо́й* дроля В, *наго́й* В (ср.: *наго́й* З), *немо́й* В, *пешо́й* Вх, *на пресно́м* молоке Вх, *пресно́го* Кр, *просто́й* В, Е, *прямо́й* ряд М, *пусто́й* В, *резо́кой* квас М, *слабо́й* Б, В, К, М, Н, *слепо́й* В, кто *смело́й* Вр, *сухо́е* Ш, *в сырых* местах К, *в сыру́ю* землю Кш, *сыто́й* В, *твердо́й* шар В, Кр, *тиха́я* погода Шт, *в тиху́ю* погоду М, *тихо́го* времени Мт, место не *тихо́е* К, *толсто́й* (человек и т. д.) Б, В, Г, З, К, Ц, *на толсто́м* мешке В, *толсто́го* не оденешь В, М, *толсты́е* росли дети М (ср. *толсто́й* лес Ч и *то́лстый* лес А), *тонко́й* голос В, *тонка́я* В, *с тонки́ми* голосами В, *третей* брат В, *туго́й* Е, *хромо́й* В, К, Э, дом *худо́й* В, Вх, М, Ш, *в худы́х* душах Вх (ср.: *худо́й* парень В), *цело́й* месяц М, *приехал цело́й* В, *церство́й* хлеб М, *чутко́й* зверь В, *в яро́м*, *в ровно́м-то* жару К, *ясно́й* день В. Обращает внимание, что окончательное ударение чаще всего встречается в форме именительного падежа единственного числа, хотя это, может быть, объясняется особой частотой в речи именно данной формы полного прилагательного; большинство отличий от литературного ударения связано как будто с древним количеством корневого гласного: ударение на корне, если он содержит исконно долгий гласный — голубой, густой, другой, живой, лихой, ногой, скүпой, худой, чүжой и т. д., но долгой, ловкой, твердой, толстой, черство́й и т. д., так же и с е из ъ: *пешо́й, смело́й, цело́й*.

В суффиксальных полных прилагательных ударение на основе: лапти *берёстяны* В, *че́сной* человек В, *водяно́й* колодец Кц, *во́льну́ю* В (ср.: *нево́льная* рука В), *горько́й* хлеб Кц, *дивно́й* ребенок В, *завозно́й* сахар Вх, по *зы́мной* дороге Вх, из *коно́пленого* В, *красно́й* В, Ш, *красна́я* К, *кро́ткой* В, *в нижнем* конце К,

манжетка *полóтняна* М, она *продóлговата* Вр, стрела *смёртная* Вр, при *смёртном* одри К, *смёшная* баба В, *удáлый* молодец В, пива *хмёльного* В, в *холóдной* избы К. Чаше ударение на окончании: *баской* Кр, *больной* был В, *валкой* плуг А, посуда *гниляная* К, не *говоркой* В, Кц, он *грязной* В, Г, З, К, Мт, Т, Ч, *грязного* В, *дельной* был мужик З, М, *дойная* корова В, *душной* запах В, в *дымных* избушках М, *жирной* Г (ср.: *жёрная* К), *крепкой* Кш (ср.: *крёпкой* М, Н), *крепкие* Шт, по *крестовой* дороге Вх, *крупной* лист В, К, *крупная* рыба, *крупную* рыбу А, В, без *крупной* рыбы Е, *ладных* [людей] Ш, *ломкое* Ш, *мелкую* В, очки *мутные* В, *парусные* карбасы В, *певкой* народ В, ветер *пособной* Кб, *ржаной* солод К, *родной* тятя М (ср.: маме брат *родной* М, брат мне *сродной* Н), *скусной* З, Кш, Кц, П, *слизкой* берег В, *слизкие* грибы Шт, *смешной* Шт, *сонной* человек, в *сонном* виде, па *сонных* напали В, ветер *страшной* В, *страшной* медведь З, на *страшной* неделе В, покойник такой *страшной* Ц, не *страшной* отец В, *страшная* мышь, *страшные* волки М, *трудная* вода Вх, *чудной* какой В, на ухо *чуткой* Ш и под.

Как показывает материал, распределение ударения в производных прилагательных невозможно связать с действием закона Хартманна: *гниляная* (посуда) вместо ожидаемого по этому закону ударения *гниляная*, *невольная* вместо *невольная*, *крестовой* вместо *крестовой*, *полóтняна(я)* вместо *полотняная*, *водяной* вместо *водяной* и т. д.; на то же указывают колебания, связанные с семантической дифференциацией, ср. примеры типа *родной отец*, но *родной брат*. Для наших целей важно установить постепенное увеличение в говоре полных прилагательных с окончательным ударением. В пинежской Минее (середины XVII в.) находим *толгстый* 23, в *глинныхъ сосудѣхъ* 30 об, *трудный* 292 и т. п.² при современных пинежских *толстой*, *глинной*, *трудной* и др. (во многих других случаях ударение Минее совпадает с современным диалектным, ср. на *страшнѣмъ судищы* 268 об). Наконечное ударение распространяется главным образом в именительном падеже единственного числа мужского рода (*дельной*, *сонной*, *грязной*) и в других формах с новозакрытым слогом (*ладных*, *сонных*, *дымных*; ср. чередование *смешной*, но *смёшная*, *жирной*, но *жёрная* и под.), а это предполагает фонетические основания указанной вторичной дифференциации ударения.

Ударение глагольных форм. В формах настоящего времени у глаголов первого спряжения ударение, как правило, на основе: не *вёрнешь* Кш, *повёрнеца* Кх, *первёрнеиссе* В, *завёрнешь*,

² Ниже приняты следующие условные сокращения источников: Зап. — Записная книжка монаха. ГПБ, О. XVII. 67 (начало XVII в., Кубенское озеро); Минее — минее из собрания автора (середина XVII в., Пинега); Нф. — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 109—218; Пч. — Пчела. ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание 114/1191 (1640 г., Вологда); Сим. — Симеоновская летопись БАН, 16. 8. 25 (XVI в., Вологда).

завёрнется Ш, виснет К, шест втыкнут К, вяжут Б, гребет А, денег дают А, как дернет К, вдернем К, вздернешь К, добавляем Кш, загибнет В, задохнется В, залезет М, замерзнем В, знаем К, кинут Кр, рыба не клюет В, украдут В, Шт, украде Шт, украдет М, Ш, обокрадут В (ср.: украдѣт М), крышу кроют В, летают М, муку смеют В, намелем Вр, можешь Ц, хмель мутается В, нагнетет П, натощут хвои Кл, отрежут В, отрезают В, дорезут В, отсека(ет) В, пашут Кр, М, белки плодуют В, напоют вам песен В, положет В, приду Г, Шт, придешь В, М, придет Вш, Э, придут К, Кр, идет Т, придем А, сеют В, секотѣют [сетуют] Кш, скажем, скажут В, песцов стреляют Кл, мимо рот сѣется К, кого толкнет М, хромлет К, кот царапается В, царапает Ш, царапают К, черпают воду Б, кремень щелкнет В и др., ср. в стяженных формах, нередких в говоре: засекаем В, остарешь М; она летат В, соблюдам В, убиват В, обливаем К, обезумешь К, работам В, не подгариват Вх, она бегат К и т. д. Ударение на окончание редко: секут, секѣм В, привезѣшь Ш, привезут К, голова зебѣ В, была кто и озябѣ Ш, не озябѣт М, несѣт В, унесѣт Ш, принесут К, живѣшь В, живут Ц, живѣт Кш, как свистнѣт Г, орют [пашут] М, орѣт Кх, он все моѣт М, складѣт К, приплывѣт К, молонья-то секонѣт Ш, овец пасѣт Кш, останѣтся Кл.

У глаголов второго спряжения много совпадений с литературным ударением на корне; длинный список примеров приводить излишне, имеются в виду глаголы типа красит, ловит, рубит, светит, судит, хвалит и др., которые могут иметь, как и в говоре, вторичное ударение на корне. Однако имеются и расхождения с литературным языком; постоянное ударение на основе отмечено в следующих глаголах: человек в берлоге помѣстится В, коров верѣдя(т) А, вопит В, они говорѣя(т) К, масло-то сгустится К, вот как речку кобенит М, округлит глаза В (ср.: округлит дырки в доске Кл), лѣтишь М, прилѣтишь А, слѣтишь В, лѣтит В, К, М, Н, Ш, Э, Нф. 119, бегом лѣтит Ш, слѣтит Кл, искра налѣтит В, улѣтит девка К, М, Шт, прилѣтит М, полѣтит К, М, лѣтят Б, В, М, Ш, Ц, полѣтя(т) М, Ш, разлѣтятся В, утки налѣтя(т) В, К, Н, прилѣтят В, искры полѣтят В, не заблѣжусь А, что-нибудь скостѣрим В, костѣрят К, боронит Ш, он пособи В, пособишь М, она приютит Н, рѣстим В, К, рѣстя(т) В, нарѣстя(т) М, терѣбят Н, ростерѣбишь Мт, Шт, сарафан морщит В, не умудримся К, его потырмошу К, она хѣлит Ш, расхѣлим [разругаем] В.

Некоторые совпадения с окончательным ударением в литературном произношении (болѣт, винтит, звонѣт, гремит, скрипит, манѣт, трещѣт, смешѣт и т. д.), но самая характерная особенность — это ударение на флексии перед исчезнувшим слабым редуцированным (считая также второе и в окончании 2 л. ед. ч), в отличие от литературного ударения: будѣт меня М, он не пробудѣтся В, повалишь А, В, как повалишься М, валѣт В, Г,

ч. Ц, свалит К, навалит К, Кр, Кц, он повалится В, К, М, свалим
 весь дом М, Ч, повалим В, повалимся В, валят В, Ч, повалятся
 спать В, деньги валяются К, отваля(т) В, повалят Ц, навалят
 Кц, за что мы боримся? В, варишь Шт, наваришь Кш, сварись
 Б, В, вари(т) А, В, Вх, К, Кх, навари(т) В, сварит Г, Шт, парево
 завари(т) Э, вари(м) В, Т, Ц, сварим В, К, Мт, завари(м) Е, К, на-
 варим М, варят Б, В, Н, Шт, свирят Мт, наваря(т) В, Е, К, М,
 вертишь Т, навертишь В, вертит Е, Т, вертим Кл, вертится А,
 М, вертятся В (ср.: вертишь Е, навёртишь Кц, вертит Б, завер-
 тим В, вертят К), волочит А, поволочится А (ср.: волочат А,
 Шт, волочит В, К, М, Шт, волочим В, Э), воротят Н (ср.: не
 воротишь В, отворотит В, своротит В), грузит В, грузят В, огру-
 зят Г (ср.: грузят Б, грузишь К), вино губит Б, дарить В, да-
 рит В, подарить В, подарит В, М, дарят В, делим К, дойшь В,
 подоишь К, Ш, доит Б, В, К, подоит Н, корову задойт К, доят
 К, Шт, надоя(т) Н, подоим Е, душит меня М, душат Г, ды-
 шись М, не дышит В, дышат Кл, зорит в жите М (ср.: зорит)
 М, ездит В, клеит Ш, подклеим В, обои оклею Г, уклinit В,
 хлеб клонится (ср.: клонит) В, накормит В, они кормят В (ср.:
 кормишь В, кормит В, кормим В, Е, кормят А, В, М, Шт), ко-
 сись К, Шт, накосишь В, скосишь К, косит В, М, Т, Ш, нако-
 сим А, косим В, К, Ш, скосим М, косят Б, В, Г, Е, Т, Ц, Ш,
 Шт [во всех случаях в значении 'косить (сено)'], окрестись П,
 крестят А, К, Ш, окрестят В, М, крошит М, накрошишь З, К,
 накроша(т) В, Т, Ш, кружит голова В, она кружится А, окру-
 жись А (ср.: кружишь А, кружит К), крутят В, закрутят В, прокру-
 тись А, снится, верзится З, погодушка кутит М, ты ленишься В, кто
 лепит камнями В, лечат В, куды ей положишь М (ср. более
 частое ударение: положишь В, К, Кш, Ш, положит В, К, полб-
 жат В, К, положим В, М, Ч, ложат М, ложим Б и т. д., даже
 в форме 1 л. ед. ч. сло́жу В, положу В, К, М, наложу Вр, Кц,
 Ц, заложу Г), тот уж сосны не сломит Ч, отменит М, месим
 с мукой Т, замесят В, замесишь тесто З, Мт, колобки месятся
 К, нарушат В, неводят К, носим В (при более распространен-
 ном ударении: носим В, Е, и под.), пакостят Т, парит Б, пилят
 Шт, пилим Ч, землю позорят М, он позорится К, поит В, напоит
 В, Ш, поят А, напойт В, Г, К, М, Н, не пьют В, М, разделишь
 их В, она разделится В, пилит В, отпилишь В, пилят А, П, Т,
 распилят А, В, посадишь Вх, З, садит дерево В, К, посадит он
 меня В, М, Шт, чем попало всадит К, не садим в саду В, по-
 садим В, К, Н, Ш, сadyт В, Ш, посадят В, К, М, усадят В, Шт
 (единично: не садим В), не сбытут В, сушишь В, сушит А, Бх,
 М, насушишь В, Вг, сушим В, Вх, М, засушит З, засушим Кц,
 сушат Б, В, Вр, К, М, насушат М, Ш, пересушат Е, помотришь
 Шт, спросим В (ср. в 1 л. ед. числа только: спрошу В и др.),
 избы срубим В, остудишь молоко Мт, постудят В, сено ставётся
 К, тащит В, Ш, натащит А, тащим В, притащим В, тащат К,
 (ср.: сено тащат Кш), протравись А, он все трудится К, ту-

и́ит В, они *туша́(т)* В, *рассерди́шься* Кш, он *ощеря́тся* К, *ощеримся* В, он все *учи́тся* В. крюк за дно *цепи́т* А, *ходи́т* М, *сходишь* В, *ходят* К, *уходи́(т)* В, *ходим* В (но чаще: *ходишь* В, *ходит* В, А, Вр, *доходит* М, *выходит* К, *заходит* К, *ходи́м* В, *ходят* А, Б, В, Вх, и проч., а также: я *захожу* В, там *похожу* К) и под.

Некоторые из перечисленных глаголов имеют исконное постоянное ударение на флексии: *вали́т, варит, верти́т, да́рит, клеи́т, кружи́т, пои́т, суши́т, тащи́т, учи́т*; в таких случаях акцент на окончании представлен в говоре часто и последовательно, поэтому можно говорить о сохранении архаического ударения, исчезающего в литературном произношении.

Памятники XVI—XVII вв., написанные в Вологодской и Архангельской областях, разделяют с архаическим говором особенности ударения глагольных форм, но наряду с этим подтверждают также наш вывод о том, что многие факты с конечным ударением в форме настоящего времени, представленные в современном пипежском говоре, не восходят к праславянской подвижной парадигме (ср.: *впа́детъ, водво́рится, осъ́нитъ, хули́тъ, хуля́тъ, блудя́тъ, краде́тъ, томитъ, ви́сятъ, ума́литъ* и др.).

Новое конечное ударение, даже если оно и возникло по аналогии, возможно в говоре лишь в той форме, конечный слог которой является (ново)закрытым. Поэтому в 1 л. ед. числа ударение обычно на корне (особенно в приставочных формах): *ложу, наложу, полжю, залжю, прошу, хочу, не хъчу, хожу, захожу* и т. д. Такое ударение (исконное для подвижных корней) вполне соответствует уже отмеченной при рассмотрении именных форм тенденции к переносу ударения с конечного открытого слога на внутренний и к перемещению ударения на конечный закрытый слог с внутреннего; в последнем случае имеем дело с позиционной долготой, возникающей после падения слабых редуцированных в следующем слоге (во флексии глаголов старого IV класса и исконно долог). Учитывая, что говор (и не только в речи старших его носителей) сохранил почти в нетронутом виде архаические акценты глаголов типа *вали́шь, варишь*, данную особенность ударения (на это обратил внимание уже П. С. Кузнецов) можно считать достаточно древней. Это тем более верно, что накоренное ударение, отличное от литературного, у глаголов этой группы встречается чаще в словах с исконно долгим корневым гласным: *лѣтитъ, хулитъ* и под.

Несмотря на отдельные непоследовательности, легко объясняемые влиянием литературного языка, ясно прослеживается собственно диалектная дифференциация: глаголам первого спряжения свойственно обобщенное ударение на основе (особенно старого III класса — перед темой с йотом), глаголам

второго спряжения — обобщенное в определенных формах ударение на окончании. Как и в других случаях, иктическая дифференциация сопровождается диалектные грамматические изменения.

Во 2 л. мн. числа ударение на флексии одинаково сохраняется у глаголов первого и второго спряжения главным образом в вопросительных или эмфатических выражениях: *несете* В, *гребетё* Ш, *повезетё* В, *собьётёсь* В, *ведете* А, В, Ш, как *обдеритё* вы все Шт, *живитё* В, Вх. Е, К, Ш, *доживитё* А, *проживитё* Шт, *дайтё* В, *уйдетё* В, *найдётё* В, *пойдетё* В, Г, *пройдётё* М, *ревитё* Б, М (но: *будете* Е, *боритесь* Шт, *джете* В, *придете* В, *попадёте* В, *умёете* Е, *ёздите* Е, вы *лёгёте* В, *нанесёте* В); *валитё* В, *варитё* В, Ч, Ц, *даритё* В, *доитё* В, *едитё* В, Вх, *говоритё* В, Ш, Шт, *горитё* В, Шт, *звонитё* В, *коситё* В, Шт, *крошитё* В, *куритё* В, *манитё* В, *пилитё* В, *плотитё* [*плот*] В, уж *разрешитё* ле В, (*по*)*садитё* В, М, *сидитё* В, *спитё* В, *стоитё* В, К, *сушитё* В, *тащитё* В, *хотитё* В, М, Мт, Н, Ш, *захотитё* (также *хстите*) К, но: *грузите* В, *лёпите* В, *лётите* В, *лэчите* В, *лпните* Шт, *ложите* В, *носите* В, деньги *плотите* В, *заробите* В, *родите* Шт, *ходите* В и под. В Минее: *получитё* 29 об, *держитё* 92, *творитё* 270, *хранитё* 224, *бежитё* 252 об, *насетё* 265, не *радитё* о овцахъ моихъ 265, *пжыветё* 333 об и т. д.

Материал дан не полностью (как и при изложении других особенностей ударения), однако из приведенных примеров выясняется, что ударение на окончании сохраняют только те глаголы, которым свойственно архаическое окончательное ударение и в остальных формах презенса. Это позволяет точнее определить круг глаголов, у которых ударение на флексиях *-ишь*, *-ит*, *-им*, *-ат* вторично.

В отличие от презенсных форм 2 лица множественного числа сходные с ними формы повелительного наклонения имеют постоянное ударение на *-и*: *берегите* В, *вертите* В, *поймите* В, *пишите* М, *ревите* М, *ходите* Шт, *хотите* В, и т. д. с некоторыми отклонениями от литературной нормы: не *тёмните* дяденькам В, скажет, *чистите* самовар К и под.

В формах прошедшего времени совпадений с литературным ударением немного, причем в любом случае ударение на основе чаще, чем на окончании, ср. *избу* мыли и *бѣлили* В, *двери* хорошо *набелила* М, *сварила* обед В, *свѣзли* песку Ш, *верѣдила* лошадь В, *говорил* Кш, *дразнили* нас Шт, она *заикалась* К, *жицей* *зелѣнили* К, *заклѣила* М, *костѣрили* К, *накостѣрила* В, *закостѣрила* В, она *закрѣтила* бы В, *пил* и *кѣрил* В, *кѣрили* травкой П, *лѣгла* В, *слѣгло* В, *лѣгли* А, Нф. 142, не *ложили* Шт, *слѣжили* В, *руки* *слѣжил* Шт, *облѣжили* А, *перелѣжил* Шт, *полѣжила* В, К, Кц, *налѣжила* В, З, К, Мт, *наложили* З, К, Ц, *слѣжились* В, *лѣжила* К, *отлѣжили* В, *ворота* *заложила* В, *залѣжились* они К, *заложило* М (ср.: в Минес *положилъ* 16, но в

Сим. сложили 303 и в Зап. сложил 45 об), погода-то отмѣкчила К, называли В, ноги отѣкли К, она очудилась на болоте Шт, не поглянулась ему К, перехитрили меня Нф. 156, к сѣну обрѣдили В, не кѣрила Вг, он приказал так Кш, рѣбил М, зарѣбили В, рѣбили Ш, рѣбила М, порѣбила М, народила их В, ничего не родилось В (ср.: родилась В, овес родился Ш), семя не росло Кр, рѣстила А, В, К, Н, сростила К, дорѣстили М, зарѣстили поле В, Г, нарѣстила К, рѣстили робят М, подрѣстила их В, сѣкла В. сѣкли Вх, Е, К, Ц, Нф. 140, дорогу пересѣкла В, З, так насѣкли меня В, вот и усѣкнули его Кш, стрѣлил В, Ш, себя застрѣлил В, Ш, сострѣлил пулю Вх, стрѣлили Кр, молонья стрѣлила В, Ш, застрѣлился Б, В, устрѣлили ружья Т (ср. в Минее: въ то же стрѣлилъ срачинъ 131), засѣрилось сердце В, дом засѣрился В, верѣвку не спускал В (ср.: роспустила В), этот жир стаканом сцѣпила да и отдала собаке Нф. 150, насѣрили мяса В, отсырели Т, сосветило Б, осветила молния В, заржавело В, дѣрн трясли Вх, чѣрпали Кш, зачѣрпалось К, начѣрпала воды Г, почѣрнила черной краской Г, цѣнилась колбаса К, охолостили П, жениха хѣлили В, лѣлили В, мне нахѣлили его В, ускѣкнул А, удил В, наудил рыбы В и др. (ср. в Сим.: дарилъ 413 об, его лишилъ 57 об, како ему чѣнили 501 об, говорилъ 543, говорили 532; в Зап.: дарил 9, рѣдил 59 об, ковали железо 113 об и т. д.). С другой стороны: нарушил В, дома-ти нарушили В, К, Н, Шт, нарушилось всё В, Кр, Н, нарушились М, кошка взбросилась на глаза В, бросил В, мышка царапалась В, нажарѣла К, намазал В, вся намазалась В, замазались М, размазала Б, мазали К, измазала Б, голову замазала В, позорилась В. К, ослабило [нет силы] Э, закрасѣло, гною нет, а болят В, вдергал нитку В, выдергала В, дергала В, выцарапал глаза М, соскучилась по ним В, он целился с винтовкой К, пакостил Кр. Возможно, что некогда благодаря различию в ударении дифференцировались какне-то грамматические значения, судя по приведенным примерам — видовые (это требует дополнительных исследований), ср. также: вдруг опять гренуло (о грое) В, не брызнуло В, Вр, свиснула ему дрова Б, усвиснул с печи К, я зленулся А, как и пугнуло Б, вернулося К, кашлянула Кц (но: повѣснулась она К), также сказывливал Ш.

Совпадения с литературным языком чаще всего в глаголах с ударением на основе: взвѣсил В, завѣсился К, закобѣнило М, зарѣзали В, нарѣзали К, обрѣзал К, работали Ш, работала М, замѣрилась вся Ц, завѣривали Э, заплакала В, слышали В, заѣхали Д, зубы оскѣлились К, замѣрзли В, руки скрѣчились В, попѣлась К, попѣло К, ударили З, отморозили Ц и т. д., но также улетела В, заболѣла П, смотрѣл К, остарѣла баба М, гонѣли В, видали В, ходили К, прогонѣла В, хватѣло К, кормѣли В, кружила К, купили В, делили Кр, полежала В, метѣла Ш, летѣла К, ругѣли Кр, опушилъся К, долбили К, наступил К и некоторые другие.

Важно заметить, что обычно ударение избегает конечного открытого слога: *вѣзли, лёгли, росло, сѣкли, тѣкли* и др. В формах женского рода акцент, как и в литературном языке (но для большего числа глаголов старого подвижного класса), может находиться на флексии *-а* (*лила, несла, спала, также жала, нажала, прижала*), хотя на основе он распространен шире и в этой форме, ср. *обнялась* Кш, *замёрла боль* З, *ткала* Ц, *была* В, З, К, *мяла* (от *мести*) В, *пряла* В, Д, Шт, *родила* В, К, *жила* Вг и под., т. е. ударение на конечном открытом слоге избегается. Однако в формах с возвратной частицей образуется закрытый слог, и в таком случае ударение последовательно связано с окончанием: *рвалось, пожилось, испилась, завалась* и т. п., даже там, где в литературном языке оно не является конечным, ср. *осталась* (но: *стала*) М, Ц, *я вся заморщи-лась* К, крестом море *сделалось* Кш и др. Подобное ударение нередко в старых рукописях северного происхождения. Его объясняют действием закона Васильева—Долобко, однако (по крайней мере в приведенных случаях) рецессия в сторону энклитики распространилась и на старые акутовые корни. Другими словами, и здесь мы сталкиваемся с синтагматическим выраиванием иктуса по подвижному типу.

При рассмотрении **причастий** следует указать на широкое развитие насуффиксного ударения, например у страдательных форм прошедшего времени, играющих в диалекте важную синтаксическую роль (другие причастные формы в пинежских говорах менее употребительны): *оборвано* В, *застана в хлеву* Г, *набирана* К, *зарезан петух* К, *выпусканы были* Вх, *с бородой, не бриван* Кр, но: *недаваны* М, изба ему *дана* В, Кц, она *придана* К, званье семян *дано* В, К, невеста *брана* З, М, Ц, *обсыпано* В, *тосана* Б, *сосмекана* доци Ш, *обрезан* Кц, *запугано* К, *сломаны* Ш, *сказано* М, *закопаны* Ш, *стоптаны* Вр, *посеяно* Ц, *своричано* Ц, солома *сметана* Ц, *роскопано* В, *замазаны* В, *запахана* В, *облизано* В, *записано* В, белье на *полоскано* К, не *сбирано* З и под.; *подведёна* В, *розведён* Шт, *доведён* В, лошадь *сведёна* В, это *заведёно* так В, *уведёно* Б, Н, *проведёно* Н, все *изведёны* Кр, тесто *розведёно* Кц, *переведёно* К, *посажоны* А, В, *посажоно* В, Вх, *посажона* А, В, З, М, *насажоно* В, К (и: *осажонный* на лопату К), прямо *пройдёно* В, Кр, *сожжѣны* были К, *заручёно* В, *насушоно* сухарей Вх, не *получёно* В, коровы *случѣны* Г, *перенесёно* В, К, *принесѣны* А, *отнесёно* В, *унесѣны* Кц, *обнесёно* К, *вдолблёно* А, *перевалёно* А, неском *завалёны* М, *навалёно* В, К, всё *свалёно* В, *отделѣны* были Шт, *отделѣн* М, *заморѣн* Шт, *заморѣны* были Н, *наморѣны* Мт, *плочёно* много Шт, *розгорожоно* В, *загорожоно* К, мужики *розвооружоны* Вг, *привезѣн* В, *привезѣна* М, *привезёно* В, она *свезѣна* В, Е, они *увезѣны* В, К, шаньги *напечѣны* В, *запечѣно* К, сухарей *напечѣно* Мт, из шерсти *напредѣно* К, *присолѣно* В, шакша *посолѣна* З, пиво *наварѣно* В, *сварѣно* К, она *заслужоно* Мт, *распилѣно* В,

вдолблѣно Ш, ему посулѣно З, скошѣн М, охапка накошѣно В, Кц, не скошѣно В, Вр, К, недокошѣна Кц, скошѣна Кл, все соединѣно М, розрушѣны М, розрушѣно В, Вх, М, Ш, нарушѣно К, нарушѣны А, Вр, ростресѣн М, розрешѣно В, К, крещѣно В, оклеѣна В, запустошѣн лес М, все запустошѣны А, разорѣно К, розорѣны К и т. д. То же в рукописях XVII в.

Такая акцентовка не связана с ударением личных форм глагола или инфинитива, поскольку обнаруживается много отклонений; не находим связи и с литературным языком: ударение на суффиксе не только в том случае, когда в литературном ударно окончание (*обнесѣно, сожжѣно, разрешѣно* при литературном *обнесѣнѣ, сожжено, разрешѣнѣ*, что можно связать с тенденцией избегать ударения на конечном открытом слоге), но и там, где литературное произношение требует ударения на корне (*посажѣно, навалѣно, плочѣно* и т. д.). Позднейшие аналогии несомненны, однако сравнение с теми причастными формами, где возможно ударение на корне, показывает, что такое выравнивание не касалось глагольных корней с долгим гласным. ср. *прострѣлѣно М, повѣшѣны В, обрѣзана М, рублѣно М, окрѣжена К, острижена Ш, налѣжены Н* и мн. др. (в памятниках ударение на долгом корне отражено последовательнее).

Из инфинитивных ударений интересны такие, которые связаны с приведенными выше глагольными формами: *окна замазать В, пекчи В, К, М, Ш, секчи Б, В, текчи В, обложить М, пакостить М, рѣбить М, рѣстить А, оклейть Шт, запрекчи Шт, встретить В, исповѣдаться В, волокчи А, оболѣкчи А, щелкать К, стрѣгти К, говорить Кш*.

У наречий прослеживаемая тенденция выявляется неотчетливо (как и у инфинитивов, это объясняется неизменяемостью формы — грамматическое ограничение, накладываемое на фонетические выравнивания иктуса); ср. *высоко, глубоко, далеко, нелѣско, душно, смешно, сперва, легко, порѣто, тепло, давно, слѣмя голову* и под., но при энклизе *душно как, ловко ли, легко ли, дешево-то, тесно как*, также *иногда, но иногдась* при *зимѣсь, осенѣсь* и др.

В других грамматических группах слов любопытны акцентовки типа: все *само* ростѣ Ш, увидѣла *того*, но *того-то* В, у *самого* мосту, но *самого-то* послали П, *ни одного* слова М, к *одному* З, Мт, *двоима* живем В, с *третьим* гуляет Ш, *четверо* (постоянно), *до сѣмого* В, *вѣсемь* В. *дѣсѣтеро* М, *напрѣтив* Стѣпки М, *вровень* с окнами В, *штобы* Т. Следует привести и архаические ударения некоторых географических названий: с *Двиной* везли В, Ц, за *Двиной* В, на *Двину* В, Ш, ходили *по* Двины В, из *Кѣстромы* Шт, в *Кѣстрому* Шт, в *Москву* ездил-то В, ездил в *Онегу-ту* В.

Перенос ударения на проклитику по второму закону Шахматова — продуктивная особенность современного пинежского ударения. Наиболее последовательно это проявляется в гла-

гольных формах с исконным корневым редуцированным: *сббвал* М, Нф. 115, -и В, М, Н, Ш, *набрал* М, Ц, -и А, К, М, *забрал* В, -и В, З, К, Э, -но К, -ы Ш, -ло К, *убрали* В, Вр, -ны В, *перебрали* В, *отобрали* В, К, *прибрано* В, М, *отобрал* Б, В (и *отобрали* М), *сбврал* Б, К, Ш, *загнуто* К, *огнуто* Мт, *загнут* А, -ы Вр, *отогнаны* В, *изодрано* В, *задрал* М, Кп, *содрало* М, *надраны* В, *сожгано* В, Г, -ли В, -ла В, -на В, -ны А, *прижгано* К, *зажганы* К, *подождал* Ш, *пожнут* В, *созвал* Г, К, Кш, -и М, Ц, Шт, -но В, *ззвали* В, Кр, *прзвали* В, *не звали* В, З, М, *обзвал* В, *назвал* Ц, -ли М, Ц, -но В, К, *призвали* Б, *позвал* К, -и К, *создан* З, *замкнуто* В, *помнит* В, Шт, *помнишь* Ц, -ю А, К, *сорвал* В, -о Кр, -но К, *оторвал* В, К, -ан Кц, -на К (но: *оторвали* Нф. 114), *розорвало* В, -и В, *нарвал* В, К, *порвал* К, *дорвано* К, *сослали* В, -ны В, *пслал* К, Кш и др., *прслал* Вх, *прспали* В, М, Нф. 116, *переспали* В, *зспал* Вх, *пспали* Вх, *сбткали* В, *не ткут* В, *наткан* М, *поцли* Мт, *пришла* В, *пойдут* В, *зйду* М, *войдут* М, *не шьют* В, *возьмут* В, *не взял* В, *как возьмешь* В и под. Перенос ударения на префикс с односложного корня, в составе которого не было слабого редуцированного, встречается менее последовательно: *добыл* К, Ш, *не был* Ш, *завило* В, я *загону* загодку Ш, *не дают* В, *отдали* К, Ш, *нажали* и *накосили* Ш, *прижал* Г, *пожил* М, *перезила* К, *облиты* В, *примерло* Е, -ли Ш, *заперта* М, *перепили* В, *рспили* Тф, *поплыли* К, Шт, Ц, *стсынь* В, *поднял* В, *не взяли* А, В, *распят* Шт, также: *самовар накипел* Кш, *опеть машину наймовать* Ш и др.

Перенос ударения на предлог активно осуществляется с тех имен, которые имели нисходящую интонацию корневого слога, а также с краткостных корней, ср. *на берег, у берегу, от берегу, на бок, под боком, ходить на бор, за бор схожу, за бором, у броду, из веку, на век, без вести, на вечер, на вид, за волосы, за день, на десять лет, из дому, до дому, на дух, за лес, по лесу, на лес, до лесу, на лошадь, во лузех, по людям, што за люди, пз миру, по морю, на море, на мост, за мостом, на небо, на ноги, под ноги, на ночь, за озеро, за озером, на печь, у печи, на пир, на пол, до полу, по полу, на поле, на поли, по росту, по роду, псд руки, на руки, по ряду, до свету, за сеном, по сену, по сено, у сена, на сердце, до снегу, по снегу, на снег, у стены, за ухом, на ухо, за ухо, по шерсти, на шесть* и под. очень последовательно. Вместе с тем подобная оттяжка распространяется и на имена исконно окситонированного класса, ср. *у быка Ш, по верху, за все пили В, на диво М, не диво Д, на зло В, до крови К, М, по крови Г, на лоб Кр, по лобу А, Ц, на пать М, на реке А, под рожь Кр, из рота В, побежал на русь В, по селу поехали А, дома и у села А, по сту М, до ста В, А, с угла на угол В, под углом Нф. 199, схватились за вожжи на конех В, сяду за стол В, за рцъем П, садись старуха на сани Нф. 124. Соответствующие примеры можно привести и для сочетаний с краткими прилагательными: *на сухо, до суха,**

по суху и вместе с тем у окситонированных — *не рада Ц, на дико К* и под. Ударение на долготной приставке у образований типа *завеса, задворье, заморозок, пасынок, примост* и под. не имеет исключений.

Древняя оттяжка ударения спорадически сохраняется и в словосочетаниях, второе слово которых (с исконно нисходящей интонацией корневого слога) передает свое ударение предыдущему компоненту: *где веку* вспомнишь В, *искон век* так строились М. *с ыльина дни* В, *три дни* В, *третьево дни* Вх, *сей год, через год* (постоянно), *три сына* убито Н, *ушел на край бор* Б, Е, *у край бора* ростё В, летит, свищет *мимо сад* В, теperиче *одно поле* стало М и под. Таковы наиболее достоверные примеры; вполне возможно, что в речи они встречаются чаще, но не зарегистрированы в записях.

Сопоставляя рассмотренные выше группы диалектных акцентированных слов, приходим к выводу, что в современных пинежских говорах по сравнению с исходной (праславянской) системой обнаруживается ряд изменений.

Из трех акцентных парадигм позднего праславянского языка наиболее четко сохраняются особенности подвижной; это прежде всего — движение иктуса в сочетаниях с клитиками (*воду — на воду — воду-ту*) и конечное ударение производных (*воднсь* или *дарю — дарят — дарите*).

Праславянская окситонированная парадигма оказывается наиболее разрушенной. Налицо ее совмещение с подвижной, ср. акцентовки типа *на реку — реку — реку-ту*, а также ударение производных (суффиксальных существительных, полных прилагательных, личных форм глагола и проч.), например: *хожу — ходишь — ходите* (вместо *хожу — ходишь — ходите* по типу *дарю — даришь — дарите*).

Исконный баритонированный тип дает много колебаний, указывая на незавершенность совпадения с подвижными. Вообще для баритонированных важны не фонетические факторы изменения, а прежде всего грамматические и семантические.

Легко проследить фонетические условия нового акцентного распределения: словесное ударение избегает конечного открытого слога и закрепляется за пювозакрытым, всегда предпочитая фонетическую долготу. Например, никакими изменениями не затронуты исконные окситона с кратким корнем. Все это указывает на то, что в прошлом (возможно, хронологически недалеко) существовала временная связь иктуса с количеством (корневого или предконечного слога, поскольку конечный слог слова сократился еще в праславянском). Самостоятельное значение имеет вопрос о фонологическом характере диалектных иктических движений. Если в какой-то период словесное ударение парадигматически являлось производным от количества, можно предполагать его широкое синтагматическое варьирова-

ние; только это объясняет довольно ясно сохраненную зависимость ударения от характера сочетания.

В этом можно видеть своеобразие древней северновеликорусской просодической системы и ее отличие от южновеликорусской. До сих пор сохраняется ряд кардинальных расхождений в ударении северных и южных говоров, которые можно спроецировать на общую для них древнерусскую акцентную систему.

В качестве самостоятельного можно было бы выделить новейший пласт ударений, связанных с влиянием литературного языка. Основное значение таких акцентовок в системе современных пинежских говоров заключается в смешении всех исторически сложившихся типов, вынесенных из разных эпох развития просодической системы говора и подчинение их общерусской норме. Так, последовательно окситонными (даже в конечном открытом слоге при долгом корневом гласном) являются в говоре слова, заимствованные из литературного языка: *отец* (при диалектном *батюшко*), *гриб* (при диалектном *губа*) и под. Новое ударение почти не затрагивает старших носителей говора. В речи молодежи оно получает широкое, но пока еще не последовательное развитие. Изучить все эти новации — значит посмотреть на изменяющийся говор другими глазами, следовательно, выбрать для наблюдения других носителей диалекта.

Совмещение в одной хронологической плоскости генетически разнородных просодических элементов обуславливает ряд непоследовательностей и отступлений, каждое из которых должно объясняться индивидуально. Это непоследовательности говора, перенесенные на письмо (в записи диалектной речи носителем литературного языка), могут дать картину видимой путаницы и неустойчивости ударений. Сравнение современных данных диалекта с древнерусскими фактами дает необходимую историческую перспективу и позволяет снять позднейшие напластования, т. е. методом внутренней реконструкции представить основные акцентные особенности северновеликорусских говоров периода их внутрисистемного развития.

Г. Я. СИМИНА

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ КРАТНОСТИ В ГОВОРАХ ПИНЕЖЬЯ

Как известно, для славянских языков была характерна в прошлом особая глагольная категория кратности, отчетливо очерченная как семантически, так и грамматически. Кратность и некрatность глагольного действия — понятия количественные. Кратное действие протекает в виде расчлененных, прерывистых, повторяющихся актов, оно противопоставлено в языке такому действию, которое совершается нерасчлененно.

В современном русском литературном языке эта характеристика способов глагольного действия выражается преимущественно лексически; в древней же системе имелись и грамматические средства дифференциации глагольных основ: различались глаголы дуративные, обозначающие длительное непрерывное действие, и итеративные (кратные), характеризующие действие со стороны его расчлененности, повторяемости. Основным дифференцирующим элементом выступало различие словообразующих моделей: суффиксы *-а-*, *-ја-*, *-ва-*, *-ыва-*, *-ива-* придавали глагольной основе значение итеративности (наряду с другими грамматическими и лексическими признаками).

В литературном языке кратность как грамматическая категория в значительной степени утрачена, втянута в систему видовых различий, отдельные же остаточные глагольные образования типа *говаривал*, *певал*, *бирал*, еще употребляющиеся в разговорных стилях, стали принадлежностью словаря, а не грамматики. Однако исторически такие формы играли большую роль в становлении современных категорий русского глагола. В научной литературе высказывалось мнение о том, что современная корреляция по виду (совершенство — несовершенство) возникла именно на почве древнего противопоставления глагольных основ по признаку кратность — некрatность.¹

¹ См., напр.: Ю. С. М а с л о в. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958, стр. 11.

Углубленно изучение этой проблемы нуждается в привлечении к исследованию новых конкретных материалов. Наряду с данными письменных памятников, получившими уже некоторое освещение в литературе вопроса,² надлежит широко использовать и материалы современных диалектов, сохранивших в значительной мере древние формы и категории. Задачей данной статьи и является рассмотрение категории кратности, отраженной в одном из севернорусских говоров поморского типа. Мы исследовали глагольные образования со значением кратности, оформленные суффиксами *-а-*, *-ја-*; *-ва-*; *-ыва-*, *-иви-*; *-ывлива-*, *-ивлива-*. Материал был собран нами в период диалектологических экспедиций ЛГУ в Пинежский район Архангельской области в 1958—1968 гг.

В речи пинежан глаголы с кратным значением широко употребительны, различны и своеобразны способы выражения итеративного действия. Это дает возможность заключить, что в исследуемых говорах сохраняются элементы старых количественных характеристик глагольного действия: итеративность еще выступает как живая грамматическая категория со своими отчетливо очерченными признаками.

В современных говорах Пинежья представлены отложения разных периодов жизни языка, различные пути проявления и развития категории кратности: 1) старейший славянский тип (с суфф. *-а-*, *-ја-*, *-ва-*), 2) новый, специфически русский тип (с суфф. *-ыва-*, *-ива-*), 3) новейший, диалектный тип, развившийся в северновеликорусских говорах (образования с суфф. *-ывлива-*, *-ивлива-*).

В наших материалах обильно представлены глагольные образования с суффиксами *-а-*, *-ја-*, *-ва-* — старейший славянский тип итеративации. Подобные глаголы образованы как от приставочных, так и от бесприставочных глагольных основ; отмечается безразличие их по отношению к приставке. Очевидно, в древнее время, когда образовывались кратные глаголы подобного типа, приставка еще не играла формообразующей роли, не служила грамматическим средством видовой дифференциации: она была простым пространственным уточнителем, определяющим и конкретизирующим характер и направление действия, обозначенного в основе.

Грамматическими признаками итеративных глаголов указанного типа являются чередования гласных и согласных корня. Продление корневого гласного: *б/ь/рал* — *бирал*; *пом/ь/нил* — *поминал*; *т/ѣ/кал* — *тыкал*; *с/ѣ/пал* — *сыпал* и т. п. Например: Спать на печь не однёжды не сыпала (Сл). Происходит и изменение согласного в результате соединения его с суффиксальным зву-

² См.: А. К. Кошелев. Состояние видовой дифференциации в древнерусском языке (по материалам древнейших летописей). Автореферат канд. дисс. М., 1956; Его же. К вопросу о создании типов первоначальной парности по виду в древнерусском языке. Вестник МГУ, 1958, № 2.

ком *j*: *родіть* — *рожать*, *поставіть* — *поставлять* и т. п. Примеры: Хоцю сметаны, а не рожайца ницего на молоки-то (Юб); Давай замешаю, поднялось уш молоко-то (ср. замесить (А)); Ес фсе спрашають, как наставлять на вини изгон (ср. спросить (Пх)); Удобреньё не возя, не важывали ишшо (Сл).

Итеративное значение, исконно присущее глаголам с суффиксами *-а-*, *-ја-*, *-ва-*, в современных говорах усматривается (более или менее четко) лишь в формах прошедшего времени и преимущественно от бесприставочных глаголов типа *жинал*, *трясало*, *пивал* и т. п., от которых невозможно образование форм настоящего времени. Эти глаголы еще не имеют парадигмы и являются *imperfectiva tantum*. Примеры: Мама-то не мыпалась в байни (Пм); Я в Шардомни [название деревни] жывала у попа (Пм); Я и в цетырнацать жычь [шерстяные нитки, пряжа] тыкала поесья (Е); Мой зеть не рывал никовда картшки (А); Цетыре рас пывала на Усь-Пйнегу (С); Пывала и я вотку (Чл).

Для указанных глаголов характерны в говоре более широкие словообразовательные возможности; многие образования с суффиксами *-а-*, *-ја-*, *-ва-* являются специфически диалектными, не свойственными современному литературному языку. Например: Хлеба увезли на пожную много, неделю жыли, а только два раз заквашали (Мт); — Ой, окупнул ведь рукав в цаю? — Не духа не окупал! (Вх); Морозы одоляли нас сей год (Вх); На болоте седун, засежали там многи коровы (Вх); Дядя Фёдка обостык [обогнал] его, а Иван сказал: «Не обостыгай поксыника» (Заоз); Вдова побежала, детей розбужала: «Вставайте, дети» (Б); Он не прогнал её, а только изголялся (Б); Володя выпугался (Нх).

Наиболее отчетливо значение кратности, повторяемости действия прослеживается в конструкциях с отрицанием: Он не дувал меня, не дирался (Кп); Эта бабка многих не излечала людей (Кп); До смерти медведь не задира́л (Б); Палкой не шибала (А); А бабушка моя и не жынала (А); Боле не бирало его не однежны (Вр); У меня не одного не бирало ребенка, не трясало (Шг); Я в лесу не бывала, от своих рук ягодники не видала (А); По две цяшэцьки я не пывала (М); Жёнкой-то я не певала, забыла уш фсе (Мт); Бить-то он меня не бивал, только уросит [сердится] (Заоз); Вы не жывали, не слышали розговору нашего (С); Я пироги не пёкала, фсе готовой хлеб ем (Нх).

В предложениях без отрицания глаголы на *-а-*, *-ја-*, *-ва-* выражают повторяемость действия уже не столь отчетливо, это скорее отнесение событий в далекое прошлое. Например: Я тожэ у матери твоей тыкала (Л); Трава збрунец для фсякой болёзни идёт, я пить пывала, а рвать не рывала его (А); Я и лапти плетал (Вг); Я жывала в людях-то (Пм); Он бывало выпугал меня, грозил (Мт) и др.

В конструкциях без отрицания итеративность глагола поддерживается лексическими и синтаксическими средствами, поддается всем контекстом предложения: Он уж колько раз у егò оджива́л, вырежут, дак опеть отростёт (о раковой опухоли) (У); Два ра́за остано́вляли машы́ну-ту (Кш); Она́ дельня́ жонка, уш фсякима узора́ми вытыкала́ на по́ртне красной гу́магой (Нх).

Подчеркивается кратность действия и повторением итеративного глагола: Он взял баго́р да ты́кал, ты́кал (А). Если же нет контекстуальных указаний в предложении, то кратное значение глаголов на *-а-*, *-ја-*, *-ва-* уже полностью стирается, они обозначают просто длительное действие, совершающееся в прошлом: Они́ прэслили жы́то, на прэсла ве́шали (Пг); И мы оболока́ли сарафа́ны-то (Кх); Я красной гумагой сновала́ (Нх); Слыхала́ я про э́ко-то цю́до (Нх).

Иногда в одном и том же предложении употребляются итеративный в прошлом глагол и дуративный как однородные, в одном смысловом ряду: Церня́кй какы́-то пты́цы есь, одно́ ле́то налетэ́ли, оны́ табуно́м налетэ́ли, лю́дно их тогда налетэ́ло (Ш).

Утрата кратного значения в подобных глаголах наиболее отчетливо прослеживается в приставочных образованиях (особенно с омертвевшей приставкой), они подвергаются деитеративации в первую очередь. Например: У той жонки́ я спроша́ла молока́-то вам (Ю); Ра́не-то люде́й заблужа́ли, фсе́ говоры́ли: «Грех да грех» (Ф); За́ме́сишь до за́то́плея, штобы́ квашня́ прознимала́сь, товды́ удашливы́ бу́дут сковоро́дники (Нх).

От итеративных ранее глаголов с суффиксами *-а-*, *-ја-*, *-ва-* в современных пинежских говорах уже возможны формы настоящего времени, повелительного наклонения и инфинитива. Они, таким образом, полностью включаются в видо-временную систему как обозначение несовершенного вида к соответствующим глаголам совершенного вида. Например, *осежа́ть*, *осежа́ю*, *осежает* и т. д.— коррелят к глаголу совершенного вида *осесть*; *спроша́ю*, *спроша́ет*, *спроша́ть* — к перфективному глаголу *спросить*. Формы настоящего времени от подобных глаголов сохраняют в пинежских, как и в некоторых других севернорусских говорах, суффикс итеративной основы.³ Например: Я фсе́ дрога́ю, цю́ть хто скри́чит (Вх); Я ржа́ю-то ка́шу не варя́ю (Мт); Иду́ и вас не ви́даю, ду́маю, хто э́то? (А); Вот я спроша́ю, ва́шэ или не ва́шэ э́то (С); Терпе́ть не могу́ с э́тима я́слями, прогна́ю их (Мт); Пойду́ егò палкой прогна́ю (Кц); Я бо́сиком прибе́жаю (Б); По́еду по́искаю дере́вню (Юб); Упря́таю клю́ць подале́ (Шт); Фсе́ вере́жаюсь да пра́влю ру́ку-то (Вр); Спа́сибо тебе́ дава́ю (Кц); Нице́го топéрь не ва́рую, не пони-

³ См.: В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. «Известия ОРЯС», т. 17, кн. 2. СПб., 1912, стр. 37.

маю (Ю); Ты корову искаешь, а она ф седупи (Юб); Там фсе прятаем, штобы нхтó не украл (А); Мы рукой махаем на это (Юб); Я уш фсе ф цетыре фставаю (А); Вы менй прогнаете (З); Я ему вопрсс задаваю (Юб); Узнаваем, ф котсру сторону туца-то подаваецца (Юб); Я ишó молодых загнаю (Кб).

Заметно ослабел оттенок итеративности в формах 3-го лица: здесь проявляется значение обычности действия, перерастающее в качественную характеристику свойства предмета, его особенностей. Коровы тожо дрогают, пугаются (Юб); Он ушами ослыхаецца (Б); На огороде клеймо зделают, а поле не клеймают (Мг); Не обостыгают покойника, фсе ззáду идут (Вх); Медведи верешшают, зевают, как свадьба-то у них (К); Журавли горлают, как летят (Ю); За им фее дэфки гнаюцца, за Волóхой-то (З). Во многих примерах выражено просто конкретное действие, совершаемое конкретными лицами в определенных условиях: Тоня-то косить уш поежжаёт, уш самовар ставит (Кц); Он ко мне пристал, как баенной лист, обымаёт да, цолуёт да (Мг); Те прятаюцца, а он йшшот (Е).

Нет и следа итеративности в глаголах на *-а-*, *-ја-*, *-ва-*, если они употреблены в форме повелительного наклонения. Например: Носину роскапывай и владай (Л); На улици фсе бегают, побегай и ты (Кп); Ты не спускай собаку, поддержи (Мг); Мешоцьки-ти мусьни, наверно, выхлопай их (Мг); Сперва рощай, товда бухай (Мг); Тйшэ ты, в роте-то не вережай (Ю).

Широко употребительны ранее итеративные глаголы также и в форме инфинитива, в подобном употреблении они являются лишь имперфективной парой к глаголам совершенного вида, итеративного значения у них нет: У цюжых людей што будеш спрощать (С); Нать обряжацца иттй, не обряжанось ишá (Мг); Он не знат, с цего будеш знавать-то (Им); Надо самой ворохацца топёрь под старось (Б); Нать домой двйгать (Ц); Зацем кухнать целовёка (осмеивать; Ю); Мне сидеть не пышать? (дышать; Кц); Пойдем бревна стрйгать (Заоз) и др.

Приведенный материал убедительно свидетельствует о том, что ранее кратные глаголы на *-а-*, *-ја-*, *-ва-* в современных русских говорах уже полностью включились в видовую систему и утратили свое древнее итеративное значение, стали обычными имперфективами. Несомненно, что в более древнее время все подобные образования были итеративными и служили для выражения прерывистого, расчлененного прошедшего действия. Предположительно можно сказать, что именно таким путем протекала деитеративация глаголов с указанными суффиксами: через употребление в формах настоящего времени и инфинитива они постепенно втягиваются в систему видовых соотношений (совершенство — несовершенство), утрачивая значение кратности.

В литературном языке этот процесс можно считать завершённым, кратность как грамматическая категория уже утраче-

на (сохранились в качестве кратных лишь одиночные образования на *-а-*, *-ја-*, *-ва-*, у которых нет параллелей на *-ыва-*, *-ива-*; например, *живать*, *пивать*). В говорах же, грамматическая система которых вообще отличается большей конкретностью, потребность в различении итеративного и неитеративного способов действия ищет своего выражения: образуются новые грамматические средства передачи кратности действия — глагольные основы осложняются суффиксами *-ыва-*, *-ива-*. Это — вторая (исторически более новая) ступень глагольной итеративности.

Развитие глагольных образований нового типа (на *-ыва-*, *-ива-*) в литературе вопроса связывают с разрушением древней глагольной системы времен — с утратой форм имперфекта. Соотносительность глаголов кратного значения с древним имперфектом отмечена, например, у В. Барнетовой, которая подчеркивает в чешском языке тесную связь между значением имперфекта и так называемой итеративностью.⁴ П. С. Кузнецов высказывает подобное же предположение: начало развития бесприставочных глаголов на *-ыва-*, *-ива-* может совпадать с утратой имперфекта.⁵ С этим нельзя не согласиться.

В древней еще очень конкретной грамматической системе славянских языков, как известно, существовали грамматические средства обозначения действия, непрерывно длившегося в прошлом, и действия прерывистого, протекавшего в виде отдельных отрезков, повторявшихся в прошлом. Ранее эта семантическая дифференциация глагольных основ проявлялась в формах и значениях внутри имперфекта и аориста. На грани распада старой грамматической системы русского глагола, наряду с процессами унификации разнообразных форм прошедшего времени в одной универсальной форме (на *-л*), происходили и процессы дифференциации, уточнения оттенков значения глагольных основ. В границах одной глагольной формы на *-л* несовершенного вида стало различаться глагольное действие кратное и не кратное. Морфологическим выражением подобной оппозиции является различие в самих формах на *-л*: основы, осложненные суффиксами *-ыва-*, *-ива-*, стали носителями кратного действия, а основы, не получившие этих суффиксов, остались в сфере неитеративных глаголов.

Так на базе древнего имперфекта, многозначного и недифференцированного по значению, выделились в процессе исторического развития русского языка особые глагольные формы на *-ыва-*, *-ива-*, принявшие одно из значений славянского имперфекта — выражение кратного, повторяющегося действия. Более

---

⁴ См.: V. B a r n e t o v á. K n a s o e n o s t i s l o v e s n e h o d e b e. «Kapitoly ze srovnavací mluvnice ruské a ceské», I. Praha, 1956.

⁵ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. МГУ, 1953, стр. 264.

древние способы выражения кратности (с суффиксами *-а-*, *-ја-*, *-ва-*) перестали быть актуальными, старейший славянский тип сменился исторически более новым типом, специфически русским (с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*).⁶

Категория кратности нашла новые формы для своего проявления, так как старые формы к началу исторического периода жизни русского языка были уже не способны выражать кратное значение и утратили свою специфику, включившись в систему видовых коррелятов. Потребность же в различении кратного и некротного характера действия была актуальной, в языке еще сохранялись следы древней конкретности грамматического строя. В самом деле, трудно себе представить, чтобы в живом языке сразу утратилось древнее семантическое различение глагольных форм, присущее в прошлом разнообразным формам прошедшего времени, и новая грамматическая система сразу получила бы возможность абстрактного выражения действия вообще, без конкретного указания особенностей его протекания — повторяемости или непрерывности.

Употребление суффиксов итеративации *-ыва-*, *-ива-* характерно уже для древних русских оригинальных памятников и именно в формах имперфекта. Так, в Лаврентьевском списке летописи представлены параллельно формы имперфекта разных основ: *умыкаху* и *умыкиваху*. Сформировался суффикс *-ыва-* (*-ива-*) в результате переразложения глагольных основ типа *бы-ва-л* → *б-ыва-л*: древний итеративный суффикс *-ва-* (*-а*) осложнился предшествующим гласным *ы* или *и* (в зависимости от конечного согласного производящей основы — его твердости или мягкости).

Образования на *-ыва-*, *-ива-* представляют вторую ступень выражения кратности в русском языке, более позднюю по времени, проявляющуюся различно в разных славянских языках. В русском языке это — основной способ итеративации, отмеченный во всех народных говорах.

Образовывались кратные глаголы нового типа как от приставочных, так и от бесприставочных глаголов, но дальнейшая судьба их различна: итеративное значение сохраняют в современных говорах в основном только бесприставочные глаголы на *-ыва-*, *-ива-*, только они не включились в видовую систему, не имеют видовой пары совершенного вида, являются *imperfectiva tantum*. Приставочные же глаголы с указанными суффиксами употребляются в языке как обычные имперфективы и легко соотносятся с глаголами совершенного вида.

Основное значение бесприставочных глаголов на *-ыва-*, *-ива-* — выражение повторяющегося, кратного действия, произ-

⁶ См. у С. П. Обнорского: «Новый тип многократных глаголов на *-ывать* характерен для русского языка: эти образования совершенно чужды древнеболгарскому языку, как и ряду иных славянских языков» (Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 52).

водившегося в прошлом. В зависимости от контекста могут возникать в них и дополнительные экспрессивно-модальные семантические оттенки, например отнесение прерывистого действия к далекому прошлому. В этом случае глаголы на *-ыва-, -ива-* выступают как временная форма со значением очень давно и много раз повторявшегося действия (давнопрошедшее время). Обнаруживается также и значение неосуществленной повторяемости в прошлом, категорическое отрицание любой из многочисленных возможностей совершения действия, выраженного основой данного глагола.

Эти семантические оттенки глаголов на *-ыва-, -ива-* проявляются в определенных контекстуальных условиях. Так, значение прошедшего кратного действия, отдаленно от момента речи (давнопрошедшее время), особенно отчетливо выступает в конструкциях со словами *бывало, бывал*, которые соотносят обозначаемое глаголом действие с моментом речи, рисуют его в отдаленной перспективе: Я бывало хажывала, по целой корбоцьке принашивала морошки (Ш); Бывало-то варивали и мы пиво в поварне, топерь-то уж не варим (Мт); Сновывала красна и я бывало (Нх).

Иногда слово *бывало* употребляется не отвлеченно в среднем роде, а согласуется в роде и числе с подлежащим и сказуемым: Я бывал тут ежжывал (Шт); Я бывал всю Москву сматривал (У); Он в лесах бывал промышливал (У); И я ездывал бывал в Мезень, видывал (Шт). Любопытно отметить, что указанные конструкции напоминают формы плюсквамперфекта, еще широко употребительные в пинежских говорах, например: Он мало жыл, зарубили были мужыка-то (Кп); Жонке-то ногу сломило было в молотылке (Юб); Я дорогой заболела была, еле добрела (Юб); У меня рука-та вылетела была, в больнице поправили церёдом (Сл); У ей только одна дочь родилась была, да и та померла (Нх).

Отнесенность кратного действия в далекое прошлое подчеркивается и лексическими средствами: наличием обстоятельства, указывающего на момент прошлого, датировку его: «В дэфках-то было и у нас гуливано», — говорит старуха 76 лет (Б); Малышами и мы бегивали на монастырску дорогу (С); Она наряжывалась бывало молодато (Шг); Ф прёжны-то годы здесь не маленько больших девок танывало (Б); У меня ране-то баливали пальцы, кось выламывало (Б); Прёжде тут речышшо было, река хажывала, вода проходна бежала (У); Бывало у берега теривали рыбу, всяко бывало ране-то (С); Я ногу бывало тожэ верёжывала (С); В молоды-те годы я много добывал, белку промышлял (Нх). Многочисленны в этих случаях конструкции с количественными словами, обстоятельствами, указывающими на повторяемость, многократность действия в далеком прошлом: Я колько раз лётывала на самолёте, хоть куды летала (Ш); Иван так не одного лавливал медведя (М);

Я в Юлы [реке] три рас тányвала (У); Цетыре рас ударивал его [медведя], а он фсё стоит (У).

Повторяемость и интенсивность прошедшего действия подчеркивается иногда и восклицательной интонацией: Ох, уш кашивала я на своём веку! (Ш); — Ну, попробуй, поеш пеценья-то. — Прабывала ведь я! (А); Ежжывала в Архангельско-то, как жэ! (С).

Формой проявления семантики категорического отрицания, возможного в прошлом, но не осуществленного действия (неосуществленной повторяемости действия), служит конструкция отрицательного предложения. Например: Жывут деруца, а мы так не драивались (Уст); Пóлогом я рыбу не бражывала (Пм); Не молацивали приузом, фсё кицьгой (Мт); Корóву не даивал (Чл); Век не лупливала егó (Шг); Ницегó не купливала (С); Ни с кём не спаривал, не дирался (Вх); Я вот дэфкой ходила, не целуивалась (Шт); Нёковда тоскнуть-то, я на веку не таскивала (т. е. не тосковала; Л); Я плугом не аривал, сохой-то лутшэ (Шт); Он два рáзы жанивался, не одна не живёт (Сл). Обычно в подобного рода отрицательных предложениях употребляется обстоятельственное слово, отрицательное наречие или местоимение: Она не робатывала ницегó, никаксй роботы (Чл); Никугó никовдá не баивалась (Вр); У нас нихтó не тányвал (Б); Дóма он ницегó не лáмывал (Мт); Зуб не одін не баливал (Мт); Я на веку не слыхивала штобы кось болела (Мт); Я век не вязывала кружэвóф (А); Я и смолоду краснаго повойника не ряжывала (А); Не ляжывала я лёжкой-то (Мт); Она фсю зиму телят не мывала (Юб); Я не рáзу не ганивал самогón (Пм); Он меня и пальцем не задéивал, а прóжыли сорок годóф (А); Ницегó не кóпливала и не продáивала, так и живу́ цéлой век (С); Нисколько я думушки об ётом не думывала (С).

Из приведенных примеров видно, что итеративную функцию выполняют иногда и приставочные глаголы, но с омертвевшей приставкой (в результате процессов опрощения), например: Не вдёвывала я в иголку (глагола *дёвывала* нет); Помынывала она про ёто (глагол *мынывать* не употребляется).

Таким образом, исследуемая группа бесприставочных глаголов (и с омертвевшей приставкой) на *-ыва-*, *-ива-* имеет очень четкую семантику — выражение повторяемости, кратности глагольного действия; это итеративное значение глаголов еще актуально в говоре. Легко усматривается оно и в случаях отнесения действия к далекому прошлому (типа *бывало молачивал*), и в конструкциях, выражающих категорическое отрицание (*не купливала ни разу*), когда из всех возможных проявлений этого действия ни одно из них не совершилось, это — так называемая отрицательная повторяемость (тип *Не убивывал никого в лесу*).

Отграничена группа итеративных глаголов и лексически: эти образования возможны только от определенного круга глагольных производящих основ, от ограниченного числа первообразных глаголов. Наш материал показывает, что большинство образований на *-ыва-*, *-ива-* представлено от основ глаголов, обозначающих конкретное действие, чаще именно действие, связанное с трудовой, земледельческой деятельностью, например, *кашивал, молачивал, стирывала* и т. п. Действия эти конкретны, легко могут повторяться и реально повторяются в человеческой практике.

Образуются глаголы на *-ыва-*, *-ива-* и от основ со значением физического и морального воздействия на предмет (от глаголов со значением 'ругать', 'бить' и т. п.): *лупливал, ворáшивал, удáривал, задёвывал, шúmливал, брáнивался* и т. п.

Производящей основой подобных образований могли быть и глаголы говорения, чувствования: *говáривал, слýхивал, дýмывал, смáтривал, плáкивала* и т. п. Довольно многочисленны в этой группе и глаголы со значением движения, перемещения в пространстве: *гу́ливал, хáживал, ёзживал, бéживал* и т. п. Меньше образований на *-ыва-*, *-ива-* от глаголов, обозначающих состояние человека (физическое или психическое): *бáливал, ляживал, ба́ивался, живáл, не ма́гивал* [не мог] и т. п. От других семантических глагольных групп бесприставочные образования с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* в пинежских материалах пока не зафиксированы.

Ограниченность базы производящих основ у глаголов на *-ыва-*, *ива-* уже отмечалась многими исследователями. С. П. Обнорский, например, указывал, что не может быть подобных образований от глаголов отыменных (*чернеть, злить* и т. п.), а также от глаголов отвлеченного характера, книжных (*желать, страдать* и т. п.).⁷ Таким образом, кратные глаголы на *-ыва-*, *-ива-* имеют свою, строго очерченную, специфическую лексическую базу.

Совершенно отчетливо определены бесприставочные кратные глаголы и морфологически, в этом отношении их легко отграничить от других групп глаголов: 1) они всегда бесприставочны (или имеют омертвевшую приставку); 2) образованы всегда лишь посредством специфически русских суффиксов *-ыва-*, *-ива-*; 3) у них нет полной временной парадигмы, для них характерна лишь форма прошедшего времени (форма настоящего времени встречается крайне редко, она совершенно факультативна, например, *верёживаюсь, тёриваю*); 4) нет у данных глаголов и видовой пары, все они *imperfectiva tantum* и не противопоставлены глаголам совершенного вида; 5) образование их сопровождается фонетическими процессами продле-

⁷ См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 35.

ния корневого гласного и переходным смягчением конечного согласного основы. Эти фонетические особенности присущи были и кратным глаголам древнейшей поры (ср. *спрашѣл, тыкѣл* и т. п.), они являются характерным средством диалектного слово- и формообразования и позволяют соотносить кратные глаголы на *-ыва-, -ива-* с древними формами имперфекта.

Суффиксация бесприставочных глаголов в говорах обычно сопровождается усилением вокализма основы. Очевидно, старые долготные отношения, имевшие место в древних основах имперфекта, находят отражение в современных типах чередований гласных и согласных при образовании кратных глаголов нового типа.

В наших материалах представлено чередование *o//a*: *тоцил — тацивал, прѣбовал — прѣбывал, рѣбил — рѣбливал, ворошил — ворашивал, спѣрил — спѣривал, ломѣл — ламывал, тонѣл — танывал, болѣл — бѣливал, боялся — бѣивался, бродѣл — брѣживал, потѣл — пѣчивал* и т. п. Чередуются с *a* и звук *'o* (с предшествующей мягкостью согласного), образовавшийся из *e*: *лежѣть — лѣжѣл — лѣживал; женѣться — жонился — жанивался; держѣть — дѣржал — дѣрживал* и т. п. Имело место и продление корневого звука *e* в *ѣ* (в современном произношении — *e*, не переходящий в *'o*): *летѣть — летѣл — лѣтывал*. Отражается и историческое чередование *o//y* (усиление лабиализации корневого гласного *o*): *бостѣ — болѣ — бѣживала* (Меня бѣживала корова, бодлива была порѣто; С). Древний звук *ѣ* продлевался в *и*: *бѣ/ѣ/рал — бирѣл — бѣрывал; чѣ/ѣ/л — читѣл — чѣтывал* и т. п.

Однако гласные корня, ранее долгие, или образованные из старого дифтонга, остаются без качественного изменения, но на них тоже перетягивается ударение, и таким образом они тоже усиливаются: *пахѣл — пѣхивал; ударѣл — удѣривал; видѣл — вѣдивал; промышлѣл — промышливал; слыхѣл — слѣхивал; грузѣл — грѣживал; гулѣл — гуливал; шумѣл — шумливал* и т. п.

Старое *ѣ*, если на него падало ударение в производящем глаголе, произносится как *e*, не переходит в *'o*: *дѣлал — дѣлывал, ѣздил — ѣзживал*; если же ударение было не на корневом гласном, то *ѣ* подвергалось изменению в *'o*, далее это новое *'o* закономерно могло переходить в *a*: *хлебѣл — хлѣбывал — хлябывал, задѣвал — задѣывал* (Вы не едѣли мусѣнки у нас, не хлябывали? Ш).

Чередование согласных в основе — также живое формальное средство образования кратных глаголов на *-ыва-, -ива-*. Изменение конечного согласного основы произошло в свое время при образовании форм имперфекта от глаголов на *-ити* (*ходити*): *и* — суффикс глагольной основы инфинитива — перед гласным суффикса имперфекта (*-ѣа-, -аа-*) редуцировался, переходил в *j*, последний, сочетаясь с конечным согласным произ-

водящей основы, изменял его: *вереділ — верéживал, ходіл — хáживал, броділ — брáживал, носіл — нáшивал, гремёл — грémливал, ловіл — лáвливал* и т. п. Образования от основ с древним *j*, входящим в состав суффикса глаголов 3-го класса, отражают чередования интервокальных *j* и *v*: *задева́л — заде́живал, продава́л — прода́живал, сова́л — высáживал* [голову], *кова́л — подка́живал* и т. п.

Глаголы на *-ыва-*, *-ива-* (бесприставочные и с омертвевшей приставкой) обычно употребляются в формах прошедшего времени, только при этом они служат средством итеративации. Однако в говорах уже намечается начальный процесс втягивания и этих кратных образований нового типа (с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*) в видо-временную систему: факультативно становится возможным образование форм настоящего времени и от этих глаголов (как факт речи, но не языка); в индивидуальном употреблении встречаются формы типа *кúпываюсь, ва́риваю*, образованные по существующим в языке моделям (*терять — теряю*, по аналогии возникает и *тэ́риваю*).

Таким образом, можно предполагать, что дальнейшая судьба кратных глаголов этого типа (на *-ыва-*, *-ива-*) такова же, как и глаголов старшего типа (на *-а-*, *-ја-*, *-ва-*): очевидно, что они также последовательно через возможность образования форм настоящего времени типа *териваю* будут включаться в видо-временную парадигму. В наших материалах представлены только единичные факты подобных образований: Молóцного мы ницего не ва́риваем (У); Она́ бéгиват не хужэ их, кру́то бéгат (Чк); С жосика́-то [косой спуск с горы] ска́киват на́ша коза́ (Ю).

Приставочные глаголы на *-ыва-*, *-ива-*, очевидно, раньше, чем бесприставочные, включились в видо-временную систему: примеров на употребление форм настоящего времени от приставочных глаголов с указанными суффиксами значительно больше: Хóдит, хóдит, а спать залéзывает в дуб (Юб); Зжа́лчиват уж рош, пожолтéла (Юб); Меня́ саму́ фсю клопы зажа́ривают, жорут порáто (А); Зу́й [кулик] на тоненьких но́шках поска́киват о́кол реки́ (Нх); Переклéтье, э́то где залезова́ют в онба́р, кабы́ть крыльце́ (Сл); Придикóиват [дичает, сходит с ума] стару́ха (Юб); Ноги́ болят, зано́е да зано́е, до́лго одба́ливат (Сл). Во всех приведенных примерах значение итеративности в глаголах на *-ыва-*, *-ива-*, употребленных в форме настоящего времени, уже стирается; они выражают конкретное более или менее длительное действие без оттенка его повторяемости.

Отмечены нами и формы повелительного наклонения от глаголов на *-ыва-*, *-ива-*, но тоже лишь от приставочных глаголов (с омертвевшей приставкой): Иди́ зага́ривай, в ма́йке лу́тшэ загорйш (Ю); Не высáивай [высовывай] ця́шку-ту, сама́ доста́ну (Вр); Как хош розмысливай сама́ (А); Она́ пи́шот, а ты вва́живай дава́й (Мт); Ну, побéживай знай (С). От бесприста-

вочных глаголов в наших материалах представлен только один пример: Лутшэ ворáчивайся, как кошку стрéтиш (Юб). Имеются и образования форм инфинитива от глаголов на *-ыва-*, *-ива*, но тоже по преимуществу от приставочных (с десемантизированной приставкой): Знаш, так лóфко и скáзывать (А); Она написáла штó-то, да негóжо, смáзывать хóцё (Мт); Отведи, бох, и спра́шывать про ёто (Б); Кумполá-то [у церкви] на-штó бы сáрывать (разорять; Вр); Нать долéгивацца до смёрти (Т); Нонь не хотя́ увáжывать-то (Я); Будёш смáлцывать, так обжывёсса (Б).

Совсем редки случаи употребления бесприставочных кратных глаголов в форме инфинитива: Мне уш мáтушки своёй не хорáнивать (Шг). В формах инфинитива, настоящего времени и повелительного наклонения от глаголов с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* уже полностью утрачено значение кратного действия, выражаемого ими в прошлом; следовательно, в говоре обнаруживаются начальные процессы деитеративации и в итеративных глаголах нового типа.

Протекают эти процессы в той же последовательности и теми же путями, что и в кратных глаголах старшей поры: через возможность образования (по аналогии) форм настоящего времени и инфинитива. В бесприставочных глаголах этот процесс деитеративации еще только намечен, в приставочных же он прослеживается отчетливо. Очевидно, в приставочных итеративных глаголах раньше проявилось соотношение с соответствующими приставочными же (но с другими суффиксами) глаголами неитеративными, совершенного вида.

И снова изыскиваются в живом языке способы для грамматического выражения категории кратности. В литературном языке она развивается в направлении лексическом, в говорах же продолжает развиваться именно как категория грамматическая, изыскиваются лишь новые формы ее выражения: от приставочных деитеративированных глаголов (типа *спра́шивать*, *скáзывать*) образуются снова итеративные глаголы с суффиксами *-ывлива-*, *-ивлива-*, *-ывыва-*. Это — третья ступень итеративации, здесь суффикс еще более усложняется, происходит его удвоение (*-ыв(а) + -ива-*, при сочетании звука *j* с предшествующим согласным *в* возникает чередование *в//вл*).

В пинежских говорах употребительны многие образования подобного типа: Век прожыла́, не закладывли́вала ворóт, не запы́рывала (К); Невёстухок розбужывли́вала (С); Она́ не принашывли́вала детёй (Кп); Я ему́ ковда́-то росказы́вливала (Ю); Она́ уш водий́чки не занашывли́вала (Ш); Кóлько дён прошлó, а я у Анны не спрашывли́вала (С); Ню́рка сказывли́вала про ёто, хохочёт (Я); Я скáзок век не сказывли́вала (М); Я в лесáх был и промышлывал, и топёря бы ешó попромышля́л (У); Она́ мне денёк не присывли́вала (С); Никóгда ешó не покрывли́валось (С); Я на веку́ не правли́валась у костопра́ва (Вр);

Небольша́ книга с картинками, она́ мне её показывли́вала (У); Я не завязывли́вала травой-то но́ги больны́е (Вр); Рукава́-то перешывли́вала ко́лько рас (Чл); Он мне пиви́цы не да́вывал (З); В лесу́ я и не бы́вала (Пм); Я ки́цйгой не мола́цивли́вала (Сл).

Подобные глагольные образования отмечает также С. П. Обнорский и объясняет их появление возникшей в говоре потребностью выразить кратность глагольного действия: «Очевидно, нормальные кратные экземпляры этих глаголов (на *-ыва-*, *-ива-*) не воспринимались диалектом как формы кратного значения».⁸ Подобные образования — принадлежность диалектных языковых систем и именно севернорусских.⁹

В древнерусских памятниках такие формы кратности не отмечены, нет их и в письменных памятниках русского средневековья.¹⁰ Надо полагать, что кратные глаголы новейшего типа (на *-ывлива-*, *-ивлива-*) присущи только диалектам, развившимся самобытно, без значительного влияния книжного литературного языка, сохранившим еще следы архаических грамматических категорий. Известно, что аналогичные глаголы с сложными суффиксами и со значением кратности представлены и в чешском языке (типа *byvával*). И. И. Ковалик отмечает наличие грамматической категории кратности в литературном украинском языке.¹¹ Следовательно, подобные способы выражения повторяющегося действия в природе вещей, они присущи славянским языкам, являются их спецификой.

В литературном русском языке проявление грамматической категории кратности приостанавливается сравнительно рано, и образования итеративных глаголов на *-ывлива-*, *-ивлива-* не произошло. Это можно объяснить тем, что литературный язык претерпел сильное влияние церковнославянской книжности (для которой развитие категории кратности проявилось только в формах на *-а-*, *-ја-*). Указанное обстоятельство сдерживало образование новых форм выражения кратности (с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* и тем более с суффиксами *-ывлива-*, *-ивлива-*). Именно поэтому в системе литературного русского языка рано стали вырабатываться лексические средства выражения кратного значения и суффиксация как грамматическое средство образования данной категории перестала быть актуальной.

Следует отметить, что в пинежских говорах итеративные глаголы на *-ывлива-*, *-ивлива-* — явление новое, развивающееся, оно не охватывает всех групп кратных глагольных основ,

⁸ Там же, стр. 38.

⁹ См.: В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии, стр. 39.

¹⁰ См.: С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.

¹¹ Структурні типи многократних дієслів в українській мові в порівнянні з іншими слов'янськими мовами. «Вопросы славянского языкознания», т. 2. Львов, 1949.

содержащих *-ыва-, -ива-*; новые глагольные формы кратности ограничены и в употреблении, и в производящей базе. Образуются они преимущественно от приставочных глаголов, ранее итеративных, но уже утративших это значение (типа *спрашивал, сказывал, исповёдывал* и т. п.), именно от них возможны глаголы с суффиксами *-ывлива-, -ивлива-* (*сказывливал, спрашивливал, исповедывливалась* и т. п.).

Итеративные глаголы этого типа употребляются в Пинежском районе исключительно в формах прошедшего времени, не зафиксировано пока ни одного примера в презенсе. Следовательно, подобные глаголы еще не вышли за пределы словообразовательного уровня языка, не имеют еще видовременной парадигмы; они никак еще не противопоставлены глаголам совершенного вида, являются чистыми итеративами по значению.

Итак, в говорах, где глагольная система развивалась самобытно, без сколько-нибудь заметного влияния книжного языка, находим широкий и разнообразный комплекс грамматических средств выражения категории кратности глагольного действия, что говорит о значительно меньшей степени обобщенности грамматической системы говоров по сравнению с литературным языком, о наличии частных, более конкретных категорий, еще не втянутых полностью в обобщенную категорию вида.

Однако как в литературном языке, так и во всех русских говорах в категорию вида оказались полностью втянутыми приставочные образования на *-ыва-, -ива-* (с легко выделяющейся приставкой). Приставочные глаголы этого типа являются живым и продуктивным средством имперфективации: с помощью суффиксов *-ыва-, -ива-* они служат коррелятами несовершенного вида к соответствующим приставочным глаголам совершенного вида (например, *сгореть — сгаривать*). Такие же суффиксы, которые ранее служили средством образования кратных глаголов, используются в языке и для образования производных глаголов несовершенного вида от приставочных перфективов (вторая ступень видообразования). Следовательно, в современном литературном языке (а также и в говорах) суффиксы *-ыва-, -ива-* омонимичны. Во-первых, в качестве средства итеративации они не являются формообразующими, не создают видовой пары, а выступают фактором словообразующим, образуют новые слова. Но, во-вторых, это — суффиксы имперфективации, используются они для образования форм коррелятивных по виду и включаются в видовую парадигму.

Приставочные образования в говоре на *-ыва-, -ива-* и по семантике, и по употреблению совпадают с литературным языком. Нет необходимости перечислять все возможные значения этих глаголов и контексты, в которых они возможны. Однако в говорах Пинежья наблюдается по сравнению с литературным языком некоторое своеобразие указанных глаголов:

1) более широкая база производящих основ, в числе которых могут быть и диалектные глагольные основы, например: Жонки-то устофѣливают, даѣт фторѣ имѣ, устофѣливаюцца [насмешничают] друг перед друшкой (Мт); Как сѣвер-от закудѣливат, порѣто дѣет (Шг); Смотрите, как кѣса нѣша порѣфкивает (мурлычет; Шт); Крѣкла у кресѣл вицьѣм заповѣрывают (Мт); Игрѣть в шарѣ, нѣть кѣкацца, перекакивацца нѣть снѣва (Кш); Нѣдо как-никак сряживацца на пѣжню (Ю); В крупникѣ тѣсто выпрѣжывам, потѣм на лопѣту да ф печь (Нх);

2) бѣльшая свобода образований от основ с неодиначными приставками: Она к немѣ запохаживает (С); С Машкой попсоѣливала тебѣ гостѣнцей (А); В фатѣрах не изукрашывались рѣне-то (З); Мало емѣ присѣѣтываецца (С); Пѣморок, тѣци запоморѣиват (С); Розговѣривам иногда с ней, да приопѣсываемся (Вг); Зарѣчкало, завывговѣривало (о грозе; Сл); Мѣло уже я припѣмниваю (Вх); Сѣгны ѣфци, дак наснѣшываюцца (Нх);

3) обычным в говорах является усиление вокализма глагольной основы (чередование гласных) и чередование согласных. Если для литературного языка чередование гласных и согласных в основе приставочного имперфективного глагола лишь добавочный показатель вида,¹² то в глагольной системе говоров эти фонетические признаки имперфективации представлены более последовательно.

Чередуются *o/a*: *упокѣить* — *упокѣивать*, *повѣдѣть* — *повѣживать*, *расторгѣть* — *ростѣргивать*, *доорѣть* — *доѣрывать*, *прѣдѣть* — *прѣдѣивать*, *кѣчкатѣ* — *кѣчкивать* и т. п.

Чередуются гласные *e/a*: *слѣтѣть* — *слѣтывать*, *удѣржѣть* — *удѣрживать*, *захлѣбѣться* — *захлѣбываться*, *лѣжѣть* — *вылѣжываться* и т. п.

Своеобразно чередование сочетаний: *ev/aj*; *ov/aj*; *y*: *выклевѣть* — *выклевѣивать*, *подковѣть* — *подкѣивать*, *зарисѣвать* — *зарисѣивать*, *перестрахѣвать* — *перестрахѣивать*, *обворѣвать* — *обворѣивать*, *совѣть* — *просѣивать* и т. п. Примеры: Натѣ перестраивать дѣм-то (Ю); Ростолкѣивать нѣть, толковать (У); Не пошлѣ в бой, подѣте вы отвойивайте (Б); Зарисѣивать будѣте? (Ю); Дятел сѣмецьки выклевѣиват (Юб); Говорѣт ѣти заговѣрны слова и поплѣивают (С); Деревянный прутѣчик просѣивают (А); С нѣтками-то цифѣю ф целнок и просуивают (Мт).

Широко представлено чередование согласных: *повѣдѣть* — *повѣживать*, *скипѣть* — *скипливать*, *громѣть* — *погрѣмливать*, *огостѣть* — *огѣшшывать*. Примеры: Хѣдит ко всѣм, огѣшшыват (Мт); Меня нѣги не несѣт, так и подлѣмливаюцца (Шг); Опѣть погрѣмливает, грѣза будѣт (Шт); Сѣяс жар, молоко скипливат (Пм); Натѣ егѣ поднѣмливать, уцѣть (С); Я весь год не приѣживалась дѣма-то (Вр).

¹² См.: Грамматика русского языка, т. I. М., 1952, стр. 437.

Нам представляется, что происхождение приставочных и бесприставочных образований на *-ыва-*, *-ива-* одинаково: и те и другие в свое время вышли из одного источника — древнего имперфекта. В глаголах с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* еще и теперь прослеживается преемственная связь с этой формой. Близость их к древнему имперфекту устанавливается по наличию общих признаков: в имперфекте происходило продление корневого гласного, так же и в глаголах на *-ыва-*, *-ива-* (*прашивал* — *спрашивал*, ср. *прашахъ*), одинаково в них и чередование согласных в основах (*люблывал* — *полюблывал*, ср. *любляхъ*).

Связывает эти формы с имперфектом и то, что первоначально как приставочные, так и бесприставочные глаголы на *-ыва-*, *-ива-* употреблялись преимущественно в прошедшем времени. Об этом свидетельствуют показания древнерусских памятников, например, в двинских грамотах XV в. большинство представленных глаголов на *-ыва-*, *-ива-* употребляются в форме причастия прошедшего времени на *-л* (*докладывалъ*, *сбивалъ*, *не дохаживало*, *давалъ* и др.).¹³

Однако едва ли процесс образования кратных глаголов с указанными суффиксами происходил одновременно от приставочных и бесприставочных основ. В древнейших русских памятниках (Поучение Владимира Мономаха и др.) глаголы на *-ыва-*, *-ива-* отмечены только от приставочных основ (*оправливати*, *уганивати*, *выскивати* и т. п.),¹⁴ представлены при этом и формы настоящего времени и повелительного наклонения (ср. в Поучении Вл. Мономаха: *сваживаетъ*, *наряжайте*). Это дает возможность полагать, что именно приставочные глаголы с древними суффиксами *-а-*, *-ја-*, *-ва-*, потерявшие значение итеративности ранее, чем бесприставочные, должны были стать исходным материалом для образования новых моделей выражения итеративности, именно в них происходило в первую очередь осложнение основы новым суффиксом *-ыва-*, *-ива-*. Предположить это позволяют процессы, связанные с развитием категории кратности, совершающиеся в современных говорах, а именно: итеративные глаголы новейшего типа (*спрашивливал*) образуются в говоре тоже прежде всего от приставочных основ (с десемантизированной приставкой). На примере развития этих новейших кратных образований нам представляется возможным судить о путях формирования кратных глаголов и прежних формаций: очевидно, протекали они аналогично.

А. К. Кошелев высказывает гипотезу о том, что бесприставочные глаголы с кратным значением образовались в порядке

---

¹³ Двинские грамоты, ч. 2. Изд. А. А. Шахматовым. СПб., 1903. Грамоты №№ 22, 26, 70, 81, 87, 93.

¹⁴ См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка. М.—Л., 1946, стр. 76.

«декомпозиции», отбрасывания приставки.¹⁵ Но с этим трудно согласиться: данный процесс нельзя проследить, в материалах говором нет ни одного случая, подтверждающего «отбрасывание» приставки в качестве способа выражения итеративности, скорее наблюдается обратное — префиксация. Очевидно, дело здесь в том, что у приставочных глаголов суффиксация (осложнение итеративным суффиксом) развивалась раньше и приставочные образования на *-ыва-*, *-ива-* нашли отражение в письменном языке, а суффиксация бесприставочных глаголов складывалась позднее и, может быть, менее интенсивно и последовательно, поэтому бесприставочные итеративные глаголы на *-ыва-*, *-ива-* не включились в сферу книжной речи, остались в разговорных стилях древнерусского языка.

В дальнейшем происходит смысловая и грамматическая дифференциация приставочных и бесприставочных образований на *-ыва-*, *-ива-*, уточняются их функции в языке.

Приставочные глаголы на *-ыва-*, *-ива-* включились в видовую парадигму: от них стали возможны формы настоящего времени. В ходе этого процесса глаголы теряют свою специфику, неизбежно перестают быть итеративными. У приставочных (ранее итеративных, непредельных) легко возникает соотносительность с приставочным парным глаголом (неитеративным, предельным), и в этих условиях предельный по значению глагол становится в отношении совершенности — несовершенности к соответствующему приставочному же непредельному: *послал* — *посылал* — *посылывал*.

У бесприставочных глаголов с суффиксами итеративности подобного соотношения не могло возникнуть, так как исходный глагол (без итеративного суффикса) — тоже бесприставочный, т. е. непредельный, и, следовательно, он не мог стать в отношении совершенности — несовершенности, не мог послужить видовым коррелятом глаголов совершенного вида: *брал* — *бирал* — *бирывал* — все эти варианты остались в сфере категории несовершенного вида и выражают лишь различную степень итеративности. Видовой соотносительности между ними не сложилось.

Таким образом, данные формы являются фактом словаря, а не грамматики, ибо у них нет характернейших грамматических признаков современного глагола — изменений по лицам, временам и видам, — нет парадигмы.

Бесприставочные глаголы сохранили семантику итеративности; и в самом исходном глаголе (типа *брал*), и в суффиксаль-

---

¹⁵ См.: А. К. Кошелев. К вопросу о создании типов первоначальной парности по виду в древнерусском языке. Вестник МГУ, 1958, № 2.

ных образованиях (типа *бирывал*) они были менее определенными по значению, без префикса, т. е. без пространственного уточнителя, в них не было понятия предельности, поэтому они служили и служат лишь выразителями значения многократности в самом общем, отвлеченном виде, без конкретизации. Очевидно, поэтому они реже употреблялись, меньше подвергались аналогическим воздействиям, так и остались в стороне от процессов видообразования.

С течением времени такие глаголы становились ущербными (*imperfectiva tantum*), сужалось их значение и употребление, они не стали образованиями, столь же разнообразными по употреблению и значению, как приставочные на *-ыва-*, *-ива-*, которые имеют все формы словоизменения, всё разнообразие видо-временной парадигмы.

В литературном языке произошло постепенное затухание употребления итеративных глаголов (кратность выражается лексически). В говорах же кратность еще жива именно как грамматическая категория, отграниченная не только семантически и лексически, но и имеющая морфологическое выражение. Об этом свидетельствует большое количество кратных глаголов на Пинежье и более широкие словообразовательные возможности в создании этих форм, обширная база производящих основ.

К категориальным признакам кратных глаголов можно отнести и то, что они сохраняют свою специфическую семантику — выражение повторяемости, расчлененности глагольного действия. Отграничена эта группа и лексически: она образуется только от определенного круга глагольных основ, а именно от глаголов, обозначающих конкретное действие человека, связанное с его трудовой земледельческой деятельностью. Определены кратные глаголы на *-ыва-*, *-ива-* и грамматически; их легко можно отграничить от других форм и групп глаголов: они обычно бесприставочны (или с омертвевшей приставкой), имеют только формы прошедшего времени и только несовершенного вида; наконец, их характеризуют своеобразные чередования гласных и согласных. Чередование это является, несомненно, морфологическим категориальным средством их слово- и формообразования.

Для кратных глаголов с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* характерен и акцентологический признак — они имеют постоянное ударение на гласном, предшествующем суффиксу кратности: *то-ну́л* — *та́нывал*, *бо́ялся* — *ба́ивался*, *жо́нился* — *жа́нивался*, *те-ря́л* — *те́ривал* и т. п.

В литературном языке кратность как грамматическая категория уже утрачена, втянута в обобщенную категорию вида (как подвид несовершенного вида глаголов). Одиночные глагольные образования, еще употребляющиеся в разговорных стилях языка, стоят вне системы видов, уже непродуктивны спосо-

бы их образования, и новые кратные глаголы в современном литературном языке не возникают. В процессе обобщения, абстрагирования грамматическая система литературного языка упрощается, конкретные, частные категории отмирают, сливаются с более существенными, общими. Язык в своем движении к аналитизму получает возможность выражать различия и оттенки в характеристике способов проявления глагольного действия средствами лексическими, а не грамматическими.

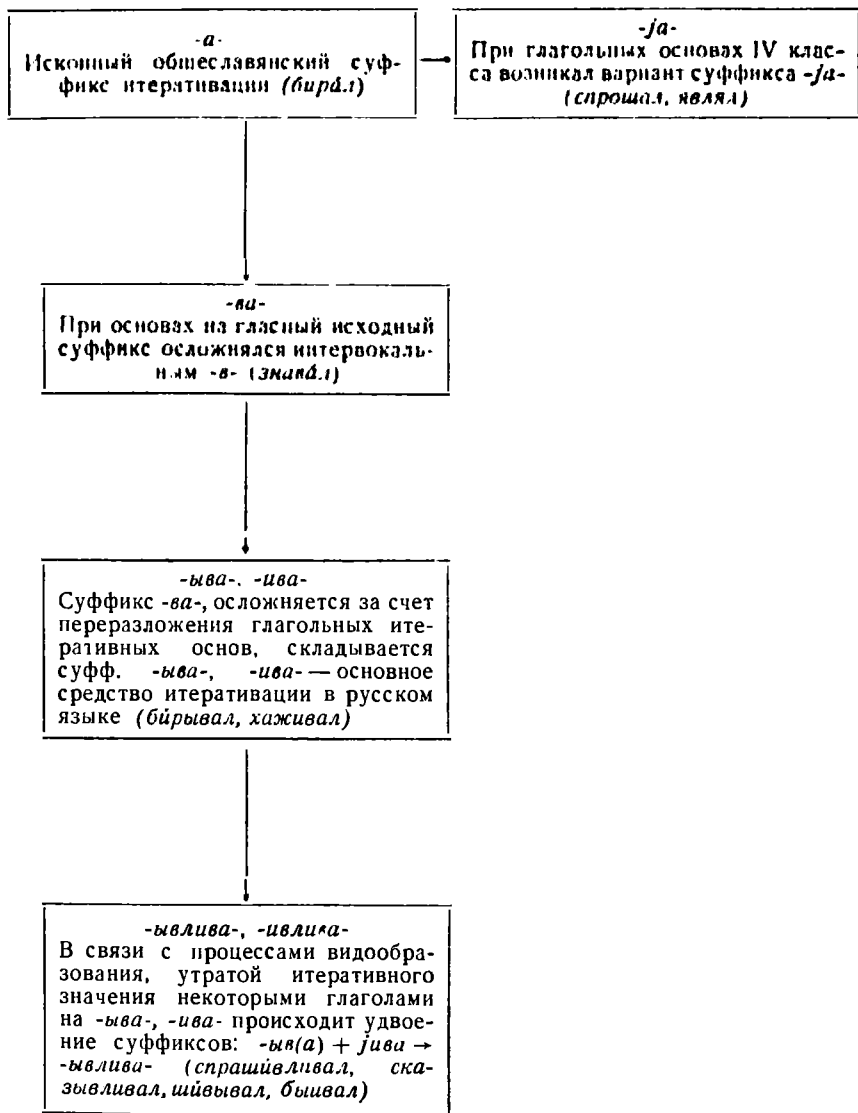
В архаических же говорах, развивавшихся более или менее самобытно, к каковым относится обследуемый нами говор Пинежья, эти унифицирующие процессы видообразования еще продолжаются и еще далеки от завершения. Частная категория кратности глагольного действия в говоре еще очень актуальна и имеет отчетливое грамматическое и лексико-семантическое выражение. И явление это в пинежских говорах — не только своеобразный грамматический архаизм, но и категория развивающаяся, продуктивная, изыскивающая (по мере втягивания одних глагольных форм итеративности в обобщенную категорию вида) другие, новые формы своего проявления (ср. *сказал* — старейший тип итеративации, *сказывал* — вторая ступень и *сказывливал* — третья ступень итеративации, логическое продолжение развития категории кратности в живых русских говорах).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Грамматическое выражение категории кратности в говоре

1-я ступень	2-я ступень	3-я ступень
Старейший славянский тип итеративации: с суфф. <i>-а-</i> (<i>бирал</i>), <i>-ја-</i> (<i>спрашал</i>), <i>-ва-</i> (<i>пивал</i>) Образуется от приставочных и бесприставочных основ Итеративное значение почти утрачено. Имеются все формы времен и видов	Новый специфически русский тип: с суфф. <i>-ыва-</i>, <i>-ива-</i> (<i>баливал</i>, <i>ламывал</i>, <i>бирывал</i>) Образуется от приставочных и бесприставочных основ Итеративное значение имеют только бесприставочные образования; употребляются в формах прошедшего времени; формы настоящего времени возможны факультативно (ср. <i>бегиват</i>)	Новейший тип, развившийся в севернорусских говорах: с суфф. <i>-ывлива-</i>, <i>-ивлива-</i> (<i>спришивливавал</i>) Образуется преимущественно от приставочных основ (с омертвевшей приставкой) Итеративное значение отчетливо. Употребляется исключительно в форме прошедшего времени

Образование суффиксов итеративации

Соотношение кратных глаголов на *-ыва-*, *-ива-* с имперфектом

Глагольные формы Сходство	Имперфектные	Кратные
По значению	Выражают недифференцированное длительно протекавшее действие; кратное действие — одно из значений древнего имперфекта	Семантическая дифференциация имперфективных основ: бесприставочные глаголы выражают кратное действие (итеративы); приставочные служат средством имперфективации (2-я ступень видообразования)
По образованию	Образовались посредством суффиксов, содержащих два гласных: <i>-ѣи-</i> , <i>-јаа-</i> , позднее <i>-ыва-</i> , <i>-ива-</i> (<i>умыкиваху</i>)	Суффиксы <i>-ыва-</i> , <i>-ива-</i> омонимичны, они стали основным средством итеративации и имперфективации
По фонетическим признакам	Чередования гласных и согласных в основе обусловлены продлением гласного корня и смягчением согласного под влиянием <i>j</i> (<i>прашаахъ</i>)	Те же явления (<i>прашивал, лавливал, молячивал</i>)
По употреблению	Служат только для обозначения прошедшего действия	Бесприставочные образования на <i>-ыва-</i> , <i>-ива-</i> имеют только формы прошедшего времени и только несовершенного вида

В. И. ТРУБИНСКИЙ

ОБ УЧАСТИИ ПОСТПОЗИТИВНОЙ ЧАСТИЦЫ *ТО* В ПОСТРОЕНИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (по материалам пинежских говоров)

Связь постпозитивной частицы с грамматической категорией предшествующего имени, весьма выразительная в ряде северно-великорусских диалектов, по крайней мере в прямом падеже (*дом-от, жонка-та, мужыки-ти*), дала, как известно, повод некоторым ученым усматривать здесь род артикля, подобного болгарскому или румынскому, или во всяком случае нечто очень близкое к нему (Ф. Миклошич, Л. Милетич, К. Раковица и др.). Эта точка зрения возникла в то время, когда исследователи не могли еще (вследствие ограниченности материала) судить о значении постпозитивного элемента в русских народных говорах иначе, как гипотетически. Она не нашла своего подтверждения в позднейших диалектологических исследованиях, опирающихся на накопленный в последние десятилетия обильный материал. Концепции члена (артикля) был противопоставлен взгляд на постпозитивный элемент как на своеобразную выделительно-усилительную частицу.¹

И тем не менее было бы ошибкой считать концепцию артикля лишенной всяких оснований. Справедливо, на наш взгляд, утверждение А. А. Шахматова, что в диалектах русского языка действительно «развивалась грамматическая категория члена и притом постпозитивного».² Однако эта тенденция в развитии отдельных форм местоимений не была (вопреки мнению некото-

¹ См.: В. И. Кодухов. К вопросу о «постпозитивном члене» в русском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 92, 1954, стр. 103—152; В. И. Собинникова. Постпозитивная частица *то* в говорах Гремячского района Воронежской области. Труды Воронежского гос. ун-та, т. 47, 1957, стр. 108—128; И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, т. III. М., 1962, стр. 3—7; и др. — Впервые эта точка зрения была высказана А. М. Селищевым. См.: А. М. Селищев. О языке современной деревни. Труды МИФЛИ, т. V. Сб. статей по языковедению филологического факультета, ИФЛИ. М., 1939, стр. 100.

² А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 499.

рых убежденных сторонников упомянутой концепции³) полностью реализована не только в русском литературном языке, но даже и в тех русских диалектах, где она обнаружила себя наиболее отчетливо. Значение члена осталось недоразвитым, хотя указания на то, что севернорусская постпозитивная частица может иметь в отдельных случаях «генерализующее», «посесивное» и некоторые иные «чисто артиклевые» значения, вполне соответствуют действительности.⁴

Постпозитивную частицу в современном русском языке принято считать особенностью севернорусской, несмотря на то, что ее употребление в той или иной мере свойственно всем другим русским диалектам, равно как и современному литературному языку. Когда говорят так, то имеют по сути дела в виду: а) не характерную для южновеликорусских и средневеликорусских говоров большую частотность употребления постпозитивной частицы, б) наблюдаемые на севере более или менее ярко выраженные остатки ее былого согласования (включая случаи «гармонизации» с предшествующим слогом: *дому-ту*).

Было бы тщетно искать современные русские говоры, где бы постпозитивный элемент с идеальной последовательностью согласовался с родом предшествующего имени. В большинстве северновеликорусских говоров используется «нейтральный» вариант (им почти всюду является *то*, в средне- и южновеликорусских говорах *та* или с редукцией гласного *тѣ*). Чуть ли не в каждом говоре оказываются неодинаковыми пропорции употребительности разных вариантов постпозитивного элемента (нейтрального, «согласуемых», «гармонизирующих») при различных грамматических формах имен и глаголов. Поэтому картина употребления постпозитивного элемента в самом северновеликорусском наречии представляется настолько пестрой, что чрезвычайно трудно наметить ареалы этой особенности, тем более с учетом ее парадигматических вариаций и пропорций.⁵

---

³ См., напр.: С. И. Иордан и др. О значении постпозитивного члена в севернорусских говорах (на материале современных диалектов). «Сообщения АН Грузинской ССР», т. 51. Тбилиси, 1968, № 3, стр. 779—782.

⁴ См.: Н. И. Толстой. Опыт типологической характеристики славянского члена—артикля. В сб.: Всесоюзная конференция по славянской филологии. Программа и тезисы докладов. Л., 1962, стр. 127—128.— Ср. справедливое замечание И. Юхаса относительно обычности дейктического и анафорического употребления русской постпозитивной частицы наряду с собственно выделительной ее функцией: И Ю х а с. Об энклитической частице *-то* в русском языке. Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef nominatae. Dissertationes slavicae. Szeged, 1967, 5, p. 33.

⁵ Недавно была осуществлена первая серьезная попытка не только описать, но и картографировать явление на большей части европейской территории Российской Федерации, опираясь на собранный в свое время для составления «Угласа русских народных говоров» огромный материал (см. упомянутую статью И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко). Большая ценность этого обобщающего исследования, сколь бы недостаточен ни был положенный в его основу массовый материал, совершенно бесспорна.

Ниже приводятся некоторые результаты наблюдений над употреблением постпозитивной частицы в населенных пунктах Пинежского района Архангельской области во время летних поездок автора в этот район в 1963—1964 годах. Материалом послужили как собственные записи цельного «синтаксического» текста, выполненные в специально упрощенной транскрипции, так и магнитофонные записи.

Естественно, что, прежде чем попытаться составить представление о функции постпозитивного элемента в пинежских говорах, необходимо установить степень его употребительности в разных вариантах при различных формах слов. Чтобы цифровые

Т а б л и ц а 1

Имя существительное
(единственное число)

Форма	Вариант постпозитивного элемента	Число употреблений			
		Информант 1	Информант 2	Информант 3	Всего
I склон. (на согл.) им.	то	56	64	68	188
•	от	12	8	13	33
род.	то	43	34	37	114
дат.	то	5	9	7	21
•	ту	1	6	5	12
вин.	то	22	26	18	66
•	от	5	9	4	18
твор.	то	6	9	9	24
предл.	то	16	14	9	39
•	ту	1	5	1	7
I склон. (на -о) им.	то	15	10	8	33
род.	то	13	10	7	30
дат.	то	1	3	2	6
вин.	то	21	13	19	53
твор.	то	1	2	—	3
предл.	то	1	4	4	9
II склон. (на -а) им.	то	102	79	89	270
род.	то	31	41	40	112
дат.	то	7	12	14	33
•	ти	1	1	—	2
вин.	то	60	55	47	162
•	ту	7	13	10	30
твор.	то	9	12	18	39
предл.	то	21	16	29	66
III склон. им.	то	13	18	20	51
род.	то	4	6	1	11
дат.	то	—	1	1	2
вин.	то	7	6	2	15
•	ту	2	2	—	4
твор.	то	—	—	1	1
предл.	то	2	—	—	2

данные отражали действительность более или менее объективно, первая экспериментальная запись была произведена от трех информаторов (диалектоносительниц старшего поколения) и в одном населенном пункте (Шотова Гора). Все три записи речи, одинаково изобилующей употреблением постпозитивного элемента, были «уравнены» по той из них, которая содержала наименьшее число его употреблений (этим числом оказалось 1009): в каждой из записей двух других информаторов был произведен последовательный отсчет такого же числа употреблений, остальной текст не учитывался.

Предстает следующая картина употребления в шотогорском говоре Пинежья постпозитивного элемента в его вариантах при отдельных частях речи и их формах (см. табл. 1—7).

Таблица 2

Имя существительное
(множественное число)

Форма	Вариант постпозитивного элемента	Число употреблений				
		Информант 1	Информант 2	Информант 3	Всего	
I склон. (на согл.) им.	то	19	33	32	84	
	•	ти	18	14	13	45
	вин.	то	10	8	12	30
	•	ти	3	5	3	11
I склон. (на -о) им.	то	3	1	5	9	
	•	ти	—	1	1	
	вин.	то	2	3	1	6
	•	ти	1	—	1	2
II склон. (на -а) им.	то	27	19	16	62	
	•	ти	5	8	5	18
	вин.	то	7	10	10	27
	•	ти	6	5	4	15
III склон. им.	то	2	1	—	3	
	•	ти	1	—	2	3
	вин.	то	—	1	—	1
Plur. tant. им.	то	3	5	7	15	
	•	ти	2	3	4	9
	вин.	то	4	8	5	17
	•	ти	1	—	2	3
I, II, III склон. род.	то	42	35	37	114	
	•	ти	7	3	4	14
	дат.	то	1	4	3	8
	•	ти	8	11	14	33
твор.	то	1	4	3	8	
	•	ти	8	11	14	33
предл.	то	8	11	14	33	
	•	ти	8	11	14	33

Из таблицы 1 видно, что: а) вариант *от* употребляется только в двух случаях — при формах именительного и винительного единственного числа существительных I склонения, и в обоих

случаях в 4—5 раз реже, чем использующийся параллельно вариант *то*; б) вариант *то* является абсолютно господствующим над другими вариантами при всех формах существительных в единственном числе; это превосходство менее значительно лишь при дательном I склонения, где употребляется наряду с ним «гармонизирующий» вариант *ту*; в) вариант *ту* (не «гармонизирующий», а «согласуемый») используется при винительном единственного числа существительных II и III склонений и находится, по нашим подсчетам, примерно в том же соотношении с господствующим вариантом, что и вариант *от* при именительном — винительном единственного числа I склонения (т. е. 1:5).

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что: а) при именительном — винительном множественного числа во всех склонениях используются варианты *то* и *ти*; первый из них является господствующим (даже при формах I склонения, где вариант *ти* более употребителен, чем в других случаях); б) при прочих падежных формах во множественном числе безраздельно господствует вариант *то*.

Таблица 3

Местоимение

Форма	Вариант постпози- тивного элемента	Число употреблений			Всего
		Инфор- мант 1	Инфор- мант 2	Инфор- мант 3	
Ед. ч. им. • род. дат. вин. твор. предл.	<i>то</i>	29	42	33	104
	<i>от</i>	1	2	—	3
	<i>то</i>	7	2	6	15
	<i>то</i>	4	9	2	15
	<i>то</i>	4	1	3	8
	<i>то</i>	—	1	1	2
	<i>то</i>	1	—	—	1
Мн. ч. им. • род. дат. вин. твор. предл.	<i>то</i>	11	7	10	28
	<i>ти</i>	3	1	6	10
	<i>то</i>	2	3	1	6
	<i>то</i>	3	2	5	10
	<i>то</i>	1	1	4	6
	<i>то</i>	1	1	—	2
	<i>то</i>	2	1	2	5

При всех формах местоимений (таблица 3) используется только вариант *то*, исключая формы именительного падежа множественного числа, при которых, как видно, в редких случаях возможен вариант *ти*.

При формах имени числительного (по данным таблицы 4) отмечен лишь вариант *то* (в прямом падеже спорадически — *от*, *ти*).

Имя числительное

Форма	Вариант постпози- тивного элемента	Число употреблений			Всего
		Инфор- мант 1	Инфор- мант 2	Инфор- мант 3	
Им.	то	13	8	11	32
•	от	2	1	—	3
•	ти	—	1	1	2
Род.	то	1	1	1	3
Дат.	то	1	—	—	1
Вин.	то	—	1	1	2
Твор.	то	—	1	—	1
Предл.	то	2	—	—	2

Имя прилагательное

Форма	Вариант постпози- тивного элемента	Число употреблений			Всего
		Инфор- мант 1	Инфор- мант 2	Инфор- мант 3	
Единственное число					
М. р. им.	то	5	6	10	21
•	то	2	2	3	7
дат.	то	1	1	—	2
вин.	то	5	4	9	18
твор.	то	3	2	5	10
предл.	то	1	—	2	3
Ж. р. им.	то	10	8	8	26
•	та	2	—	3	5
род.	то	3	3	3	9
дат.	то	—	—	1	1
вин.	то	6	7	10	23
•	ту	1	—	1	2
твор.	то	1	—	—	1
предл.	то	3	2	2	7
Ср. р. им.	то	2	3	1	6
•	то	—	1	1	2
дат.	то	1	—	—	1
вин.	то	7	8	3	18
твор.	то	—	1	—	1
предл.	то	1	1	—	2
Множественное число					
им.	то	8	8	5	21
•	тп	8	7	6	21
•	те	1	—	—	1
род.	то	2	3	2	7
дат.	то	2	3	1	6
вин.	то	1	1	—	2
твор.	то	—	—	1	1
предл.	то	1	—	1	2
Сравн. степень	то	2	2	1	5

Из таблицы 5 видно, что: а) при всех формах единственного числа и формах косвенных падежей множественного числа имени прилагательного употреблен только вариант *то*; б) при формах именительного падежа во множественном числе наравне с формой *то* употребляется вариант *ти*; это, по нашим данным, единственная форма в говоре, при которой вариант *то* не является господствующим.

Таблица 6

Глагол

Форма	Вариант постпозитивного элемента	Число употреблений			Всего	
		Информант 1	Информант 2	Информант 3		
Наст. вр. ед. ч.	1-е л.	то	6	3	3	12
	2-е "	то	3	4	6	13
	3-е "	то	1	3	2	6
" мн. ч.	1-е л.	то	6	6	3	15
	2-е "	от	1	1	—	2
	3-е "	то	5	5	8	18
Прош. вр. ед. ч.	м. р.	то	8	12	11	31
	"	от	1	—	1	2
	ж. р.	то	5	7	6	18
	"	та	2	—	1	3
	ср. р.	то	1	3	2	6
Прош. вр. мн. ч.	(безл.)	то	—	1	1	2
	"	то	11	16	14	41
	"	та	1	1	1	3
	"	ти	1	1	—	2
Повелит. накл.	то	—	1	1	2	
Инфинитив	то	47	39	40	126	
Причастие (страд.) ед. ч.	им. м. р.	то	—	1	2	3
	" ж. р.	то	2	—	1	3
	" ср. р.	то	1	2	1	4
	" (безл.)	то	3	4	2	9
	Причастие (страд.) мн. ч.	им.	то	—	1	1
"		ти	—	1	—	1
род.		то	1	1	1	3
другие падежные формы		—	—	—	—	—

В таблице 6 следует обратить внимание на следующее: а) вариант *то* является единственно употребительным при глаголе (отмечены как крайне редкие варианты *от*, *ти*, *та*); б) наибольшее число употреблений постпозитивного элемента *то* падает на инфинитив.

Приведенные в таблицах 1—7 соотношения употреблений постпозитивного элемента показывают, что в пинежских говорах

Наречие

Тип	Вариант постпози- тивного элемента	Число употреблений			
		Инфор- мант 1	Инфор- мант 2	Инфор- мант 3	Всего
Непредикативное	то	79	59	66	204
Предикативное	то	2	6	5	13

он весьма далек от роли «члена», ибо: а) в подавляющем большинстве случаев элемент *то* выступает как единый нейтральный показатель, а согласуемый элемент в вариантах *от*, *ти*, *ту* хотя и используется при отдельных падежных формах имен, в каждом случае либо значительно уступает по употребительности нейтральному варианту (*от*, *ту*), либо (и это лишь при одной форме) употребляется наравне с ним (*ти*); б) наблюдается весьма частое его использование не только при именах, но и при других частях речи (см. таблицу 8).

Таблица 8

Употребление постпозитивного элемента *то* при различных частях речи

Части речи	Число употреблений	% к общему количеству всех употреблений
Существительное	1990	65,8
Местоимение	215	7,1
Числительное	46	1,5
Прилагательное	231	7,7
Глагол	327	10,8
Наречие	217	7,1

Хотя значение приведенных цифр для понимания сути явления не следует преувеличивать, невозможно, однако, не иметь их в виду, прежде чем попытаться установить функцию постпозитивного элемента. И не только потому, что не окончательно еще развеейна иллюзия, будто в ряде северновеликорусских говоров он является не частицей, а членом, но и потому, что принятый в начале статьи аспект наблюдений — традиционный аспект: при попытках выявить функцию постпозитивного *то* в центре внимания исследователей находился до сих пор не столько общий синтаксический контекст его употребления, сколько характер «выделяемых» им слов, их морфологическая природа. Именно наблюдения, которые велись в таком плане, поставили под сом-

нение «теорию члена». Когда же, в связи с критикой этой последней, возобладал взгляд на постпозитивный элемент как на выделительную частицу, столь же естественно проявился интерес к тому, какие именно слова и формы подвержены «выделению». (Такая направленность внимания является закономерной при отсутствии специальных записей, где бы можно было проследить употребление данного элемента в широком контексте.) И нашей задачей было не игнорировать традиционный аспект, а исчерпать его. Однако дальнейшие наблюдения показали, что морфологическая характеристика «выделяемых» слов, которая не может быть обойдена при анализе, имеет лишь косвенное отношение к вопросу о конструктивной роли постпозитивного элемента в диалектной речи.

Какова же эта роль? В ряде работ советских исследователей, как уже упоминалось, постпозитивный элемент справедливо квалифицируется как выделительная частица (В. И. Кодухов, В. И. Собинникова). Условия ее употребления, отмеченные А. Б. Шапиро и В. И. Собинниковой, характеризуют разные грани одной и той же «выделительной» функции как в северновеликорусских, так и южновеликорусских говорах. Согласно этим условиям постпозитивное *то* возможно, в частности: 1) при слове, которое подчеркивается в предложении (*пыль та кончилась*); 2) при указании на ранее упомянутый предмет; 3) при противопоставлении (*она та маладая, а ты старая*); 4) в вопросительных предложениях (*сколь дён та?*); 5) при существительном, следующем за личным местоимением (*у ней у сверкови ть*); 6) когда оно имеет значение *даже* (*ды я аднаго ть ня вынячила*).⁶ Можно было бы привести немало пинежских фактов, подтверждающих справедливость такой характеристики.

И все же условия эти нельзя признать всеохватывающими. Частотность употребления постпозитивной частицы в пинежских говорах такова, что явно превышает самую большую, какую только можно себе вообразить, потребность говорящего в подобном, как представлено у А. Б. Шапиро и В. И. Собинниковой, выделении слов. В значительной части случаев выделение слов постпозитивной частицей с логической точки зрения не только не является необходимым, но воспринимается как излишнее, по крайней мере в сравнении с тем, что наблюдается в разговорных стилях современного русского литературного языка. Например: «*А сусётка то Парамоновна то ягоды то красные то пухтерём носит*»; «*Нынче то на большой то дороге ручей то у байни то у Павла то дома не текё сей гот*» (Шт).

Однако конструкции подобного рода (их можно привести немало) представляют пример лишь кажущейся гипертрофии явления (об этом ниже).

⁶ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1952, стр. 263—266; В. И. Собинникова. Постпозитивная частица *то* в говорах Гремяченского района Воронежской области, стр. 118.

Обратимся теперь к тому, что имеет, с нашей точки зрения, особую важность. При изучении цельного «синтаксического» текста, записанного с помощью магнитофона или упрощенной транскрипции, которая обеспечивает быстроту и цельность фиксации, невозможно упустить из виду еще одну весьма существенную функцию постпозитивного элемента (наряду с «выделительной»).

Рассмотрим следующей отрезок речи, записанный указанным образом:

у попа́ то, попо́фска то дочка оддана за простого, на Покшэньги то, тот то дом у реки то, у щельи то, оддана то была, дак после свадьбы попадя скоко рас приходила к нам (Шт).

Выделение слов с помощью элемента *то* в данном случае не может быть полностью приравнено по своему характеру к условиям, оговоренным А. Б. Шапиро. Совершенно очевидно, что основная функция элемента не столько в том, чтобы логически выделить, подчеркнуть слова *попа, поповска, Покшэньги, тот, реки, щельи, оддана* как особо значимые (хотя значение «выделительности» в обычном понимании здесь также есть), сколько в том, чтобы послужить лучшему скреплению, лучшей сочетаемости частей всего бессоюзного сложного предложения, важнейшая из которых (для говорящего) вводится в данном случае частицей *дак*; именно с этой последней, хотя возможно и не в одинаковой мере, соотносится каждый из семи употребленных в процитированном отрезке речи постпозитивных элементов.

А вот запись непрерывавшейся речи, где конструкции с аналогичной соотносительностью элементов следуют одна за другой:

заря́ то ста́нет занима́цца дак тут ы уви́диш, примо́кла товды́ фся, наволо́к то большо́й, доро́га то западе́, дак ы не зна́ш куды́ итти́, я то не блужывала, на морозни́цу то при́дем да по курьи́ то сыла́ доро́га, дак е́здили фсе́ по доро́ги, большы́ то сугробы́ то, дак гребём, а в остро́жья то тут попада́м, дак вы́шэ заро́да то, пол заро́да то фсе́ огребём, а друго́й то рас при́дем да в друго́м ме́сте огребём, и ны́нче огребаем, глубо́ко то зане́сёт дак гребём до тола́, до земли́, лопато́й дере́вяной гребём... (Шт).

В современной пинежской диалектной речи, как видим, постпозитивная частица выполняет вместе с «выделительной» функцией или без нее вполне определенную функцию средства связи предложений (иногда их групп) в особом рода сложное целое. При этом функция такой частицы координируется, как правило, с функцией частицы *дак* (иногда *дак и*), чрезвычайно распространенной в изучаемых говорах и служащей обычно водоразделом бессоюзного сложноподчиненного предложения. Постпозитивная частица с данной функцией употребляется в словесном

комплексе, предшествующем рубежу, обозначаемому частицей *дак*, причем часто повторяется два и более раз.

Частица *дак* выступает в подобных случаях как коррелят, соотносительный с употребленными до него постпозитивными частицами (эта соотносительность могла бы быть, по-видимому, подтверждена специальным интонационным исследованием). Их употребление в «препозитивной» части сложного целого как бы предполагает, «вызывает» последующий наиболее важный в коммуникативном отношении словесный комплекс (вводимый частицей-коррелятом), обычно представляющий собой главное предложение. Постпозитивные элементы материально усиливают соотносительность обоих комплексов.

Принимая участие в построении бессоюзно-коррелятивного сложного целого постпозитивный элемент оказывается (наряду с другими средствами) выразителем различных подчинительных отношений, чаще всего временных, условных, причинно-следственных, реже уступительных, целевых, обстоятельственных, определительных, изъяснительных, а также синтаксических отношений в сложных конструкциях с ослабленной или отсутствующей подчинительной связью. Ниже приводятся факты, записанные от диалектоносителей не только старшего, но и среднего поколений в различных населенных пунктах Пинежья.

а) Постпозитивный элемент участвует в выражении временных отношений при бессоюзно-коррелятивном подчинении:

меня *то* замуш *то* взяли *дак* тут революция шла (Шт); один рас *то* в больницы лежал *дак* не фстать была (КБ); сначала *то* венчалась *то дак* на середний находило [кольцо], пальцы тоньше были (Шт); прошла *то* зиму они приезжали *дак* я связала Олечки носки (Шт); и ф пасху поп от ходи поё, не один он, людно тут ходит мужыкоф, ему фсе давали деньги, а там жили *то* я дёвкой *то* была *дак* там промышлили, дак тетерей давали ему, ковды тухарь, ковды пеструху (Шт); мы покупаемся *то*, озябём *то* да уйдём *дак* ребята опеть приду (Шт); этот ушатик *то дак* давно уш, мой хозяин *то* помер в двадцать четвертом году, *дак* при нём ещё куплен, выменяли товды на рыбу, новой был (Шт); попоф *то* бедной был, жэнилса *то дак* ф чужом доме жил ф кыркалофском (Шт); а прядём *то* зимой, привязём кудели да вечерянки сидим с лучиной, *дак* долгая така лучина, засветим лучину, она згорит, тогда другу (Шт); распятье было большое, да тут ещё перекладинка, топерь этот крест, дочь была у Игната *то, дак* она взела (Шт); сначала *то* на самолёте *то* полетела дэк сощурилась, а потом дак ы разощурилась (Шт); я плачу, веть здесь *то* жыла, *дык* она фсе мне помогала за быкам то ходить (Шт); фсе бывало веть не были больницы *то дак* так ладили ребят; *то*, зато здоровышы были (Шт); ребята здоровы были, страда *то* придет, *дак* в ызбу не идём, фсе ф полё (Шт); гленицца ли вам в байни *то*? у их тут веть чисто, бело, токо бес трубы, мы *то* с Ъваном *то* пожэнились *дак* скорей и срубилы бай-

ню то, срубил да скорей каменцу клась, дак фсю бы́тность мы-
лись (Шт); привезлі от венца́ *то дак* я не поёла ни́чо́го (Шт);
я мо́ложэ *то* была́ *дак* сидела тогда́ фсе́ вяза́ла да тка́ла (Мх);
молоти́ли ве́яли, фсе́ уберём з гумна́, де́фки *то* надели́лись *дак*
много́ было́ молочё́нья (Шт); жо́нка *то* померла́ у е́го, хоро́ша
была́, дак она́ вы́шла за мужы́ка е́того, он был в благоде́льни
рос, мать *то* худо́ зажы́ла, *дак* они́ фсе́ приедут да око́шком при-
дут; пла́хи ти хоро́шы ти, Ва́ська з благоде́льни *то* пришо́л *дак*
фсе́ про́дал, ны́нче уш ы по́л набран; мнук с ма́терью живе́, с
солда́т *то* вы́шэл *дык* фсе́ живе́т при не́й, учы́лся *то* в го́роди *дак*
фсе́ е́здил на вы́ходно́й, смире́нный тако́й, жо́ницца дак суды́
прие́де и буде́ жыть, я помру́ *то* и бу́дут жыть (Шт); неде́лю
лежа́л, ка́мень привя́зан да тут скла́дено иа́ ноги, навеща́ли его́,
переда́чу носили, я фсе́ бего́м ы бежу́, до страды́ *то* до́жыли *дак*
он ужэ́ и лопáтить ко́сы стал (Шт); вот ле́с от навóзим да сплотя́
то дак тут фсе́ складе́м иму́щество, солóму *то* поста́вим, закрóем
дык ниче́го не вы́мокнет, спим (Шт); парохóт *то* ф По́кшэ́нгу *то*
пе́рвый пришо́л *дак* фсе́ летя́ [бегут] ско́лько силы́ парохóт смот-
ре́ть (Шт); было́ су́хо шлі́ *то*, ско́ки рас оддыхáли, взошлі́ *та*
на вы́соку го́ру, *дак* там до́лго сидели́, отту́ль фсе во́лости видно́,
и Шо́това и Ва́ймуша (Шт); ста́ли ре́зать *то дак* са́ла *то* не ме́-
не мя́са у ей (Тф); учы́лась *то* я бу́квам *дак* уш ыз годо́ф вы́шла
была́ (Тф); ро́била *то* ра́ньшы ф колхо́зе *то дак* ко́зочку дер-
жа́ла (Тф); он здесь жы́л у Ма́рьи *то дак* фсе́ принесё́ сам (Вт);
наца́лось *то* тут смени́лась *то* влась *дак* тут приходи́ли за ико́-
нам *то* (Вт).

б) Постпозитивный элемент участвует в выражении условных
(в том числе условно-временных) отношений при бессоюзно-кор-
релятивном подчинении:

накла́дено етта иттí *то* за реку́ *то дэ́к* потта́лкывае́т иде́т ко́-
лышком, через реку́ *то* По́кшэ́нгу переиде́т *дак* фсе́ один, он
чутко́й был (Шт); на це́ркофь проси́л, ему́ пода́ют, фсего́ нада-
ва́ют я как запо́мнила, он до сме́рти ходил проси́л, поди́ ка се́ть
то куды́ в го́роде *то дак* надава́ют тебе́ де́нек *то*, оха́пку (Шт); я
ра́ньшэ́ не любі́ла с наро́дом ходи́ть, они́ ра́ньшы *то* ре́вут фсе́,
а я фсе́ одна́, партией *то* иде́ш, *дак* ре́вут: э́й э́й; с у́лицы *то*
иде́ш, *дак* веть видáть (Шт); их на серётки ре́ки за́лило, попере́к
бы *то* волны́ *то* по́плыли *дэ́к* срáзу пере́ехали п, а у их мото́р
загло́х (Шт); есь мно́ги кото́ры пово́йники но́сят, на гуля́нье *то*
пойду́т *дак ы* наденут (Шт); я́годы *то* пойде́т брать, в бли́жни
то места́, оби́рают *то* где, *дак* руга́ецца, да́льшэ́ иде́т; кому́ не
на́ть как обрежа́цца коро́ф *то* дои́ть, *дак* можно́ и но́цевáть, по
гостя́м ма́ло ходи́ли (Шт); разли́вам [пиво] в брата́ни, хто при́де
гости́ *то*, *дак* брата́нь наце́дим из лагу́на *то* (Шт); вот солны́ш-
ко е́ко дак тут ы сомне́м, на печи́ вы́сушым да на колóтке смó-
нем, ну опе́ть осмо́нем и на клочу́ трéплем, трéпа́ть *то* стане́м
дэ́к оно́ мя́кко бу́де, трéплем, дак пото́м стане́м цеса́ть по горсти́,
щёти *то* есь, *дак* как ф ту́ рúку захвати́ть а ф пра́вой *то* щеть и

чошем (Шт); дыму то не порато много, иной то рас много, *дак* заслонку отворем, керосину то бутылку возьмём, *дак* трехлинейну засветим (Шт); раньшы лоханей много веть ловили сёмгу, нонче то запрещают, какй-то вытянули много, *дак* их штрахнули, а ёто никто то не увидит *дак* они тут закинут да скорё домой (Шт); морошку то придём да очистим то ей, ф посудину, в ушат ли в ведро ли да в яму то спустим *дак* ничего не деецца, вина то гворя лют в морошку то *дак* она не портица гворя, хороша (Шт); сегодня хош вёчером то идём, пойдём в болото то *дак* морошки наносим, далёко пойдём то по болоту бредём *дак* перескаывает с клоча на клоч, скоро и уседем веть, такие зыбуны (Шт); там мнук у дочери то хто приеде да хватеры то нету *дык* худо (Тф); зделам такой квадратный люк называецца, худо то укроют *дак* ы замёрзне картошка, копаю на пречисту, она кажысь восьмого сентября, деда был *дык* копают, я то прохожу *дак* я тожэ скорей копать идю (Шт); я устану да закружит, падаю то, *дык* скорей на место, да и лежу, я пряду вату ту, без дела то сидеть тоскливо; а раньшэ то повенчают *дак* не убежыш, рас выйдено оддано, жыви; у нас молоко хорошо было, густо, скусно, я фсе дойла оддельно, детко то п не помер *дак* я п ешшо подержала [корову] (Шт); дверь то ить закроем крепко *дак* тепло (Вт); оводоф то грмом убивае, большэ то грму *дак* ых меньшэ (Вт); как нацне свистеть, бывало фсе буялися фсе в избушках, а топор то фтюкнеш ф пороги *дак* не войдет [о лешем] (Уст);

Продолжением иллюстративного материала на данное значение постпозитивного элемента могла бы послужить также вся «цельная» запись пинежской речи, приведенная на стр. 57 («заря то станет. .»), при общей характеристике модели.

в) Постпозитивный элемент участвует в выражении причинно-следственных отношений при бессоюзно-коррелятивном подчинении:

ему пригрэзилось, што его потянула то [женщина] в белом, *дзк* он перепугалса (Шт); сам пришол то с тюрьмы, *дык* во какой зделался кособолонной, одно плечо нйжэ зделалось (Шт); раньшы подём жать то по новины, снэк, бело, морос то забелует *дак* руки ноют, зябют (Шт); прошлой то гот лето то было фсе мокро, *дак* много згнило фсего (Шт); собираш то много ягод *дзк* веть нести тяжело (Шт); я уш плавать то не умею *дык* ы не потхожу к воды, замужня то я и не купывалась (Шт); стара стала, фчера то шла на празник то *дак* устала (Шт); у учителя то колубливая лотка, так колубаецца, я боюсь . . . на моторе то больша то лотка *дак* ни духа не бойсса (Шт); ужб тожэ закроем крыжу, ветер то был *дак* снесло которо, ветер збил, с весны збил крыжу (Шт); вода то у нас далёко, скота то много было, *дак* дэфки поедут за водой (Шт); зимой то не отопица *дак* поневоле в одну соберёмса избу (Кб); вот я одна то живу *дак* фсе беру молока за двацать копеек, на скотнем нынче чисто с молоком,

обихот от хоро́ший и доя́ фсе́ через ма́рлю (Шт); мальчик да де́вушка то есь гостя́т, мальчы́шку то нать в шко́лу да де́вушки то в девятой клас нать, *дак* к осени и уведу́т (Шт); он пришёл, мы да́ли ему́ стака́н, он проли́л вино́-то на скаме́йку, а на скаме́йке то лежби́нка то была́, *дак* он выли́л со скаме́йки вино́ ф стака́н да и выпил, не брезгливой был, не грёбался (Шт); оно́ очень ро́тко, мно́го растёт, я вот тут то кошу́ то навывде́ргываю то набросаю *дык* *ы* на то́т гот растёт (Шт); тепе́рь не война́ то *дак* хорошо́, ф колхо́зе ро́бить ума́ не нать, проспий — разбу́дя, не зна́ш — поро́биш нау́чисса (Мх); ф по́дгребе то деревя́нный стру́п вот как стена́, тут по́лу то не́ту *тэк* на зе́млю карто́шку сы́плем, я карто́шки то отдава́ю, Витьки то накла́ла две корзи́ны *дак* *ы* дроф привёс, сей гот ко́льки то тут корзи́ны дала́ *дак* то́же дроф привёс (Шт); семья́ то больша́ была́ *дак* я мно́го стира́ла (Кб); и ево́ опе́ть хоро́ша [одежда] есь, держу́, наря́дна невеста то, мо́жно и пожэ́нница, сусе́ду то во́семсят шэсто́й *дак* мо́жно пожэ́нница (Шт); он медве́дя небольшо́го пла́вил ... он да́л ему́ молока́ то кисло́го *дак* он вёсело загляде́л (Пд); я де́фкой то сама́ лови́ла ры́бу, не́вот был у на́с, се́ти бы́ли, на сере́тки то ма́тица называ́ицца, у́ска така́, мы края́ то те́нем, *дык* рыба́ фся убежы́т в ма́тицу (Тф); ле́то то до́ма живу́т *дак* не продава́ют овец, а зимой́ то и продаю́т как уежжа́ют хто по города́м то (Тф); ты утю́жить то хоте́ла *дак* на́, утю́ш (Вт).

г) Постпозитивный элемент участвует в выражении уступительных отношений при бессоюзно-коррелятивном подчинении:

хле́ба то да фсе́го то наташи́ли тому́ медве́дю *дак* не притро́нулса (Пд); фчерась то под до́ш то попа́ли *дак* не просты́гли говорит (Шт); избу́ моем бывало́ богача́м то *дык* они́ не насы́пят песо́чку в я́годы (Шт); ра́д бы ко́го созва́ть то покоси́ть *дак* веть наро́ду ма́ло (Шт); дояркой то хорошо́ то зараба́тывают *дак* веть не хотя́т де́вушки: тяжело́ рука́м (Шт); карто́шка то есь *дак* веть то́же не хочу́ (Тф).

д) Постпозитивный элемент участвует в выражении целевых отношений при бессоюзно-коррелятивном подчинении:

ф спáльни то спáли то где, д́вери *ти* покра́сить *дак* белил нать 'ф Ка́рповой не́ту (Шт); у не́вода то ма́тица есь называ́ецца, така́ шыро́ка, сперва́ *ти* заходи́ть то ры́бы *ти* *дак* тут таки́ се́ти есь зде́ланы, прите́нем г бе́регу (Шт); се́мушку то доро́жить *дак* веть и ло́тка у их есь и фсе́ у их приспособле́но (Уст).

е) Постпозитивный элемент участвует в выражении обстоятельных отношений места при бессоюзно-коррелятивном подчинении:

вот один клуп то *дык* та́м живу́т, по бере́гу то итт́и, я ходи́ла то *дак* там кака́я опóблзина (Шт), хоро́шо кла́дби́ше, есь огратки хоро́шы, надо́ по горки итт́и, где цэ́ркви то *дак* у самых у цэ́рквэй нать итт́и, на гору́ то подыме́сса *дак* тут *ы* есь кла́дби́ше (Шт); у меня́ оте́ц от родно́й у моги́лы то *дак* вы́ше меня́

малёник то растёт (Пд); ёто ф саду то Екатерина то велика дак оны ходили смотрели там (Шт).

ж) Постпозитивный элемент способствует такому раскрытию признака предмета, какое характерно для придаточного определительного:

ф Покшэньги у меня племёник то дрался то ж жёнкой, дак ф Покшэньги и живут (Ш1); вот шли то мы, жонка то окошко то открывала, верхне то, дак вот я брана ф той дом (Шт); мужык, с прялками то шол на ёжугу, высокой то, дак не с вазэй ли компаний? (Вт).

з) Постпозитивный элемент способствует (при бессоюзно-коррелятивном подчинении) выражению синтаксических отношений, характерных для различных типов придаточных изъяснительных:

вертолёты ти в деревню седяцца дак видим (Шт); с Лёнин то града приедут утром ф Шотову Гору, дак вечером фсе знают (Шт); а девушка то была четырнадцать лет дак та померла (Шт); а тут вот крест в лесу то был дак кто то спехнул его, во тут то спехнули дак робятйшки спехнули (Шт); вот вы коня то давали Авдотьи то Васильевны дак она ей мать (П); жонка то-же поторопилась; кувырнули самовар, девушка то тут сидела дак фся кожа цисто съехана, так ш чулками то по кожэ так ы съехали, ничегó, поправилась (Шт); ёто у меня стрелки то жили хохлы то, перед войной то, дак оны ёту траву брали варили (Тф).

и) Постпозитивный элемент способствует скреплению таких частей бессоюзно-коррелятивного сложного целого, между которыми подчинительная связь либо совсем отсутствует, либо очень ослаблена (чаще всего в таких случаях наблюдаются отношения присоединительного характера):

мы паспорт меняли в Архангельском то [в Архангельске] дак там в архиве фсе сказано, отец, мать кто (Шт); у свекровы то большой то дом отвидели? рядом стоит, дак свекрова фсе ходила просила просила кусочки ти, приде христа ради подай, подай, хлеба то у ей не было (Шт); у сестры то две девушки было дак сестра купила у нас повяску ту серебряну, янтарй носили, перлышки, клинтарй (Шт); за ручём дёфка то есь глуха то дак он у ей жыл, а после незамок да номер, толстой мужык, большой, хорóшой (Шт); как жали, нарбду то людно назовут дак тут вино да тут и за пазуху накладыт, белы ломти да гостинцы фсеки (Шт); у ей сын был ф солдатах, на флоте то, учылся то, дак он доложон тепера быть, я фсе жду (Шт); вино то выпили двоём то поллитру дак со своим вином и там верно празнуют; ломающца фсе што-то моторы, ётот парень ёздит то молоко вóзит дак у его не ломаецца, он своё молоко вóзит (Шт); а у Настасьи то Ефимовны были дак во крепка старуха (Шт); Мйшки то на гот был сýt то дан дак вót концé доложон он выйти в ыюне (Вт); старого то писания книги фсе списывают дак она вона скоко нано-

сила (Тф); тогда *то* не носили порато *то* сарафаноф *то*, дак ф синяках на работу ходили (Уст); а другая *то* старуха Дементовна *то* пошла по ягоды дак нигде не нашли, веть корзинки *то* не нашли ейной (Кб); вот я помню в Верколы Артемия праведного убило *то* дак часовню поставили (Кб).

Соотносительность элементов, аналогичную описанной выше, легко усмотреть в весьма раопроstrаненных на севере конструкциях с «закрывающим» *дак*:

я грибоф наварю, вот этот *то* чугун наварим дак (Шт); это мальчишки пошли на реку, там хорошо, я два раза сей гот ходила, песочек, любо, жгет песком, я два дни ходила, а теперь *то* со свадьбы *то* Тониной не привелось *дык* (Шт); часов в деветь ушли, долго веть сидели дорогой *то* шли *дык* (Шт); тогда *то* много детей было, больниц *то* не было дак (Шт); на скотном нынче чисто с молоком, обихот от хорошей и доя фсе через марлю и коровы здоровы, мяжки, хорошы, кормя хорошо, сена *то* етаки зароды дак (Шт); комнатка маленька ека, много нать дроф *то*, ночь *то* больша дак (Шт); дочку верно переводя в Архангельск, а што веть етакой дом от, да не хотя жить здесь, веть што с има здесь буде, веть стары *то* будут дак (Шт); вода *то* больша была, они поехали, оптекла лотка, заплавали, ей жэрть подали, и вытянули, други *то* ближэ г берегу выпали дак, а она *то* в другом конце лотки была дак (Шт); своё *то* мы спрелем да ладом *то* измолотим *дык* (Шт); раньше *то* я не уставала, а теперь *то* к семдесяти подвигаюсь дак (Шт); тюлень сей гот за ней [сёмгой] пригонилса, не знаю большой или маленькой, видели *то* *дык* (Вт); дом *то* разрыли тут *то* старуха померла дак (Вт); кукурузовый кисель скусной, много сахара *то* положили дак (Уст); сестра *то* как стала его садить сапогом дак (Кб).

Скрепляющая модель «постпозитивный элемент — коррелят», столь характерная для синтаксиса сложного предложения пинежских говоров, оказывается вместе с тем весьма заметным явлением при построении простого предложения. Подобно тому, как элемент *то* со значением, близким к союзному, организует придаточное предложение, противопоставляя его последующему главному, вводимому коррелятом *дак*, точно так же в простом предложении элемент *дак*, предпосылаемый члену предложения, требующему особого выделения, оказывается соотносительным с постпозитивным элементом (одним или более) в предшествующей ему части предложения. Последний акцентирует слова второстепенной значимости, тем самым как бы оттеняя и усиливая последующее выделение препозитивным *дак* наиболее важного для говорящего слова или словосочетания:

а та я большая *то* офца, сестра *то* барану ту *дык* не обгулялась (Шт); мать *то* зарезали *то* котору *дык* троих родила (Шт); а черница *то* дак та уж завязалас, она говорят бела, ей не убило, не опсэкло (Шт); через рып *то* завод дак долго итти нать

(Шт); нынче я корзінку *то* накопāju *дак* *ы* лёккó, рас, рас *ы* цэла (Шт); пирогоф *то* ётих *дак* мно́го-мно́го (Шт); котанка куды-то дэ́лся, бес своегó *то* ко́шки *дак* *ы* крЫсы шэ́рсты́т; они как з дэ́фкой *то* сперва́ е́дут *дак* ф цэ́ркофь (Шт); уш на́ть носить [сено] да си́лу свою́ клáсь, мнэ́ *то* уш ста́рой *дык* *ы* не наноси́ть (Шт); у на́с *то* тогдá *то* экспеди́цыя *то* мужы́кы *то* *дак* трі́ месяца жы́ли (Шт); я ви́дела, сёмушку *то*, мужы́к *то*, Серге́й *то*, заве́рцено *то* ф пла́щ, *дак* е́два прёт (Шт); у меня́ *то* *дак* ни одногó сы́на нет, фсе́ на войнэ́ погилби (Шт); свэ́рху *то* *дак* большынсво́ жэ́ншын на парóмах *то* пла́вали (Мх); дефцóночка *то* здесь при-ё́хала *дак* днём (Тф); он вот с ё́того *то* уда́ра *дак* трóнулся (Тф); на́ша коро́ва *то* така́ краси́ва была́, фортóва, боева́, голо́ва́ цо́рна была́, бодалась, на незнако́мого *то* *дак* *ы* кінецца (Вт).

Поскольку коррелят при бессоюзном подчинении является в пинежских говорах хотя и предпочтительным, но не абсолютно обязательным, и может быть заменен определенным интонационным рисунком «постпозитивного» словесного комплекса, то модель «*то* — коррелят» может иметь и «скрытую» форму: «*то* — интонация главного предложения».

Естественно, что функцию элемента *дак* и в простом предложении может выполнять интонация, логически выделяющая, подобно *дак*, тот или иной член предложения в конце фразы, противопоставляя тем самым этот последний всему предшествующему отрезку предложения. Роль элемента *то* в таком отрезке ничем по сути дела не отличается от той, какую мы только что наблюдали.

Поэтому не следует видеть отклонений от общей нормы в употреблении постпозитивной частицы в предложениях, приведенных нами выше в качестве примеров странной гипертрофии явления («*А сусетка то, Парамоновна то ягоды то красные то пихтерем носит*» и под.). Ясно, что *то* здесь выполняют роль тех же «опорных точек» в части предложения, предшествующей в данном случае дополнению *пихтерем*, логическое выделение которого является целью говорящего.

Очевидно, термин «выделительная частица», применительно к постпозитивному элементу в построении «*то ... то ... дак*» (или «*то ... то ...* интонационная замена коррелята»), не вполне оправдывает себя, так как постпозитивный элемент, подчеркивая в этих случаях *то* или иное слово, лишь предваряет выделение коррелятом наиболее нужного слова или словосочетания (в простом предложении) или предложения (в сложном целом), подготавливает для этого почву в предшествующем контексте, как бы создавая в нем своеобразный противовес подлинному выделителю — корреляту.

Модели «*то — дак*» в сложном и простом предложениях следует, по-видимому, расценивать как явления одного порядка и как результаты одного процесса развития.

Подведем итоги наблюдений.

1. Беглые замечания о случаях употребления в северновеликорусских говорах постпозитивной частицы в функции, близкой к союзной, уже имелись в лингвистической литературе.⁷ Однако данное явление не квалифицировалось как сколько-нибудь значительное. Внимание обращалось лишь на относительно редкие, но легко уловимые случаи употребления элемента *то* в указанной роли в бескоррелятивных построениях (*Свёкор, умер-то, знаткóй был*).⁸ Типическим между тем является другое, а именно — участие частицы *то* в гипотактических и иных построениях как элемента, противостоящего последующему корреляту (или его интонационной замене) и соотносительного с ним.

2. Описанная в статье функция постпозитивного элемента, проявляющаяся главным образом в комбинации «*то... дак*», не является еще, конечно, в обследованных говорах его основной функцией, ибо постпозитивный элемент гораздо чаще встречается вне данного соотношения, равно как и вне других комбинаций, где он близок союзу.⁹ Все сказанное А. Б. Шапиро, В. И. Кодуховым, В. И. Собиинниковой и другими исследователями о постпозитивном элементе как выделительной частице представляется правильным и подтверждается нашими материалами. Его роль как «связующего средства» можно рассматривать на данном этапе только как дополнительную, но вместе с тем как весьма важную функцию, которая, по-видимому, прогрессирует, исходит из прежней и опирается на нее.

3. Не случайно поэтому, что оба значения, и выделительное и гипотактическое, в большинстве случаев совмещаются (почему, собственно, мы и воздерживаемся характеризовать постпозитивное *то* как союз). При этом чрезвычайно затруднительно искать грань между чисто союзной и «совмещенной» функциями постпозитивного элемента, поскольку первая *то* в малой, *то* в значительной мере осложняется обычно значением выделения.

4. Элемент *то*, участвующий в организации сложного целого, и элемент *то* внутри простого предложения (*Иван-то дак знает*) представляют собой явления одного порядка. Реальность соотношения «постпозитивный элемент — коррелят» в простом предложении более очевидна. И это служит одним из косвенных свидетельств реальности того же соотношения в сложных целых.

5. Развитие в русских народных говорах бессоюзно-коррелятивного гипотаксиса и междialeктное утверждение элемента *так* (чаще *дак*) в роли почти универсального коррелята способство-

---

⁷ В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Известия ОРЯС», т. 19, кн. 4, Пг., 1915, стр. 168—169; Его же. Заметки о говоре Никольского уезда. Там же, стр. 216.

⁸ В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда, стр. 168.

⁹ Заметим, что и частица *дак* не менее часто употребляется в тех же говорах вне рассмотренного синтаксического стереотипа.

вало эволюции постпозитивной выделительной частицы *то* в элемент, близкий к союзу, ибо рождение материальных «опорных точек» в препозитивных корреляту словесных комплексах нельзя не расценить как процесс закономерный и целесообразный (естественна потребность соотносительной частицы чему-то противопоставляться).

6. Северновеликорусские и в частности пинежские говоры не являются в этом отношении изолированными. Описанный синтаксический стереотип «постпозитивный элемент — коррелят» получил, по-видимому, развитие не только на русском Севере, но также в ряде говоров средней и южной полосы. Однако именно в северных говорах наблюдается интенсивное использование постпозитивной частицы в указанной функции, что можно, как нам кажется, объяснить удержанием старого материала (если нельзя согласиться с существованием в северновеликорусских говорах артикля, то имевшую место в определенный период тенденцию в развитии местоименных форм именно в данном направлении отрицать трудно; этим, в частности, и можно объяснить большую частотность постпозитивного элемента в данных говорах).

7. Пережиточные явления, свидетельствующие о местоименном происхождении постпозитивной частицы («согласование» ее с именем и как вторичный процесс — «гармонизация» по окончанию), не являются в настоящее время значимыми моментами в диалектных синтаксических системах русского Севера. Наблюдаемая в этом отношении пестрота — лишь отражение неравномерности процесса освобождения таких систем от традиционных, утративших уже коммуникативное значение элементов. Факты свидетельствуют о функциональном единстве в современных русских говорах так называемых согласуемых, гармонизирующих и обычных не согласуемых, нейтральных постпозитивных частиц. И в этом вряд ли следует усматривать противоречие тому, что в некоторых северных говорах «согласуемость» как будто еще осознается. Такое «осознавание», даже если оно еще не совсем утрачено, не препятствует осуществлению основных функций постпозитивного элемента.

Не противоречит нашим выводам и хорошо известная причастность постпозитивного элемента к акцентологическим закономерностям.

Ю. Ф. ДЕНИСЕНКО

ШЕПЕЛЯВЫЕ СВИСТЯЩИЕ В ПЕЧОРСКИХ ГОВОРАХ

К изучению русских говоров на Печоре, сохранивших в языковом окружении коми значительную архаику, приступили относительно недавно. Одна из интересных фонетических особенностей этих говоров — наличие шепелявых свистящих.

Данное явление отмечено нами во время диалектологической экспедиции ЛГУ в июле 1963 г. в верховьях и среднем течении Цильмы, притока Печоры, в деревнях Номбур и Филиппово Цилемского сельсовета Ижмо-Цилемского района Коми АССР.

Фонетика говора села Трусово (в низовьях Цильмы) описана Д. Т. Лисенковой;¹ в Межкафедральном словарном кабинете филологического факультета ЛГУ хранятся записи из Трусово и расположенной вблизи него деревни Рочево экспедиций 1951, 1961, 1963, 1965—1967 годов. Объем записей из всех цилемских деревень неодинаков, наибольший — из Трусово, наименьший — из Рочево, но везде зафиксированы те или другие проявления изучаемой фонетической особенности. Обобщая все известные факты, мы можем говорить о цилемских говорах русских поселений в районе Печоры с полным охватом населенных пунктов.

Богатые материалы Д. Т. Лисенковой позволили проследить все возможные положения изучаемых свистящих согласных с шепелявым призвуком в говоре одного населенного пункта; сравнение этих фактов с записями из цилемских и других русских деревень Ижмо-Цилемского района показывает, что интересующее нас явление распространено на территории всех русских поселений на Печоре. О нем поэтому следует говорить как

---

¹ См.: Д. Т. Лисенкова. Консонантизм в говоре села Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР. Сыктывкар, 1964.

о свойственном всем русским народным говорам в районе Печоры, а не только цилемским.

В работе Д. Т. Лисенковой шепелявость мягких *з* и *с* рассматривается в ряду других консонантных явлений трусовского говора и детально не анализируется, хотя эта архаическая диалектная черта заслуживает внимания и пристального изучения. Мы остановимся на классификации Д. Т. Лисенковой, так как ею намечаются некоторые существенные признаки этого явления.

Д. Т. Лисенкова выделяет три позиции, в которых мягкие зубные *з* и *с* произносятся с усиленной палатализацией, приводящей к образованию дополнительного шепелявого призвука: 1) перед гласными *е, и, а, о, у*; 2) перед мягкими согласными; 3) в конце слова.² В последующем изложении других явлений консонантизма в говоре села Трусово последние два положения классификации дегализируются следующим образом: второй пункт — а) перед *ј*: *кос''јо, н'е с''јис'* (стр. 44, 16); б) при упрощении групп согласных типа *tt'je > t't'e > c''c''e (o)*: *шчас''-с''о* (35); в) при ассимиляции зубных согласных по мягкости перед зубными и губными: *бас''т'э* (40); третий пункт — при упрощении группы согласных *c'm' > c''*: *шэрс''* (33). В некоторых разрозненных замечаниях автора относительно различных консонантных явлений трусовского говора намечается четвертый, существенный для нас пункт, в дополнение к трем уже выделенным — *з''* и *с''* встречаются перед твердыми согласными: а) при упрощении группы согласных *ство > с''во*: *б'еспокојс''во* (40); б) в суффиксе *-ськ-* (из *-ьск-*) $>$ *с''к*: *стар'ер' с''ка* (41).

Приведенная классификация, как мы убедились, неполна, кроме того она фонетически нечетка (объединены, например, позиции перед гласными переднего и непереднего ряда, тогда как перед гласными первого типа согласные, кроме шипящих, всегда мягки; гласные же непереднего ряда свидетельствуют о мягкости только исконно мягких согласных), исторически бесперспективна (не разграничиваются ранние явления шепелявости от поздних). На сложность явления шепелявых свистящих диалектологи и историки языка указывали неоднократно (например, А. И. Соболевский, А. М. Селищев, В. Мансикка и другие).

В настоящей статье мы предприняли попытку детально рассмотреть шепелявость свистящих и связанные с нею процессы, определить характерные черты ее в печорских говорах и по возможности установить хронологию наблюдаемого явления.

Основанием классификации материала избран признак мягкости (исконной или позиционно обусловленной) — твердости

---

² Там же. стр. 1. В дальнейшем при цитировании примеров из работы Д. Т. Лисенковой указывается в скобках страница ее исследования.

шепелявых свистящих. Материал располагается следующим образом.³

И. Исконная (не обусловленная позицией) мягкость с' и з'.

А. Перед гласными переднего ряда *e, и*:

а) с'эр'ц'о (45), от с'эр'гоф (42), с'эно (33), с'эл'и (44), с'ем (15), вс'ех (50), ран'е с'ех (12), в'ес'эл'ю (36), сус'эды (16); вып'ифка з'ет', с собо́ј з'ет' (12), вз'эл'и (12), хоз'э́јка (32); пого́да н'е с'ыл'на (41), вс'и (12), пос'йтк'и (16), нос'ыл (38); з'ымус'' (16), на з'иму (50), груз'ыл'и (16); с'емо́го ц'исла (28), к с'еб'э (31), с'ел'по́фс'ка (32), на с'ер'отк'и (44), с'ело́ (33), с'ему́ н'ед'елу (33), в с'ел'п'и́ (40), к с'ем'ји́ (40), с'емнац'ц'ет' годо́ф (49), с'емо́ј (49), с'ем'и́ (50), вс'его́ было (28), м'ес'ец'э́ј (49), в'ес'ел'э́ б'уд'от (33); з'емл'ана (40), в з'емл'и́ (16); з'ел'она́ (16), ја з'ел'а́ (взяла, 12); пос'ид'ела́ (32), со вс'има (16), с'ец'ина́ (12); д'эс'ет' (33), н'е п'эс'ел'ни́ца (39), о́с'ен' (11), во́с'ем (15); о́з'еро (11), у́з'ен'ка (11); бр'ос'ил (37); оммор'оз'ил (34);

б) с'ел'а́цца (Тр), с'ем (Р), с'эры́ п'етушк'и́ (Ф), с'эно, с'э́году, с'э́ру, фс'ех, в воскр'ес'э́н'је, гус'э́ј, ос'эс' мо́жот, јерс'э́ј, Окс'э́н'ја; луз'э́ц (Тр); с'и́н'а гн'ила, ис' с'и́щу (Тр), с'и́н'и, с'и́зыј (Ф); с'еду́ч'иј, зафс'эгда; по з'емл'э́ (Тр); з'и-мој (Тр); с'егол'э́тк'и, с с'ен'та́бр'а (Тр); м'эс'ец'ны́ (Тр); збр'ос'ило. но́с'им (Тр), крас'им (Нб);

в) с'эло́ сбнц'о (Зм), с'эр'ц'э́ (У-Ц), с'ем', с'э́дн'а, с'э́јал'и, с'э́д'ем (К), с'э́но. с'э́ном (Зм), с'е́ п'ыл'и (У-Ц), сус'э́ды (К), зас'э́к'и (У-Ц); з'эл'эно (У-Ц), луз'э́ц'' (У-Ц); ф с'и́лах он (У-Ц), с'ыл'на, с'и́лоспу јаму (Х), бус'и́т дож, пос'и́тк'и, к'ерос'и́нц'у, кос'и́л'и, с'енокос'и́лка (У-Ц), нос'и́л'и (К); с'ел'э́ток, п'ер'ес'ел'э́нц'и (К), с'эстр'э́н'иц'а́ (Х), зас'эгда (У-Ц), ос'ен'э́с' (Зм), пс'ец'э́ј (Т); с'ид'ат (Х), с'ид'эл'и (К); з'имо́ј (У-Ц); с'ец'ину́, фс'ец'инна́ (М); во́с'ем, о́с'ек (К), сц'и́с'эно (Зм); пор'оз'ен (У-Ц); но́с'им (Х).

Б. Перед гласными непереднего ряда *a, o, y*:

а) вс'а́ко (12), с'а́ко (16), с'а́ поц'ерн'э́ла (11); вз'ал (40); фс'о-так' и (50), с'о с'ид'и́т (12), с'о́н'н'и (44); наз'о́м (16); с'у н'е с'и́с'' (16); жон'и́лс'а (50), осталс'а (49), заблуд'и́лс'а (40), соб'ер'э́мс'а (16); ослобо́жајемс'а (39);

б) с'ак'и́ прод'укты, п'ад'д'ес'ат (Тр); фс'о, с пр'ас'о́л (Тр); фс'у (Тр); волоку́тс'а, но́с'ат (Тр);

в) с'ако́ј, з'ал (СЩ); с'о, с'о́году (М), с'о вр'э́м'а (З), с'о ро́бл'у (К), фс'о (Н-М); с'у го́лову (Ус), с'у (У-Ц); но́с'ат (Т), зафс'о (У-Ц); вы́кос'ат (У-Ц).

³ Фактический материал дан в такой последовательности: а) из д. Трусово по записям Д. Т. Лисенковой; б) из цилемских деревень по материалам экспедиций ЛГУ; в) из деревень, расположенных по Печоре, Пижме, Нерице, по материалам экспедиций ЛГУ. Если перечисляется несколько примеров из одного населенного пункта, указание на деревню помещено после последнего слова.

В. Перед твердыми согласными:

а) п'ис'мб (40), Вас'ка (40);

б) Куз'ма (Тр).

Г. На конце слова:

а) лос'', бојус'' (16); з'ймус'' (16), осталос'' (49), в'енц'эл'ис'' (40), ослобод'йлас'' (39), погон'йлас'' (32), уц'йлас'' (28);

б) з'д'ес'' (Тр, Р);

в) зд'ес'' (Х, К), показалоc'' (3), розбокул'илас'' (К).

II. Перед *j* (позиционная мягкость):

а) у Он'йс''ји (36), Парас''ја, волос''јо (36), кос''јо (44), н'е с''јис'' (16);

б) кос''јо (Тр);

в) к'ибас''ја (К), с''јел (П).

Иногда при утрате *j* происходит удвоение предыдущего шепелявого свистящего (это уже вторичное явление): св'аз''з''у, к'ибас''с''а (Тр).

При упрощении групп согласных *стj*, *здj* шепелявый свистящий также оказывается перед *j*: ўс''јо (16), гос''ја (45), захолус''јо (40), отв'ерс''је (СЩ); гв'оз''јо (40); иногда *j* утрачивается и происходит удвоение предшествующего согласного: шчас''с''о (35), п'ерс''с''о (36), гв'оз''з''о (36).

III. Позиционно обусловленная мягкость (перед мягкими согласными).

А. Перед зубными: 1) *н'*, *л'*:

а) загр'ез'н'йлас'' (40), загр'ез'н'йл'и (16), пост'ес'н'йелас'' (16), с'н'йэл'и (40), жыз'н'ни (16), п'ес'н'ни (19), ров'ес'н'ниц''и (24), поанг'ер'ес'н'не (33), зам'ерз'н'нот (15); пос'л'ен'н'о д'ело (33), с'л'ет (28), ув'ез'л'й (16), пр'ив'ез'л'й (50), ом'м'ерз'л'и (42), в'ырос'л'и (50), нац'йс'л'ил'и (23), зан'ес'л'й (16);

б) с колос'н'никам'и, камас'н'ницы (Тр), с'н'ега-то (Ф), праз'н'ниц''ны (Тр); јес'л'и (Тр), н'е из'л'ётывај из бан'и (Ф), на с'л'йфк'е (Нб);

в) куз'н'ница, ф куз'н'ниц''у (У-Ц), п'ес'н'ни (Х), з гас'н'ником, с'н'ага (К); с'л'ёц''а (Вр, СЩ, М, У-Ц), с'л'ёц''ка (У-Ц);

2) перед *д'*, *т'*, *ц'*, *с'*:

а) роз'д'ел'йлис'' (16), з' д'ет'ём'и (40); зан'ес'т'й (15), гр'ес'т'й (28), нас'т'йгл'и (15), пос'т'ес'н'йелас'' (16), бас'т'ё (16), погчас'т'йло (18), с'т'йрывала (19), гос'т'и (20), с'т'ер'ег'от (41), С'т'епан-от (44), шэс'т'й (49), в'ырос'т'ила (50), вм'ес'т'эх (50);

б) з'д'ес'' (Тр), с'д'ес'' (Р); вм'ес'т'е, по с'пелос'т'и, с'т'ак, ис шэрс'т'анк'и, с'т'егат, б'ез зас'т'обшк'и (Тр), на с'т'ебл'у, рос'т'обл (Ф), с'т'ен', нас'т'ёл'ет, за кос'т'обром (Нб); с'ц'уха (Нб); ис' с'йцу (Тр);

в) ц'ас'т'и, пос'г'ёл', кос'т'обр, вмес'т'ах, рос'т'обт, јес'т' (Х), кос'т'ер'ит' (М), на м'ес'т'е; зас'т'ег'ивајут (К), кос'т'обр, па-с'т'и (Н); з'д'елаш (У-Ц).

Б. Перед билабиальными: 1) *м'*:

а) с''м'ел'áшча (40);

б) с''м'елос' (Ф), с''м'ирно́] (Нб);

в) н'е с''м'е́с'а (У-Ц);

2) *б', н'*:

а) па́з''б'ишчо (45), з''б'е́гаш (40); с''п'и́ц'ок (16), с''п'ирт'и-
н'о́к (16), ис''п'ек'о́ш (41), ис''п'ек'е́ц'и'а (40);

б) с''п'ен'к'и́, ис''п'и́, пос''п'елос''т'и, пос''п'е́т, н'ес''п'е́лых,
нос''п'еват (Тр), с''п'ен'к'и́, с''п'ен'кам'и (Нб);

в) с''п'ен'к'и́ (Чк), во́с''п'и́ц'у (У-Ц), с''п'е́ц''и́ал'ны́] (К).

В. Перед губно-зубным *в'*:

а) из''в'ешч'е́н'н'о (16);

б) с''в'е́кро́ва, из''в'ел'и́, с''в'аз''з'у (Тр), с''в'е́жну́ (Нб);

в) з''в'ер'ю́ (У-Ц), с''в'ерх (К), с''в'е́ту (Х), з''в'ер'я́ (Ч).

Г. Перед заднеязычным *к'*:

ба́с''к'и, н'и́с''к'и (Тр)⁴.

К третьей группе относятся разные случаи упрощения групп согласных, где *с''*, *з''* в положении перед согласными или на конце слова генетически прошли через этап позиционного смягчения.

1) *ст' > с'т' > с''* на конце слова или перед последующим мягким согласным:

а) с''и́с'' (16), и́с'' (33), гр'ес'' (44), шерс'' (33), со́в'ес'' (16), шес'' (19), до́машнос'' (18), жа́лос'', во́лос'', сла́бос'', глупос'', сто́имос'', до́говор'о́нос'', б'ер'е́м'енос'' (33), Ус''ц'и́л'ма (50);

б) ду́рос'', и́с'' (Тр);

в) и́с'' (Зм), и́с'' (Х), в Ус''ц'и́л'му, с Ус''ц'и́л'мы (К);

2) *стн' > с''н'*: п'е́рс''н'и (45);

здн' > з''н': п'раз''н'ик (45);

3) *стл' > с''л'*: шча́с''л'ива (19); па́кос''л'ивы с''в'и́н'и (Тр);

4) *ств' > с''в'*: л'и́с''в'ен'и́ца (41);

5) *дств' > с''в'*: ро́с''в'ен'ик (45).

Как видим, здесь те же позиционные отношения, какие были рассмотрены выше в третьей группе: *с''* и *з''* находились перед мягкими зубными *т'*, *д'* и вследствие утраты последних в различных сочетаниях согласных остаются либо на конце слова, либо перед мягкими зубными *н'*, *л'*, либо перед губно-зубным *в'* — всё это фонетически поддерживает их новую позицию.

Итак, в большинстве перечисленных случаев мягкость шепелявых свистящих поддерживается фонетическими условиями: 1) для исконно мягких — сочетанием *с''*, *з''* + гласный переднего ряда; конечным положением *с''*, *з''*; 2) для позиционно мягких — сочетанием *с* *;*; 3) сочетанием зубных *с''*, *з''* с последующими

⁴ Ср. ниже суффикс *-с''к-*, звук *к* которого может быть и твердым.

мягкими билабиальными, губно-зубными и зубными, т. е. близкими с с'' и з'' по месту образования.

IV. Довольно велико число примеров с шепелявыми свистящими в позиции неисконно мягкого их состояния и необусловленными мягкостью последующих согласных или соответствующих гласных.

А. Перед гласными непереднего ряда *a, o, y, ы*: с''опл'и (Тр); с''ам'ец'' (Тр), з''аб'ыт' (СЩ), с''ус'еды (К), наз''ыва'ют (Тр); на с''арафан'е, с''оши'нка-то два (Тр); м'ас''о, на м'ас''о, коз''ам (Тр); от к'йбас''а, камас''ы (Тр).

Б. Перед зубным *т*: горнос''тај (Тр), с''ес''тр'ен'иц''а (X), вм'ес''то, из б'ер'ес''ты, б'ер'ес''та (Тр).

В. Перед билабиальными *б, п*: з''брóc''ило, две' из''бы (Тр), с''пуска'ют (X).

Г. На конце слова:
у нас'', к'йбас'' (Тр).

Д. Перед заднеязычным *к*:
бас''кој, тос''кл'иво (Тр).

Выделяются все те же условия, что и при позиционной или исконной мягкости. У Д. Т. Лисенковой подобных примеров нет. Каждому из приведенных слов в картотеке Печорского областного словаря (ЛГУ) можно противопоставить десятки записей с твердыми свистящими: к'йбаса, сарафан, сус'еды и т. д.

Интересны также случаи непозиционной и неисконной «мягкости» шепелявого *с* в суффиксах *ство > с''во, ск > с''к*: б'еспокóјс''во, богас''во (41), стро'ит'ел'с''во (45), д'ежурс''во (41), нац''ал'с''во (45) лéкарс''во (42), елэхтр'ич'с''во (39); с''ел'пóфс''ка столова (32), старов'ерс''ка (42), оц''ц'óфс''кој дом (41), на монастырс''ко (41), б'елорус''ка жéншчына (41), м'ирс''ка (42). Некоторые формы парадигмы этих слов имеют позиционное смягчение с''. В силу своей малочисленности и меньшей частотности эти формы, по-видимому, не могли послужить основанием для образования по аналогии с ними форм с необусловленной позиционной мягкостью с'' и з'': в óпшес''в'и (19), о рожэс''в'й (45), с'ел'пóвс''к'и чл'ены (23), на окт'áпс''к'и (праздники — 41), м'иколајевс''к'и (41).

Мягкость или твердость шепелявых свистящих представлена во всех примерах IV группы? К какому периоду относится данное явление?

Ответить на поставленные вопросы помогают в значительной степени случаи мены *ш* и *с*, *ж* и *з*. Наряду с громадным количеством примеров с исконно и позиционно мягкими шепелявыми свистящими, наблюдается также мена *ш'* и *с'*, *ж'* и *з'*, что свидетельствует о неустойчивости рассматриваемого явления, о его разложении и одновременно о близости указан-

ных мягких свистящих и шипящих: ш'п'ей'к'и (Нб, Ф, У-Ц, С, Зм, Г, З) — с'п'ен'к'й (Нб, Ф); ш'п'йц'к'и — с'п'йч'к'и (Нб, Ф); ш'л'егá (Нб, Н, М) — с'л'егá (Нб, Ф); ш'л'ака (Г, Н) — с'л'эц'а (Нб, Ф); вырож'н'иц'а (Ф) — выроз'н'иц'а (повсеместно); гáс'н'ик (СЩ) — гаш'н'ик (повсеместно); бруш'н'йца (Ф) — брус'н'йца (повсеместно). Везде мена с' > ш' или з' > ш', только в одном случае (гáс'н'ик) — обратная мена ш' > с'. Учитывая, что перед н' (как и перед л') звуки приобретают оттенок особой мягкости (как в слове гáс'н'ик), можно заключить, что обратной мены шипящих и свистящих на обследованной территории нет. Итак, в печорских говорах представлена только односторонняя мена мягких свистящих на мягкие шипящие. Причем оба фонетических варианта слова — с исконно мягким свистящим или с заменившим его мягким шипящим — встречаются в большинстве случаев в одном и том же населенном пункте, часто даже в речи одного и того же лица. Здесь нет никакой локализации вариантов.

В печорских говорах наблюдается также мена твердых шипящих и свистящих: в'óшны] (Г) — в'ёсны] (Г); шнур (Нб) — п'ют шнуровó (после завершения работ по покрытию крыши — Г); скуры (У-Ц) — шуры (повсеместно); залоза (желчный пузырь рыбы — Ф, СЩ, Г) — порóзны] (Ф); с'остóк (Зм) — соштóк (Г, Н, К, Зм, Тр, Нб); в станах (Ф) — шганы (повсеместно); ц'áска (Зм) — ч'ашка, ц'ашка (повсеместно).

Первые четыре пары слов известны древнерусскому языку и представлены в народных говорах⁵ (в том и другом фонетическом оформлении), поэтому они не могут быть приняты во внимание для определения особенностей изучаемого явления в печорских говорах, так как здесь отражены, по-видимому, лексикализация и определенная локализация каких-то древних фонетических изменений, возникших до появления русских на Печоре или унаследованных печорскими говорами из языка своих первых поселенцев, принесших с собой их из своих родных мест, либо сосуществование старых и новых основ.⁶ Остаются: с'остóк и ц'áска, станы. Нет пока никаких доказательств древности их образования или распространения в самих печорских говорах, в силу малочисленности они не могут служить достаточно надежным основанием для суждения о том, что здесь случаи обратной мены свистящих и шипящих.

Перед нами вырисовывается следующая система свистящих и шипящих в печорских говорах:

⁵ Судим на основании «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и областных словарей.

⁶ См., напр.: О. С. Жельская. О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками (слово «скорлупа»). Вестник ЛГУ, 1963, № 14.

старая система   новая система

ш'	. . . . .	ш
ж'	. . . . .	ж
з	. . . . .	з
с	. . . . .	с
з'	. . . . .	ж'
с'	. . . . .	ш'

Только в этой системе объяснимо смешение *с'* и *ш'* и переход *с' > ш'*, так как само *ш'* дало *ш*, как и смешение *з'* и *ж'*, а также *з' > ж'*.

А. И. Соболевский при изучении мены шипящих и свистящих опирался в основном на древнепсковские факты.⁷ Он отмечал большую близость мягких шипящих и свистящих до XIV в., что обусловило их взаимное замещение. С возникновением соотношенности *с — с'* и *з — з'*, где мягкость свистящих уже другого ряда, чем в первом случае, возникла спорадическая замена последних шипящими — это второй рубеж в возникновении шепелявых свистящих, хронологически он стал возможен после первого явления, но также до XIV в. Мена мягких *з'* и *ж'*, *с'* и *ш'* в печорских говорах произошла после отвердения шипящих (теоретически только после XIV в.), т. е. это по сравнению с псковским уже более позднее явление. В действительности же эта мена стала возможна, очевидно, после XIV в.⁸ Сравнение с шепелявыми свистящими северных русских говоров (архангельских, мурманских, Кировских)⁹ показало, что там другая система консонантизма и явление шепелявости свистящих другого происхождения — оно ближе к древнему псковскому, но со своими поздними особенностями.

Возможно и даже очень вероятно, что печорская шепелявость возникла на основе древнего смешения *з — з'/ж'* и *с — с'/ш'*, часть таких случаев, по-видимому, сохранилась,¹⁰ но она получила свое оригинальное развитие в период складывания пе-

⁷ См.: Очерки из истории русского языка, ч. I. Киев, 1884, стр. 149—150.

⁸ Это отмежевывает нас от сравнения печорских фактов с псковскими и генетически близкими с последними (о которых существует большая литература). Первые данные о русских поселенцах на Печоре относятся к середине XVI в. См.: Л. А. Ивашко. Лексика печорских говоров. Канд. дисс. Л., 1955, стр. 4—11.

⁹ См.: В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. «Известия ОРЯС», т. 17, кн. 2. СПб., 1912; Е. В. Матвеева. Заметки о говоре населения Каширской волости Вятской губернии. Труды Вятского пед. ин-та, т. III, вып. 2, 1928; Б. А. Ларин. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948, стр. 33—34; И. С. Меркурьев. Мурманский говор. Мурманск, 1962, стр. 60; В. В. Колесов. Цоканье и система консонантизма в пинежских говорах (рукопись). — Пользуемся случаем выразить благодарность автору за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью данной статьи, а также за неоднократные консультации и советы.

¹⁰ Для решения этого нет пока иного пути, как выделить пласт древней лексики с шепелявыми свистящими и проследить исторически ее фонетическое оформление в различных русских говорах. Но это — особая проблема, которой мы пока не касаемся.

чорских говоров, в условиях их большой замкнутости в комн окружении (в языке коми с" и з" — средние между мягкими свистящими и шипящими ¹¹); билингвизм только благоприятствовал развитию шепелявости свистящих, но не обусловил, не вызвал ее. Как мы видели, это собственно русское явление.

Твердость же шепелявых свистящих (IV группа) — позднего происхождения. Очень возможно, что это остатки старого их полумягкого произношения. Возникла эта особенность на основе современной консонантной системы печорских говоров, появление ее датируется не ранее конца XVI — начала XVII в.

---

¹¹ См. у Д. Т. Лисенковой, стр. 17.

Л. А. ИВАШКО

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ ПЕЧОРСКИХ ГОВОРОВ

Словарь русских народных говоров Низовой Печоры — одна из лексикографических работ, подготавливаемых в Межкафедральном словарном кабинете филологического факультета ЛГУ, основанном проф. Б. А. Лариным.

Печорские говоры принадлежат к севернорусским архангельского типа. Вследствие территориальной обособленности печорских деревень и затрудненной связи с другими областями говоры этих мест развивались в иноязычном окружении (постоянными соседями русских на Печоре были коми и ненцы) и сохранили многие архаические черты, представляющие большую ценность для истории русского языка.

Первые поселения русских на Низовой Печоре возникают в середине XVI в. На Печору приходят новгородцы, а за ними — выходцы с Мезени, Двины, Пинеги. В начале XVIII в. сюда стекаются преследуемые Петром I старообрядцы из Новгорода, Москвы и других мест. Одновременно с русскими на Печору приходят коми. Население крупнейших русских колоний в низовьях Печоры было смешанным, значительной части жителей здешних деревень свойственно двуязычие. Лексика печорских говоров представляет собою сложное явление: в ней много архаики, много слов общих севернорусским говорам в целом, имеются местные диалектные новообразования, а также заимствования из соседних языков и диалектов.

Картотека словаря печорских говоров состоит в основном из материалов диалектологических экспедиций. Первая экспедиция Ленинградского университета на Печору была организована в 1951 г. Руководил ею проф. Б. А. Ларин. Это не была специальная словарная экспедиция — ее участники собирали материал для диалектологического атласа русского языка. В 1961, 1962, 1963 и 1966 гг. проводятся словарные экспедиции ЛГУ на Печору. С 1962 г. в работе над словарем принимает участие кафедра русского языка Коми педагогического института.

Сбор материала производился путем сплошного обследования на территории Усть-Цилемского района Коми АССР — в с. Усть-Цильма и прилегающих к нему деревнях, в населенных пунктах по р. Печоре и ее притокам Пижме, Цильме и Нерице. Таким образом, наш словарь охватывает в основном русские говоры Усть-Цилемского района, но в картотеке имеются и отдельные записи из деревень, расположенных в устье р. Печоры на территории Ненецкого национального округа (с. Оксино, дер. Пустозерск и др.).

Кроме экспедиционных материалов, картотека печорского словаря пополнялась за счет выборки из различных печатных и рукописных источников XIX—XX вв. Так, в нее включены: рукописный словарь усть-цилемского говора О. В. Карабановой-Семеновой 1927 г.,¹ словарные материалы аспиранта ЛГПИ имени А. И. Герцена Б. Ярасова 1940 г.,² материалы для словаря 1951—1953 гг., приложенные к кандидатской диссертации о лексике печорских говоров Л. А. Ивашко, записи Д. Т. Лисенковой 1960—1965 гг. Произведена выборка диалектной лексики из опубликованных записей печорского фольклора (былины, сказки, записанные Н. Е. Ончуковым и др.), а также из некоторых статей и заметок о Печоре (В. Н. Латкин. Дневник путешествия на Печору. СПб., 1853; С. Максимов. Год на Севере, т. II (поездка по северным рекам). СПб., 1859; и др.). Из «Словаря архангельского областного наречия» А. Подвысоцкого извлечена лексика с пометой «запечор.» или с иными указаниями на распространение слова на Низовой Печоре.

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ. СЛОВНИК

§ 1. Словарь печорских говоров составляется как дифференциальный в широком смысле слова. В состав его включается прежде всего собственно диалектная лексика:

а) слова, корни которых отсутствуют в современном литературном языке: **утинок** 'кусочек чего-н.', **баской** 'красивый', **вахтовать** 'понимать', а также слова, образованные от корней, известных в литературном языке: **поскóтина**, 'пастбище', **подволока** 'чердак', **ядрёный** 'крепкий, сильный';

б) слова, отличающиеся от соответствующих им слов того же корня в литературном языке своими аффиксами: **óспица** 'болезнь оспа' **трудлйвый** 'трудолюбивый, усердный в работе', **одíново** 'однажды';

в) слова (знаменательные и служебные), совпадающие со словами литературного языка в своем оформлении, но имеющие другое значение: **свíстнуть** 'выбросить вон', **манíть** 'ждать, медлить', **мíмо** 'сразу, тотчас', **ряса** 'гроздь, кисть ягод', **даровой**

¹ Хранится в словарной картотеке Института русского языка АН СССР.

² Хранятся в Межкафедральном словарном кабинете ЛГУ.

ничем не занятый, свободный от работы', про 'для', прямя 'напротив (чего-н.)';

г) слова, представляющие собой лексикализовавшиеся фонетические диалектизмы: **одва́** 'едва, еле-еле', **мо́лонья** 'молния'.

§ 2. В словарь включаются также слова, отражающие некоторые характерные лексико-грамматические особенности печорских говоров, особенности слово- и формообразования: существительные с суффиксами субъективной оценки, не имеющие точных соответствий в литературном языке: **нали́мец**, **огóничёк**, **крае-чóк**; собирательные существительные с суффиксом -j(è)-: **костьё́** 'кости', **жердьё́** 'жерди'; глаголы с иной структурой основы: **жгать** 'жечь', **гонить** 'гнать', **пекчи́** 'печь'; широко распространенные на Печоре многократные глаголы: **попродáивать** 'продавать иногда, по временам', **задéивать** 'задевать'; употребляющиеся без дополнения глаголы на *ся* с уже почти выветрившимся косвенно-возвратным значением: **ши́ться** 'шить что-н.', **дои́ться** 'доить корову', **лови́ться** 'ловить рыбу'; и некоторые другие.

§ 3. В словарь помещаются слова, имеющие в толковых словарях литературного языка пометы «областное» и «просторечное», например, **бура́к** 'берестяной сосуд с крышкой', **скласть** 'сложить' и под. Для современного состояния языка просторечие — недостаточно изученная категория, поэтому важно проследить распространение таких слов на территории русского языка.

§ 4. Словарь должен по возможности полно показать лексику, связанную с бытом и хозяйственной жизнью населения, местными промыслами и ремеслами. Отграничение диалектной лексики от специальной терминологии представляет значительные трудности,³ а в рамках словаря небольшой территории и не столь необходимо. В словарь войдут наименования охотничьих и рыболовных снастей, названия частей старых сельскохозяйственных орудий, частей ткацкого станка, деталей построек, местные названия зверей, птиц, рыб и т. п., отсутствующие в словарях литературного языка.

§ 5. Диалектная и архаическая лексика, извлеченная из произведений устного народного творчества и других печатных источников, включается в словарь и в том случае, если она не подтверждается записями разговорной речи. Помещается в словаре и вообще не свойственная разговорной речи лексика загадок, цель которой скрыть истинный смысл сказанного.

ХАМ: [загадка] хам идёт по грятке ф шóлковой рубашке. — Открой, баба, окошко! — хылнул за окошко! [отгадка: дым].

§ 6. Как исключение в словаре приводятся общие литературному языку и говорам слова, если они являются семантиче-

³ См.: Ф. П. Филлиппов. Проект словаря русских народных говоров. М.—Л., 1961, стр. 27—29.

ским центром отсутствующих в словарях литературного языка фразеологических оборотов, не содержащих диалектной лексики, а также слова, отличающиеся своей сочетаемостью. Например:

ПЕРЕХОДИТЬ: Δ Через слово переходить. *Возражать, перечить.* Замуж посленний гот походить стала да через слово переходить не смела: на поситки не пустят, дак не ходила. *Ярасов.*

§ 7. Личные собственные имена в словарь не включаются. Приводятся лишь прозвища людей, если они соотносятся с именами нарицательными, а также прозвища, этимология которых неясна. На тех же основаниях в словарь помещается микротопонимика — названия угодий и урочищ.

§ 8. Так называемые «искажения» литературных слов типа *радиво, пэнзея* в словарь не включаются.

Структура словаря

§ 9. Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке.

§ 10. Слова, относящиеся к разным частям речи, в том числе и наречия на *-о, -е*, образованные от прилагательных, разрабатываются в отдельных словарных статьях, каждое на своем месте по алфавиту.

§ 11. Глаголы совершенного и несовершенного вида (*охичать — охичить, добыва́ть — добы́ть*) помещаются в отдельных словарных статьях.

§ 12. Глаголы с частицей *-ся* (*вередиться, мани́ться*) разрабатываются отдельно от соответствующих им глаголов без частицы *-ся* (*вередить, мани́ть*).

§ 13. Прилагательные сравнительной и превосходной степени, причастия и деепричастия в самостоятельные словарные статьи не выделяются, приводятся как иллюстративный материал при исходной форме прилагательного и глагола.

§ 14. Если морфемный состав слова прозрачен, в заголовке словарной статьи морфемы выводятся в их орфографическом написании: *листвя́г, чйщеница, своено́сий*. Если состав слова частично или полностью неясен, запись заголовочного слова фонетически-орфографическая, передающая основные особенности произношения: *о́теть, чепушо́к, чўпа*. Регулярные фонетические изменения (цоканье, стяжение гласных в результате утраты интервокального *j* и т. п.) в заголовках словарных статей не отражаются и отсылки на такие варианты слова не делаются.

Фонетические варианты заголовочного слова помещаются в конце словарной статьи после пометы *вар.* и с отсылочным указанием на своем алфавитном месте:

ВАРЮИ, я, м. *Кочка на болоте. . .*

Вар. вару́й, ворю́й.

ВОРЮИ см. варюй.

В ряде случаев заголовок словарной статьи представляет собою этимологически оправданный и повсеместно распространенный в печорских говорах вариант: слова типа **колáч**, глаголы с безударной приставкой *роз-* (*рос-*).

§ 15. Все словообразовательные параллели разрабатываются отдельно, на своих алфавитных местах: **ола́буш**, **ола́быш**.

Структура словарной статьи

§ 16. Заголовочное слово помещается в начале словарной статьи с абзаца.

§ 17. Заголовочное слово сопровождается ударением, зафиксированным в источниках словаря. Если слово имеет не одно ударение, все они показываются в заголовке: **натóдэль**. Если ударяемые гласные произносятся неодинаково, в заголовке выводится один из вариантов (более близкий литературному языку или преобладающий в говорах, см. выше § 15), остальные помещаются в конце словарной статьи:

ДЯДИНА, ы, ж. *Жена дяди*. Пойдём г дедыны, в госьти (С)...

Вар. дёдина.

ДЕДИНА см. дядина.

§ 18. После заголовка приводятся грамматические формы слова, стилистические пометы, определение значения, иллюстрации, географические пометы, показывающие распространение данного значения (названия населенных пунктов).

§ 19. Фразеологические сочетания, связанные с одним из значений слова, даются при этом значении, остальная фразеология — в конце словарной статьи.

§ 20. Ссылки на синонимы и слова, семантически соотносимые между собою, приводятся при соответствующих значениях (для многозначных слов) или в конце словарной статьи (после фразеологии до фонетических вариантов) с пометой *ср.*:

БУРАК, а, м. *Облако... ср. туман, туманец.*

§ 21. В словаре используются общепринятые лексикографические знаки: значения выделяются арабскими цифрами, оттенки значений знаком ||, переносные оттенки значений знаком |; знаком — отмечаются особенности употребления слова; знак □ показывает изменение грамматической формы слова, связанное с изменением его семантики. (О выделении фразеологических сочетаний см. ниже, в разделе «Фразеология».)

Определение значений слова

§ 22. Значение слова раскрывается путем его толкования. В большинстве случаев в словаре используются развернутые описательные определения, с элементами энциклопедизма для

характеристики предметов и явлений, не имеющих наименования в литературном языке; в ряде случаев толкование сопровождается рисунком или схемой.

§ 23. Применяются в словаре и синонимические определения, но главным образом при толковании непредметной лексики или как дополнительные пояснения к развернутому определению.

§ 24. При определении значений производных слов используется система отсылок:

ПАКОСТУНЯ, и. *Женск.* —→ **пакостун**.

ТУМАНЕЦ, нца, м. *Ум.-ласк.* —→ **туман**.

СКАЗЫВАТЬ, ... *Многокр.* —→ **сказывать**.

§ 25. Для слов с тождественными значениями, особенно однокоренных, определение дается только при одном из них (наиболее употребительном или исходном по образованию), остальные получают отсылку к истолкованному:

МОРЁЛЬНИЦА, ы, ж. *То же, что морёльник.*

Если подобные слова многозначны и совпадают во всех своих значениях, отсылочное определение приводится до нумерации значений, а далее за каждым порядковым номером значения непосредственно идут иллюстрации.

§ 26. В толкованиях местных названий растений, зверей, птиц используется (если составители словаря располагают необходимыми материалами) специальная латинская терминология.

§ 27. Порядок расположения значений и их оттенков в словарной статье предметно-логический, показывающий развитие значений от конкретного к абстрактному или от более общего к частному, узкому, специальному. Переносные значения (и оттенки значений) слова помещаются после прямого с пометой *перен.*

ЖОГАТЬ.... 1. *Ударять, хлопать.* 2. *перен. Быстро выпивать, проглатывать.*

В самом конце словарной статьи помещаются малоизвестные, специальные значения слова, после них, за знаком ~ топонирика.

§ 28. Если значение слова недостаточно ясно из материалов картотеки, определение сопровождается знаком вопроса. В некоторых случаях знак ? ставится вместо определения.

Фразеология

§ 29. В словаре помещаются все имеющиеся в картотеке фразеологические сочетания, в том числе и фразеологизмы, не содержащие диалектных слсв.

§ 30. Для выделения фразеологизмов с различной степенью

слитности компонентов по опыту Псковского областного словаря⁴ используются три знака: ◇ — для идиом, фразеологических срощений; △ — для мотивированных метафорических сочетаний; > — для устойчивых сочетаний, лишенных метафоричности, с более подвижной связью компонентов.

§ 31. Каждый фразеологизм приводится в словарных статьях на все слова, входящие в его состав (кроме служебных). Толкование фразеологического оборота дается один раз, по возможности при слове, являющемся семантическим центром устойчивого сочетания, на остальные компоненты даются отсылочные строки. Однако определить семантический центр фразеологизма часто бывает трудно, поэтому толкование значения фразеологического сочетания может быть помещено при слове, которое употреблено в этом сочетании в переносном значении, или при грамматически господствующем слове.

Иллюстрации

§ 32. Каждое значение, оттенок значения, особое употребление слова сопровождаются, насколько это позволяют материалы картотеки словаря, иллюстративными текстами.

§ 33. Количество примеров на каждое отдельное значение или его оттенок — не более 5—6 цитат, для служебных слов — 8—10 цитат.

§ 34. После определения значения приводятся цитаты из современных записей говора, далее — извлечения из источников XIX в., фольклорные материалы.

§ 35. При каждом примере обязательно указывается место (сокращенное название деревни) записи, при цитатах из различных рукописных и печатных источников — сокращенное наименование источника.

§ 36. Алфавитный перечень населенных пунктов, материалы из которых не вошли в иллюстрации, помещается после каждого значения за знаком + . При наличии фонетических вариантов слова сведения о географическом распространении значений даются по вариантам.

§ 37. Иллюстрации в словаре приводятся в упрощенной фонетической транскрипции.

§ 38. Дополнительные замечания, пояснения составителей словаря даются в квадратных скобках.

Стилистические пометы

§ 39. В словаре используются стилистические пометы, принятые составителями Псковского областного словаря:⁵

⁴ См.: Б. А. Ларин. Инструкция Псковского областного словаря. В сб.: Псковские говоры. I, Псков, 1962, стр. 268.

⁵ Там же, стр. 258—259.

а) по эмоциональной экспрессии: *бран.* — бранно, для слов и выражений с ярко выраженной эмоцией негодования; *неодобр.* — неодобрительно, для слов и выражений, имеющих неодобрительное значение, но без сильной эмоции; *шутл.* — шутливо, о выражении легкой, дружеской насмешки; *фам.* — фамильярно, для слов и выражений интимного общения (в среде близких людей); *ласк.* — ласково, о выражении доброжелательности, симпатии; *детск.* — детское, о словах и выражениях, применяемых взрослыми только в разговоре с маленькими детьми; *экспр.* — экспрессивно, в тех случаях, когда эмоциональная окраска неопределенна и нельзя воспользоваться одной из вышеуказанных помет;

б) по функциональной приуроченности: *флк.* — фольклорное, для слов, употребляющихся только в устном народном творчестве; *устар.* — устарелое, для слов, употребляющихся (главным образом стариками) в рассказах о прошлом; при этих словах обычны замечания говорящих: «так раньше называли, а теперь не говорят», «это старики говорили» и т. п.

§ 40. Особыми пометами выделяются слова, принадлежащие к узкой сфере специальной лексики: *рыб.* — рыбацье, *охот.* — охотничье, *плотн.* — плотницкое, *ткац.* — ткацкое, *олевод.* — оленеводческое.

§ 41. Стилистические пометы ставятся после грамматических помет: а) до цифры, указывающей значение слова, если помета относится к слову в целом; б) после цифры (знаков ||, —) перед определением значения, если помета относится только к данному значению (оттенку значения, употреблению).

Грамматические пометы и грамматические формы

§ 42. После заголовочного слова указываются грамматические формы изменяемых частей речи:

а) Имена существительные приводятся в словаре в именительном падеже единственного числа (если единственное число не употребляется или менее употребительно — в именительном падеже множественного числа). После заголовка указываются окончания родительного падежа единственного (или множественного) числа и род существительных: *м.* — мужской, *ж.* — женский, *с.* — средний, *м.* и *ж.* — для существительных общего рода. Например:

БАСА, ы, *ж.*

ПАРНИЧОК, чк а, *м.*

НАЕРЫГА, и *м.* и *ж.*

Для слов, образующих множественное число от переменных или супплетивных основ, приводятся окончание (или полностью форма) именительного падежа множественного числа:

ТУЕС, а, *мн.* туэсья, *м.*

б) Имена прилагательные приводятся в именительном падеже единственного числа мужского рода с окончаниями женского и среднего родов. Краткие формы помещаются после полных:

РОССОХОВАТЫЙ, ая, ое, росоховат, а. о.

Формы сравнительной степени указываются, если они по образованию отличаются от литературной нормы.

в) Глаголы даются в форме инфинитива с указанием окончаний 1-го и 3-го лица единственного числа настоящего времени. После окончаний формами относительных местоимений указывается переходность и пометами *сов.* или *несов.* — вид глагола. Например:

ЗАСПАТЬ, плю, пит, *сов.*

ДОБЫВАТЬ, аю, ает, *несов., что.*

При безличных глаголах после указания вида ставится помета *безл.:*

ОБНОСИТЬ, ит, *несов, безл. Кружится голова.*

§ 43. При неизменяемых частях речи дается их сокращенное или полное обозначение: *нареч.* — наречие, *предл.* — предлог, *союз* — союз, *част.* — частица, *междом.* — междометие.

§ 44. Безлично-предикативные слова, употребляющиеся в функции сказуемого, получают помету *безл. предикат.:*

ЛІХО, *безл. предикат. Лень, не хочется.*

§ 45. Если нужные грамматические формы не представлены в картотеке словаря, но их образование не вызывает сомнений, эти формы восстанавливаются составителями в грамматических указаниях. Если образование той или иной формы сомнительно, отсутствующая форма не восстанавливается, чтобы не исказить грамматической системы говоров.

§ 46. В иллюстрациях должны быть по возможности представлены различные грамматические формы слова.

Пробные словарные статьи

Составили: Ю. Ф. Денис'нко, Л. А. Ивашко,
И. С. Лутвинова, Л. В. Пчелкина,
Э. В. Федорова

БАСА́, ы, *ж. 1. Красота.* > Для басы́. В качестве украшения. Цясы́ д'я басы́, а время по сонцю узнать можно (Т). Наблюдник ёто, а внизу́ вырески для басы́, для красы́ (У). Рогá на избы́ гля басы́ (С). У пецьки-то кармызы для басы́ д'лают и сп'цьки кладем (Г). *ср. басота́.*

2. *Красивое видное место.* Карпушовы [т. е. дер. Карпушевка] на басы, у их головы косы (У-Ц). + ЗМ.

БАСЕНЬКО, нареч. экспр. 1. *То же, что баско* 1. Жаль, што ф хорóшую погóду не приехали, ковды сóнце, так басенько тут у нас (СЩ).

2. Как дет басенько зделал цяпахи-то, так баско, басьтэ никак (Тр). А Кóля вон как басенько сидит (З). || *Приятно, удобно.* Зьдесь басенько купацца на несóчку, позагораш и опеть (Зм). || *Спокойно, безмятежно.* Такó уж басенько бабушка спалá ф сенях (Зм).

БАСИТЬ, башу, сйт, несов., что. *Делать красивым, украшать.* Пáтка, из лоскутьеф оленьих, красйва она, басыт разным сукнам (Г). Бабы для себя-то виш басыт, чулки у них писаны (З). Ёту избу хóцет басыть (У-Ц).

БАСИТЬСЯ, башусь, сйтся, несов. 1. *Наряжаться, прихорашиваться.* На базар рóжу потенет, станет басыцце, красицце (С). Мы не баски, дак цё басыцця (У). Жэних бреецца, басыцця (У-Ц). Нынце-то шыпко не басыцця, хош платья носят. Раньшэ-то сарафан, плат надо, баски рукава надо (У-Ц). + басыться: Г, З, СЩ, Ст, Тр, Ф.

2. *Отделять, украшать что-н. для себя, у себя дома.* — Пець-то склали? Побасились? — Так ницё пока не басылись, не знаём, цем красить (Ф).

БАСКО, нареч., срав. степ. бастэ (й), побастей. 1. *Красиво, нарядно.* Не баско хóдиш, поясок одела дак бассей было бы (Уст). Ластовицы на рукавах другие, бастей штоп, мода так (Г). Где краска, там бастэ [пол]. Так ы свётит, так ы светит, каг зёрькало (У-Ц). Лес-от расцветёт, дак там баско (Х). + баско: Зм, СЩ; Карабанова—Семенова.

2. *Хорошо.* Не фсяка шэрсць баско прядэцця, котóра дóбра шэрсць, так баско, недóбра и не баско (М). Ветерóк-то, баско. Комары-то нёту (Тр). — На-ко, на-ко, баба тебé бобушку даст, бобушэцки, игрушэцки, иш каг баско (Ц). Баско уж очень работают мастера-то (В. Ненароков). — *ирон.* Ёко баско, не слушаш! Взáмуш никтó не возьмёт (Уст). || *Ясно, солнечно.* Сколь баско с утра было, сóнце, иш, опяť дошш бóдет (Г). Сухó да баско, вот какó стало погóдьё (Зм). Баско стало, обнёсьнило (Зм). Фсё дошш не бóдет, баско ш тóжэ когда бóдет (Н). || *Сильно, ярко.* Вот сейчас разгорйцця баско (У-Ц). || *Приятно.* Гóлуби-то уркают ур-ур, так баско (У-Ц). Я бы стáла плавать, такó баско (У-Ц). || *Удобно.* Иди на мост стирать, там баско (Тр). Маленька баенка, сухó да баско, большой котёл да (У-Ц). Пóгыте по крэжку иль по москам, по песóчку баскó, сухó (Тр).]

3. *Вкусно*. Полош сахару-то боле, да бѹдет баско (Тр, Ярасов). Налим склиско — кушать баско (Ярасов). М я ешшѹ пѹшшэ да басьтэ хочем ись (У-Ц). Молоко вот онно, цѣ ли побасьтэй, свѣжу рѣбу и не ес (С).

БАСКОВАТЫЙ, а я, о е. *Крзсивый, миловидный*. У Олѣшы хош не басковато лицѣ, так хорѹший он целовѣк (Нѹ).

БАСКОЙ. а я, б е, *сравн. степ.* басэй, басчѣ (й), бастѣе, побасчѣе. 1. *Такой, что заставляет любоваться, красивой*. Рѣзны жыци: зелѣны жѹлты, красны, чѣрны, басцѣ полуцаецця (З). Я вѣники не мастерѣця клась, новѹй вѣник баской складѣця, новѹй не вѹфсѣ баской (СЦ). Он лѣсу насадил, гли, какй берѣски баскй (СЦ). Чѣшкн-то похѹркаш, похоркаш сѹдой да и баски будут (М). Крестѹфка баскѹ, красна, а на загрѣфке вдоль и фпоперѣк крѣсьтик (Вр). Да не жыть ли, какой домѹпек баской, окѹшыцьки ф салѹцьки (У-Ц). — *ирон.* Баской язѹк, цѣрный от ягот (Г). || *Красивой наружности*. И на лицѣ баскй да наредилсь (СМ). Свекрѹфка-то басцѣ молѹтки (Ы). Какѹ баскѹ дѣфка, фсех башѣй, а тепѣрь фся вѣломана. вѣбита (В). || *Нарядный*. Сѣнни Фѣнька — сестрѹ грѣзилась, бѹтто приѣхала, баскй платѹ привезла. На головы-то вижу, бедѹ, какѹй баской плат (У-Ц). Раньшэ-то сарафан, плат наѹо, баскй рукавѹ наѹо, к р кавѹм стан какѹй ле (У-Ц). Какѹй баской-то полосатѹй сарафан прѣжний (Ст). Вза уж отдавают, так побѹйник был высѹкой такѹй, из рѣзы дѣлают, баской (Н). Шѣлковѣе-то хорѹшо бѣло. Атласно плѣтье свѣтом свѣтит, баски ядрѣны плѣтья (В). Ах да придумалось ему да приохвотилось А-сь съездить да сходите ко синю морю, А на ти понече да крутые да баские бережка (У-Ц, Астахова, 413). На крутой горе на высѹкой, Там построился нов хорѹш город Басче Питера, эх, краше Киева (У-Ц, Леонтьев, 53). + баской: Бр. ВБг, СБг, Е, К, КРч, Л, Мд, Нб, П, С, Х; Ярасов; Ончуков, Былины; баский: Зм, Тр.

2. *Удовлетворяющий по своим качествам, свойствам; хороший*. Баскѹ, сѣно, какѹ охѹпка, сѣ на повѣть (Зм). Баскй пѹжонки (У-Ц). У нас барѹки сухй, баские (Х). Баскѹ бапка у нас. Им фсем наѹа бапка — и ревѹт, и плацѹют (У Ц). Кѣма говорит: „Бапка, бапка, в тебѹ огорѹт баской“ (Ф). Там нѹвой дом доспѣт, баской (В). Ёку-то прѣсь [шерсть] не мѹжно, а так вѣцяпам, так она цѹпана бѹдет, баскѹ бѹдет, красѣва да баскѹ (М). На повѣти басьчѣй вѹздух, спать удѹбно (Тр). Мука нынѣ не баскѹ, бат хлеб гѹрький (Тр). || *Погожий, солнечный*. День баской, дак не вѣдоржать дѹма, не вѣсидеть (У-Ц). Иван-день баской, так лѣто баскѹе, прѣш старики говорили (С). Пѹгѹдьничько направилось баскѹ, фцѣрѹ шѣпко не дожжѣло и сѣнни (Чк). Ёво, шшѹлками гледѣт сѹнце, опѣть не баска пѹгѹдата бѹдет (З). || *Приятный, ароматный*. Понюхал, душмѹнка

травá, запяшо́к баско́й (Чк). Богоро́цька травá з душо́шком баскíм (С). || *Приятный на слух*. Много было пароходо́ф, у их свиски-то были баскí (СЩ). Голосо́к баско́й, заневай (СЩ). У не́е го́л с баско́й да толсте́нький, а я то́нко пою́ (Тр). Анна старозáта стала, у ей мо́тотка бэ́да́ мно́го зна́ет песе́н, го́лос тако́й баско́й (Ф). Ны́нче баскí не́сьни пою́т по ра́циву (У-Ц). || *Интересный, увлекательный*. Не баско́ кино́ (Зм). Ё́то не баска́ кни́шка (СЩ). + баско́й: ВБг, НБг, ВГ, Вр, Е, КРч, Л, Мд, Н, П, У, Уст, Я; баскíй: Мд.

3. Вкусный. Сво́я-то сметáнка баска́, а кúплену есь не могу́, нескусна́ (Тр). Ране с ани́сом фсе́ ржаной пекли́ хле́п, баско́й (У-Ц). С курьí-то не баска вода́ (С). Говори́т Мйшка: „Баска́я ша́ньга-то“. Сам не ел (Х). На блёски попада́ет нельма. ё́та бёлая, а сёмга красна́я. Соле́па она баска (Г). Ме́ско тако́ баско́, как свиньна́ (З). У церёмухи в исподи́ камешо́к твёрдой, она сладе́нька, баска́ да мяго́нька (М). У меня́ бассе́ ви́но ка́ша-то твоёй. фсю́ вы́хлебал (СБг). Ё́сли ма́ло со́ли, она́ [рыба] скíшет. не баска́ бу́дет. кй́сла (Г). Ры́ба сьве́жа фсех басе́й, кру́тл посо́лиш, так не так фку́сна (Зм). Вот старо́й Илья́ Му́ромец насы́пал пше́ны-муки бёлояро́вой. нали́л баско́й воды́ медвяно́й, нало́жил шелково́й травы́ (К, Астахова. 506). + баско́й: Бр, НБг, ВГ, Вр, КРч, Куз, СЩ, Ф; Ярасов, Тр.

Вар. баскíй.

БАСЛИВЫЙ, ая, ое. *Любящий наряжаться*. Басьли́ва, фсе́ хо́цег срежа́ця (Зм). Он босли́вый тако́й, фсе́ боси́ця, губы́ жме́т, кутури́ця, фсе́ неланно́ ему́, фсе́ неланно́ (Бг).

БАСОТА, ы, ы́. *ж. То же, что баса́ 1*. Не катилсá наш ум на красоту, Не сдымáлися гла́за на басоту́ (Н-М, Леонтьев, 146). > Для басо́ты. Ё́то наперённик с рукава́ми для басоты́, для красогы́, куды́ ли пойдёш, да́к одева́ш, хто шо́лковый шйот, хто маге́рчэты́й, по возмо́жности (Я). Для басо́ты нашыва́м каки́ места́ на испо́жки, това́р нашыва́ют и дочо́нки, нашыва́ют (ВГ). У сарафа́на вот потпо́цолле́ кладём, про́чву, э́во, про́чву кладём для басоты́, тре́к ли́бо ко́жэчка кладём (Я).

БАСТЯНЫ́Й, ая, ое. *То же, что баско́й 1*. Собира́лись на середьну́ Усь-Цы́льмы, где у́лица гла́жэ, бис́тялей (Х).

БАСТЯЩИ́Й, ая, ее. *Очень добрый, отзывчивый*. Он тако́й сьмеря́шый, никуды́ и не ульнё́т. Поса́жоны сидя́т, так он им переда́чи в окошко́ броса́л. Тако́1 бас́тяшы́и был (Ф).

БАСУЛЬКА́¹, и, *ж. То же, что басу́ля 1*. Кто эти басу́льки наре́зал [на веретене́]. *Ср. побасу́лька*.

БАСУЛЬКА́², и, м. и *ж. То же, что басу́ля 2*. Басу́лька пу́шшэ́ нарежа́ецца, баси́ця так (Ф).

БАСУЛЯ¹, и, ж. *Украшение*. А на курицьке для басули дыроцьки (С).

БАСУЛЯ², и, м. и ж. *Кто любит наряж ться*. Басуля не худа, кажный день в разное наряжаецця, басицця кажный день (Зм).

БАСУНЯ, и, ж. *То же, что басуля*.² Такая бапка басунья, так басицця, так басицця, фсяки рукава да шэлковые (Г).

БАСЮЛЬКА, и, м. и ж. *То же, что басуля*.² Он глэдит себе и сё, забóтливой такой, басицця, такой басюлька (У-Ц).

БАТ¹, *вводное слово*. 1. *Указывает на возможность действия: может быть, возможно*. Знаю-то знаю, а, бат, и соеру (У-Ц). Давно не дожжыло — натерпелось. бат ы раздожжыцця (Тр). Бат, не умру, врижежай посмотри меня (С). А це, бат, взаботь сфотографируют? (СЩ). Сами наливайте, вам, бат, парной цья надо, а я жыткой наливаю (Вр.) — *с вопросом, частицей „ли“*. Лук-то погибагь хóцет, от жару ли це, желтеть стал, порас ти ему наю, мёсяць ли, бат (Зм). У Фимы у сестры сем ли, бат, ходило на войну, двое пали (Зм). Бат, есь ли кипяток (У-Ц). + Бр, В, ВБг, Г, Е, З, КРч, Л, М, Н, П, СБг, Т, У, Уст, Ф, Я; Ярасов.

2. *Указывает на вероятность действия; наверное, по-видимому*. Госью привезла откуль, поймала, бат, на пути на дороге (У-Ц). А у них занавёски долго закрыты были спали бат (Г). Баба его не робит, она з буюхом. Большой живёт, бат, двойники будут (Г). Он, бат, устали: шыпко брателько-то мой их выводил по лесу (СШ). Эта птицьцка дитешок, бат, ешшо (Нб). + БР, В, З, Зм, КРч, Л, М, Мд, О, С, СБг, Т, Тр, У, Уст, Ф, Ч, Чк, Я; Колпакова, У-Ц; Ярасов, У-Ц.

3. *Значит, стало быть*. По старикам, бат, ходите вы, по старикам, паря, ходите (Зм) Кто богат, тот и делает, бат, подарки (Л). Сегодня солнышко садицця, вон как, бат, зафтра ведриё будет (Вр). Баба, как офця, шэвеліцця, скоро, бат, родит (З).

БАТ², *част усилит. Подчеркивает содержание высказывания, выделяет наиболее значимое слово*. Прэ ся бат каждый добывает рыбу (Тр). Вмесьте то хуло бат прагь, я дальшэ ухожу (Зм). — Не буду баг я в выбе кисель-ту разьодить! — Дак стирацця и на улицы можно (М). У нас писаны [чулки] носить мода отпала, бёлы носим. Те бат долги и неудобны, а эти покороце (Ф). Вот седня бат зору, говорит, проспал (К). В ётот ключевник бат не заедут на косилки (Бр). Лихо нам на Пецёру по воду сходигь, мы бат такй леньгасихи (У-Ц). Во фсю голову хохощюг, бат никакого смеху и нету (М). Строби́л бат ты уш сёвонне, отдохни (У-Ц, Ярасов). — *при вопросительных местоимениях*. Цейно бат пишэш? (У-Ц). Цейно бат я стану тут реветь (С). А сын у тебя дейно? А куды бат он хóцет, восем класоф-то концыл уш (СБг). + Бр, КРч, П, Ч.

ДОБЫВАТЬ, аю, ает; *несов., кого, что*. 1. *Вынимать, доставать откуда-н.* Картошка там была, так и добываем сейчас из грязи (Зм). Гасчик есь, ис квашни тесто добывам (У Ц). Семушка попадет в него, шаглами попадет за него, ей за шаглы добывают из негода (У-Ц). Болит палець: заноза. Замогу, дак добывать стану, не замогу — пусть так сидит (М). *|| Вынимать выставлять.* Пойдем окольницу добывать (Т-Ц). *|| Выдергивать, вырывать (зубы).* Я зуб добывать стала, выдергивать (М). Фсе муку зобала, с того погубила фсе зубы. Фсе сама вы яну [зуб]; дефки-то говорят: „Как ты добываш зубы?“ (У-Ц). *|| Вытаскивать, выволакивать.* Скот-от ушол, ф калтус забрели. О ежат да бредут, мы два добывали их, тако седуце (М). *Корчевать.* Поля ешшо цыстили, пенья добывали (У-Ц). *|| Поднимать (якорь).* — Добывай якорь! (У-Ц).

2. *Доставать, искать где-н.* Сын поехал по Пижме добывать оселки, Егор фсе робил има, шলেখовал (З).

3. *Получать, высекать (огонь).* Огонь добывали: трут из березы выделявали, пашка была з*елезна, чирнут — и огонь (К). Огонь добывали деревянный: тоцят, тоцят, загорница — фся деревня пользует (З). Спичек нету, кремень о кремень цикают — вот како трудно было добывать огонь (У-Ц). *|| Разжигать, раздувать.* Сколько поры огонь-от добывали: сыры дрова (Т). *|| Зажигать (лампу).* Я фсе ешшо огонь не добываю, пораньше легу да (Т). + Тр.

4. *Убивать, ловить (зверя, рыбу).* Тимка-то се промышлял, медведей добывал (Вр). Перву утку застрелят, кладут мимо в решето скорей, чтобы пушше уток добывал (З). Добывали белку, тетер, глухарей (У-Ц). У ей мужык был пушник, лисич да псецей добывал (11). Лох ф Пижмы живёт, а здесь мало, лохоф не добывают (У-Ц). На варю-то добывал харюскоф, удочкой добывал (Тр). *|| без доп. Охотиться.* У меня мужык живёт в угоды, добыват (С). + Зм, К, СЦ, Т, У, Ф.

ДОБЫЗАТЬСЯ, *несов. Выблрться, уезжать откуда-н.* Можно там помене пожить, добывацца скорей домой (У-Ц).

ДОБЫВАТЬ, *несов. Многокр.* → **добывать** 4. Много я добывал раньше и лисич и горностаей, россомх да выдру, да кунцию (Зм). Отец мой добывал фсех зверей (Ф). У нас Егорыч добывал и двух медведей за рас (Г). Быват кунца попадает, я три штуки сейгот добывал (С). Не добывал почти сему (Тр). + СЦ, У.

ДОБЫТЬ, добу́ду, ет, *кого, что*. 1. *Сов.* → **добывать** 1. Картошка-то нынче хороша, не можно толщею-ту добыть, гуснет и гуснет, трамалу много (У-Ц). Медветь пришол к корзинки, вынял литру спирту, пропку добыл и давай пить (Ч). Мужык бросил нош, дак ф холку Вехору залетел, не можэт вы-

нять. — Приходи добыть нош. — просит (З). Зацепиш за косьть, вырезаш ножом или топором, д быть острогу не можно (С). Надо заноза добыть (Зм). *Вытащить, высвободить*. Дэфка перст придави я, не можэт добыть, ревет (У-Ц). Теліцька ношкой ульнула, вяска-то весице, я еле добыла (М). Воденой поймал руку мужыка, и он никак добыть её не можэт (З). В воды-то няша, у берега есь, фсе и ноги одва добудеш. гли-на (Т). || *Поднять (якорь)*. За каметья зачалить лотки, якорь-то не надо метать, а то и не добыть (Вр).

2. *Раздобыть, достать*. На осень на фатэру выехали, лес добыли и поставились в нижном конці (СЦ). Карасін возят, лампоцьку надо добыть из Усь-Цильмы, повернула её, стомалась (СЦ). || *Собрать (ягоды)*. Пошла в лес, эку морошэцьку-то добыла баскү (З). + У.

3. *Зажечь (лампу)*. Сецяс огонь добудем, съветло стинет (Н). Я огонь добыла, оні спали (СЦ). Я огонь не добыла, ешшó полежү (У-Ц).

4. *Сов.* → *добывать* 4. Гусей капканами ловим, капканами скоря добудем (0). Уток он [медведь] имат, фсех он имат дetyшóф, фсех он добыть хоцёт (Ч). Данил медзедя добыл, эка жырияша медвежати́на (Н). Кто дикаря добудет, тот и пове-сит рога, штоб видели, како́го добыли (Нб). Пплыли на яму, на высоко место, там хотят большү рыбу добыть (С). Ёздыл он на море, сёмги много добыл (У-Ц). + З, Зм, К, М, СЦ, Т, Тр, У.

ДОБЫТЬСЯ, *сов. Оторваться, отстать*. Прильну [к смоле] и не добыцца будет (У-Ц).

ДОБЫЧА, и, ж. *Сезон охоты, промысла*. У бёлки нет ординок; она голубая. А когда не поспёт она г добычи, она красна (Ф).

ЗАМÁТКА, и, ж. *Беспокойство, хлопоты*. На што ты при-несла эту утку, на заматку на онну; лихо мне терёбиг да ва-рить (У-Ц). Забрóска к нам худá. Не было керсина, так с луциной в байне мылись, да з детьми, да така заматка с ыма,

воопшэ-то с ыма заматка, а в байне худо (Зм). Эвот убежал жэребёнок, большá заматка, его теперь не догониш (Нб). Надо пойти офцей посмотреть, убегут, дак заматки много будет (З). Не долго моталась, скоро родила, да не ф цё робёнка завер-теть. Зашла, сказала невескам. Оні бранят меня, а я без за-матки родила (Тр). *Усилия*. Я не знаю, цё доспелось, воротил жэ замо́к, поворотил его. Я замыкала без заматки хош сколько рас (Ф). || *Мучение, неудобство*. Така доро́га худá, заматка прямо с ей (Ст). Ны́нче у нас лектро́ горит. Згорела станция, така заматка была, ой, фсе спалила, а понець опять зыделали

(Г). Такá замáтка стáла — цýйникоф нет (Тр). > Замáтка берёт. *Трудно, хлопотно, мучительно.* Сепяс замáтка не берёт, так на лотки ёздим, а то фсё бецевой: здавпá ле моторы? (Ф). + СЩ, С.

КУРЕВА́, ы, ы, ж. 1. *Снежная буря, метель.* Так снек несёт зимой крёпко, так курева́ такá, когдá погóда настава́т (У). Курева́, снек пойдёт, вётер снек кури́т (У-Ц). Курева подынеще, погóда дак, не ви́нно свету, поне ё́т снек дак (Вр). Погóда. кúрева кака, так ы кури́т, снек несёт шы́пко-от (Зм). + **курева**: СЩ, Тр. *ср. тонзёр, хиуз.*

2. *Пыль, снег, поднимающиеся от земли.* Фсё [самка оленя] йскопотью высе́тет, доболькá нас кёт, курева́-то летит ис-под нóк (Тр). Курева — пыль за машыной (0).

КУРЕВО, á, а, с. 1. *Дым, чад* (Карабанова—Семенова; Ярасов).

2. *То же, что кúрева* 2 (Ярасов).

КУТ, а, м. 1. *Место, где сходятся внешние или внутренние стороны предмета.* Ф. кут [кулёмы] налóжат на кы́ву, мя́со люббе́ (С). > Сруби́ть кут. *Соединить бревна наклонно, под углом.* Кулёма на медвёдя стáвицца; кут сру́бят: о́дно дерево, фторо́ до́лго налóжат (С).

2. *Угол в избе.* В ы́збе потпорóзной кут у поро́га. Перённый, кутной, запецьной, ф потпорóзном—кóйка (Тр). > Пёрённый кут. *Угол против входа.* (Тр). > Подпорóзный кут. *Угол у входа.* (Тр). > Кутной кут. *Угол против печи.* (Тр). > Запéчный кут. *Угол за печью.* (Тр) || *Угол в избе против печи.* Кут — о́коло пёцьки, где управля́еце хозяйка (У-Ц). Там бы сто́лик ф кутí-то стал бы, ф кутí прóти пёцьки (У-Ц). Там ф кутí сто́ит кáтця да шкап, в други́х кáтця и не сто́ит; наблюдник у меня́ то́жа ф кутí (Н). Плохую мы́тницу ф кут посыла́ют, а хоро́шую ф перёдний у́гол (З). + Зм.

3. *Узкая часть избы между печью и стеной.* Кут, там пёцька-то отхóдит от стéны, а в друго́й избё ф кут и ходи́ть мо́жно (С). Там запёцька, хош кут, ф кутí зовём (Вр). — *в сравн.* Забо́рка здéлана, забо́рцька, врóде как кут за пёцью, так и жы́ли за забо́ркой (С).

4. *Ограниченное пространство воды или суши за поворотом, в тупике.* О́зеро большо́, такí куты́, бо́льшэ прй́дет, неку́да ёхать — ё́то кут. Кутнё́ о́зеро, прохо́ду нёту, о́зеро кутóм (Уст). Кут, ку́дá ёдеш, кака ре́цю пка кутóм быват, ку́рейка. Ф куту́ то́ни быва́ют. Бо́льшэ неку́да вы́ехать, тот уш кут. В Городе́цьком о́зере куты есь (Уст). О́зеро кутóм пришло́. Тут шы́ро́ка по́жня, а тут кутóм пришла́ (Гл). | *перен. Отдаленное глухое место.* Мы уш ф кутé Сёвера живём, затмённые лю́ди (Г).

5. *рыб. Суженная часть матрицы [см.] невода.* Ф кут зашла́

рыба (Тр). У нёвода матиця да моромá, бóльше ницево́ нет. Матиця — сáмой кут, без ей толку не вы́дет, рыба тудá захо́дит (Т). Матиця опéть кутóм, куткóм, рыба-то не выхóдит (У).

НАТО́ДЕЛЬ, нареч. 1. *Только, исключительно (этим занимаюсь)*. Усóльци баржами ходили ис Цёрдына, коноплэ возили, мы предём. Тут оди́н нато́дель, так ы жы́л, тем ы корми́лсе: он ни́тки скёт, жэ а пря́ла (Т). Шы́лко пьёт йла дерёцця, так говоря́т: нато́дель стал пить да драцця (Зм).

2. *Намеренно, с определенной целью*. За реко́й на по́жнях на́до бы́ть есь де́нежник, для бо́льницы собира́ют, рвут нато́дель (С). По лу́де так катаецца шэст, как кирпи́ч, как б́утто нато́дель слы́та (Ст).

3. *Независимо от чего-н., само по себе*. Я не прости́гла, а нато́дель ка́шляю (Т).

4. *Обязательно, непременно*. Натодéль у когó-ле на́казы—ф Тру́сово я онна э́жду (Р). Студёну во́ду по́пью, дак беда́, нато́дель ка́шляю (Тр). || *Как бы следвя обязательно, установленному порядку*. Фсе дети умерли. Оди́н парни́шка есь, и тот нато́дель немога́ет (Р).

5. *в функции вводного слова. Действительно, в самом деле*. Он бы́л тако́й здорова́вший, нато́дель, крупня́ший тако́й (Г). + **Нато́дель**. Карзбанова—Семёнова.

РЯЧКАТЬ, аю, ает, несов. 1. *кого, что, чем. Ударять, бить*. При мис на́чнёт его́ можжы́ть по головы́, а де́фку ря́цькать голово́й оп сгёнку (З). Лягу́шу-то не убьёш. Колотили, ря́цькали па́лками, а опя́ть жыва́ (Тр). Как возьму́ теб́я, как зачы́ну зы́кать теб́я, как ря́цькагь (Н). Кули́га-то не кошо́на, тупо́й косо́й ря́цькала, ря́цькала (Ч). Я копа́ю карто́шку, опосле морóс стал: ря́цькают топора́ми (У-Ц). || *Стучать, хлопать*. Не на́до двэ́рью ря́цькать (Ст). Ср. зы́кать.

2. *кого*. *Толкать, пихать*. Тёсно сто́яг, друк дру́шку пиха́ют, не става́ют в оцере́ть, ря́цькают люде́й (У-Ц).

3. *Издавать треск, расклевываясь, разламываясь*. Так горéло, так ря́цькало. Там бензи́н был. Ёсли п ло́пнул бензи́н, фся б дере́вня згорéла (Г). > Морóз ря́цькает. *О сильном морозе*. Малицу на́дён-м, вóротник-ог спаса́г. Морóс-от како́й, то́лько ря́цькат (У-Ц). Преш беда́ — морóзы бы́ли: окóльници не огта́ивали, сволоцькй не зна́гко. То́лько ря́цькат морóс (М). || *Ломая, производить шум, треск*. Я от по́роса ны́нцце полете́ла ф ку́сты пря́мо. Он побука́рал и ушóл. Он по поля́м ходит и фсё ломат: на́какой згорóды не видит. Так и ря́цькат: ря́чь-ря́чь. Никако́й си́лы на него́ нет (Г). || *Хрустеть*. Слы́шу шго́-то ря́цькат, посмотре́ла — уш одно́го [когёнка] ко́шка съела (П). Еш су́шку-то, ря́цькай (Н). Кусаиш ку́рьи я́годы, так и ря́цькаит вну́рях (Г).

4. *Греметь, грохотать (о громае)*. У нас грóм-от ря́цькал: телёнка уби́ло (Ст). □ *безл.* С нёба как ря́чьнет, ново́й рас,

только рячкоток идёт, так рячкало у нас (С). Тако пламе — не молонья — по проводам хозат и хозат зат-перёт, в окна зееет, рячкат (У-Ц).

5. *на кого, экспр. Кричать.* Зыкат на кобылу, рячкат так. Мне так противно, как зыкат на кобылу (С). *ср. зыкать* + Зм.

РЯЧКАТЬСЯ, ет ся, *несов. 1. Бить друг друга, драться.* Досками-то дрались так, што доски хрпали. Церепа-ге едрёны у них, так и рячкались (З).

2. *Толкать друг друга.* Рячкающа не могу, рячкают, пахают (У-Ц). Рячкающа ногами (У-Ц).

3. *Производить шум, треск.* Медвёт идёт рячкающа (СЩ). Медвёт рячкающа, да нас не задевает (Г). Пошёл порос, так рячкался (Г). || *Идя по чему-н. жидкому, вязкому, производить ногами чавкающие звуки, хлюпать.* Старик идёт калтусом, рячкающа: там сыро очень (П).

4. *Чокаться.* Пей, пей, мы уш рячкались (Тр).

СУРПА, *ы, ж. Сплетенная из изозых прутьев конусообразная ловушка для рыбы.* Сурпу из дёрева плели. Колья колбтят, заставят реку дёревами, и сурпу ставят. Она как фетель, только поужы, она из виць, из луцины, из рошшы-йвова рошша, зелена. Она плетёща вицей, загибающа и кошэль дёлающа. Её где глубже ставят, а русло, где вода большэ скопляюща. Изгороть дёлают, а ф серётку сурпу станбят (Нб). Зимой и весной сурпой ловят в висках. Ёрдан дёлают, заёски заезят и ловят. Ф сурпе дётинец есь, она [рыба] туда пройдет, а обратно не выйдёт. Сурпу станбят протиф тецёнья (Ст). Од берега заезят, в горло сурпу спусьтят, и там опеть заезят. Отец сурпу вытенет, добудег рыпку, сурпу опеть спусьтит (У-Ц). Сурпа для крупной [рыбы] из вици, а для мелкой из луцины (Ф). Клеть дыровага, выхода нету [загадка]. Сурна одгадывающа по-прёжнему (В). *ср. вёрша, гымга, гымза.* + Зм, Р, С, Тр.

ТОНЗЁР, *а, м. То же, что курева 1.* Тонзёр — погода сильная зимой бываёт, снек несёт, зимораж явят (П). Понесёт снек по до оге и но льду поташ пыт тонзёр. Ой-ой куды поедёш, какой тонзёр, снек несёт сильно (Т). Выюга и тонзёр одно и то жо, тонзёр по земле несёт (Гл).

ХИУЗ, *а, м. 1. Холодный, резкий ветер.* Хиус, когда холбл-ный ветерок, не такой шш большой, но в ясну погоду. Нету спасу ничему, фсе прохватывает (Зм). Когда морос, шыпко станет ветерок полувать, такой стал хиус, ветер вострой (Вр). Жывут хиуза зьдесь, морос, едуцей ветер, бес снега он жывёт (Тр). Хиус большэ сь севера. Хиус задул, хиузом морос сомнёт, теплей станет, сьминат морос. Как хиуса нет, так теплей

не стáнет (Зм). + хівус: Гл, Максимов; Карабанова—Семелова; хьус: М.

2. *Сильный ветер со снегом.* Хьус сьильной, пургú несёт, понсёт снек по дорóги и по льду (Т). Такй увáлы наметало, хьус намётывает тверды-те увáлы (Т). Хивус што ле пал, онеть уш на Печёре сьнег-от курйччя порато сьильно (У-Ц, Ярасов). ср. куревá.

Вар. хивус, хьус.

М. С. МИХЕЕВА

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ В ПЕЧОРСКИХ ГОВОРАХ

Данная статья — описание лишь небольшой части лексики русских старожильческих говоров в нижнем течении р. Печоры и ее притоков Пижмы, Цильмы, Нерицы, в основном на территории Усть-Цилемского района Коми АССР (по материалам экспедиций ЛГУ и Коми пединститута).

Русское население появилось здесь несколько столетий тому назад,¹ оно состояло в основном из старообрядцев, скрывающихся в северных лесах от преследований, и беглых крестьян — выходцев с Мезени, Северной Двины, из Олонецкой, Новгородской и других северных губерний России.

Глубоководная Печора была богата рыбой, окружающие леса — пушным зверем, а пойменные луга обеспечивали скот на всю долгую северную зиму достаточным кормом, поэтому издавна основным занятием местного, а затем и пришлого населения был рыбный и охотничий промысел, скотоводство.²

Все короткое северное лето приходилось «страдать» сено и заготавливать рыбу, чтобы обеспечить на зиму себя и скот пищей. Естественно, что для населения этих мест состояние погоды и ее изменения всегда имели существенное значение. Сенокосные угодья находились зачастую за десятки километров, нередко на другом берегу реки, сено с ближних и дальних лугов приходилось перевозить уже по зимней дороге, рыбный промысел требовал умения управлять судном, учитывая силу и направление ветра и т. п. Вполне понятно, что в лексике говоров Крайнего Севера, в частности говоров нижней Печоры, значительное место занимают названия явлений природы, ветров, дождей, различных видов снега и льда. Эти группы лексики представлены в печорских говорах гораздо шире, с большим видовым многообразием по сравнению с русским литературным языком. Рассмотрим некоторые из этих названий.

¹ См.: Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1953, стр. 57.

² См.: Л. П. Лашук. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, стр. 76.

Названия ветров

Помимо общеупотребительных названий ветров (*северный ветер, южный ветер, восточный ветер, западный ветер*) очень распространены такие, которые совпадают с названиями стран света: *сёвер* — северный ветер (1-й румб компаса), *восток, сток* — восточный (9-й румб компаса), *юг* — южный (17-й румб компаса), *запад* — западный (25-й румб компаса): Сёвер придет, разыграецца, дак на улицу не выдеш (X); Сток бывает холонный, морозит здорово зимой, когда сток дует (Г); Юг — ветер лётный, юг задует и тепло (Н); Запат то дождя, то снегу наганивает зимой, суровый ветер (З).

Южный ветер называют также *лётником* или *лётней*: После обеда лётня, ветер лётня, тёплой (Т); Дует лётник (Тр).

Для характеристики восточного ветра часто используются слова *рекоста́в* и *рекопла́в*, связанные с периодом ледостава или ледохода на реке, а именно: осенью холодный восточный ветер ускоряет замерзание реки и становление льда, а весной «ломает» лед, способствует освобождению реки от льда: Осенью сток рекоста́ф, а весной — рекопла́ф (С).

Названия ветров, совпадающие с названиями стран света (*запад, сток, сивер, полдён*), широко распространены на севере: они отмечены П. Н. Рыбниковым в олонецких говорах (стр. 18) и имеются в областных словарях Подвысоцкого (стр. 51, 23), Грандильевского (стр. 276, 243), Куликовского (стр. 106), у Даля они даны с пометами «арх.», «олон.» (I, стр. 334).

Кроме названий ветров основных четырех направлений повсеместно на Печоре употребляются названия промежуточных ветров, издавна известные говорам Севера и Сибири (см. Подвысоцкий, Грандильевский, Куликовский, Даль, Цомакион).

Полуночник — северо-восточный ветер (5-й румб компаса, солнце на этом румбе в 3 часа после полуночи): А если полуночник затёнёт, так то́льки зубы затрешшат, правее сёвера полуночник (Г). Это слово встречается и в записях печорского фольклора: «Проклинали ту путь-дорожечку, К себе в помощь да ветры кликали, Ветры кликали, Север гневали: „У Севера жена грязна, Ко Полуношнику спать ушла, А Север с горя в море потонул”».³

Обедник — юго-восточный ветер (13-й румб компаса, солнце на этом румбе в 9 часов пополудни, когда крестьяне и промышленники обедают): Обённик дак то́жэ тёплой, на дош он не так сильно (КРч).

Шелоник (*шолоник, шалоник*) — юго-западный ветер (21-й румб компаса): Юго-западный ветер старики называли шалонником; он уш шы́пко шальной был, дёрско брал, шалун как шалит, сех бо́льшэ немиролюбимой был (КРч); Гусиная доро́га

³ Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Архангельск, 1939, стр. 147.

с полуночника на шёлоник, по ей гүси летят (Тр); Шолоник задуёт, дак волны, такой зводень ходит (Т). Название этого ветра архангельские поморы связывают со словом *шальной* (Подвысоцкий, 192), В. И. Даль возводит это слово к названию реки Шелони в бывшей Новгородской губернии (IV, 619).

Глубник — северо-западный ветер (29-й румб компаса): Северо-запат назывался глубник, дёрско брал, вётром как пойдёт, фсе түчи разгонит (КРЧ). Ср. также в северном фольклоре: «Федор Бурмаков отплыл в морё и приказывает своим рабочим бежать под глубник-ветер».⁴ Слово *глубник* с указанным значением находим в словаре Даля с пометой «мез.» и объяснением: «По этому направлению от Мезени глубина» (I, 357); у Подвысоцкого с такой же пометой и с комментарием: «По направлению его при мелководье реки Мезени всего удобнее выходить в море на глубину моря» (стр. 123). Отметим, кстати, что в летнее время, т. е. в навигационный период, северо-западные ветры на этой территории являются преобладающими.⁵

Каждый промежуточный ветер между восемью названными именуется *межник*: Север на глубник, а ветер промеж их межник (Гл). Это слово, широко распространенное в архангельских говорах (Опыт, 113; Подвысоцкий, 89; Даль, II, 314), издавна известно русским мореходам, оно встречается в документах начала XV в.⁶ Можно полагать, что названия восьми основных румбов компаса и соответствующих им ветров имеют не менее давнюю историю.

Кроме перечисленных выше, имеются специальные названия ветров в зависимости от течения реки или по отношению к морю.

Верховой ветер, верховец — ветер с верховьев реки, по направлению ее течения. На Северной Двине *верховой* — это южный ветер (Подвысоцкий, 17), на Волге — северо-западный (Даль, I, 185), на Колыме — юго-восточный (Цомакион, 123). На нижней Печоре и ее притоках под этим названием имеются в виду разные ветры, в зависимости от того, как меняется направление реки: в Пустозерске это юго-западный ветер, в Гареве — восточный, в Климовке или Черногорской — южный: Верховец это свёрху по Печоры идёт, сперва сток, потом верховец (Кр).

Низовой ветер, низовец — ветер с низовья Печоры, дующий против ее течения, т. е. с севера на юг: Низовец ветер, осённа вода ходит; низовец тот сёвер, снizu ветер (П).

Ветер, дующий с берега реки «в бок» судну, называют на Печоре *боковым*, как и в других северновеликорусских говорах

⁴ Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельской и Олонецкой губ.). «Записки РГО», отдел этнографии, т. XXXIII, 1908, стр. 130.

⁵ См.: Г. Д. Рихтер. Север европейской части СССР. Физико-географическая характеристика. М., 1946, стр. 47.

⁶ См.: Большая советская энциклопедия, т. 27. 2-е изд. М., 1954, стр. 51.

(Даль, I, 109); известно такое название и русскому литературному языку (Ушаков, I, 156). Ср.: «В два часа ночи проплыли устье реки Сыни, от которой направление Усы переменялось, и северный ветер сделался боковым; поэтому пришлось плыть медленнее и местами работать веслами».⁷

Существуют названия ветра, связанные с направлением движения судна, когда ветер способствует, помогает его продвижению или, напротив, препятствует.

Поветер (пóветерь) — попутный ветер: «Как домой собираются со богатого промыслу, Не ждут в спину поветерь, Не кличут в помощь ветричка, Не гневают Север-батюшко, Они кличут мотор-лодочку».⁸ В форме *пóветерь* это слово широко употребительно на севере (см. Подвысоцкий, 124; Куликовский, 84; Грандилевский, 237; Даль III, 151; Рыбников, 18). В памятниках древнерусского языка с тем же значением отмечено *поветрие* (см.: Срезневский, II, 1010).

Для обозначения попутного ветра употребляется также слово *понос*: Попутный ветер *понос* называют (Тр). В Опыте оно дано как новгородское (стр. 170), Даль отмечает его как волжское (III, 284). На Печоре это существительное очень употребительно, как и глагол *поносить* 'пошатывать, покачивать', издавна известный архангельским говорам (Опыт, 170; Даль, III, 284).

Иногда в значении 'попутный, помогающий движению судна ветер' употребляется слово *пособна*: «А бежать дородно будет, повадно — пособна тянет».⁹ В таком же значении оно встречается в «Северных сказках»: «Собрал в городе сколько есь народу, стал спрашивать: „Хто в этот день, в эти часы, в эти минуты ветру молил?“ Какой-то там и выскочил корабельщик и говорит: „Я молил пособны“».¹⁰ Слово *пособна* представляет собой субстантивированную форму древнего прилагательного *пособный* в значении 'благоприятный и попутный (ветер)': «Тогда убо вѣтру добру и пособну бывшу, плыхомъ по морю въ радости и въ веселии велице». Записки Игнатия Чернеца... 1392 г. (Срезневский, II, 1251).

Встречный ветер, дующий против движений судна (на нижней Печоре он направлен с севера на юг), называют *противный* или *противна*: На рекѣ противна, север снизу идѣт, иш какó задуват, вал дажѣ на реки (З). Выражение *противный вѣтер* довольно часто встречается в «Дневнике» В. Н. Латкина: «Всю ночь был противный ветер, а потому двигались вперед неуспешно» (стр. 150). В указанном значении слово *противна* имеется

⁷ В. Н. Латкин. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. «Записки РГО», т. VII, 1853, стр. 153.

⁸ Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор, стр. 145.

⁹ В. Неиароков. Поездка на Север России. Журнал мин-ва госуд. имуществ, т. 82, 1863, стр. 220.

¹⁰ Н. Е. Ончуков. Северные сказки, стр. 126.

в словаре Градилиевского (стр. 256), у Даля оно с пометой «арх.» (III, 520); Подвысоцкий приводит однокоренное *противняк* с пометой «поморск.» (стр. 142). В словаре Срезневского *противнь* дано в значении 'неблагоприятный встречный ветер' с примером из Остромирова евангелия: «Корабль же бѣ по срѣдѣ моря, погружаяся вълнами, бѣ бо противнь вѣтръ» (II, 1596). Это слово так же, как и *пособна*, образовано путем субстантивации прилагательного.

В значении сильного ветра, независимо от его направления, ветра с дождем, со снегом употребляется слово *погода*, известное многим северным и сибирским говорам (Даль, III, 155): Ветра ковды, дак погода-то, сѣдни тихо, погоды нѣту, погода ковды, берѣга хвощут; вѣцером была погода з дождом (ВГ); Двери у байны полы, погода открыла двери (КР). Имеются и суффиксальные образования — *погодущка*, *погодливый*: Сильный вѣтер, дак говорят: какá больша погодущка (М); Погодливой день, когда метель курит (Тр).

Очень сильный вихревой ветер называют *вѣхорь*, *вѣхорный вѣтер* (в старину его считали нечистой силой): Вѣхорь, он как полосой придѣт, прѣмо лес ломит, пройдѣт и тихо, весной он ходит пушшэ-то (КРч); Экой вѣтер пришол, вѣхорный вѣтер пришол, хлопанулся дак (З). Повсеместно на Печоре, как и в других севернорусских говорах (Куликовский, 9; Подвысоцкий, 17), это слово отмечено с гласным *о* перед сонорным, появившимся в русском языке в результате утраты конечного слабого редуцированного,¹¹ оно сохраняет более архаичную по сравнению с русским литературным языком форму (см.: Ушаков, I, 301).

Названия дождей

Прежде всего следует отметить повсеместное употребление слова *дождь*, имеющегося в литературном русском языке, и уменьшительного от него *дождичок*: Дождыцѣк-от, большой-то дож нѣту (СШ).

Очень употребителен на Печоре широко известный русским говорам и русскому просторечью глагол *дождить* [дождыт']: Пусть дождыт, гряды шыпко засохли (У-Ц). В этом же значении употребляется и *дождиться*: Дождыцца станет, кошэнину :загребите (С).

Широко представлены производные от этих глаголов, также распространенные в русских говорах: *дожденуть*, *выдождить*, *надождить*, *отдождить*, *подожидть*, *продожидть* и *продаждивать*, *раздождиться*, *задождить*, а также наречие *дождисто*. Примеры: Раздождыло как, дорога така плоха, не пройты

¹¹ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 119.

(Г) — 'размочило дождем'; Сѡнцэ-то показало, выяснивает, ф пятницу задожжыло, ф пятницу и оддожжыт бат (Г). Приставки в приведенных глаголах указывают на завершение, результат действия и т. п.: Зафтра дош бат будёт, сильный заливень, дождисто будёт (Г); Подожжыло да потуманилось, шшас опять солнышко нацинаёт (Г); Раздожжыця дак не поёдем; давно не дожжыло, натерпелось, бат и раздожжыця (Тр) — 'продолжительное время будет идти дождь'; Нѡнце надожжыло вездэ, по дорѡги гресь (В); У нас зделаной такой балаган цыганской ис травы, не продажжыват (У-Ц) — 'не пропускает дождь'; Дожжынѡло, дак плошшятка мокровата (Р) — 'прошел кратковременный дождь'.

Для обозначения разных видов дождя используются словосочетания *мокрый дождь* или *водяной дождь* 'сильный, крупный, обильный водой', *теменной дождь* 'кратковременный, из небольшой тучи', *слепой дождь* 'дождь при солнце': Гли, какой мокрой дош, так и бѣжат потоки (У-Ц); Слепѡй дошть: сѡнцэ жарит и дождит (КРч). Это выражение приводится в словаре Даля без каких-либо помет (IV, 229), оно известно и современному литературному языку.

Затяжной дождь называется *обложник* (от *обложить*, т. е. 'застилать все небо тучами'): Тѣмень-то найдёт и пройдёт, а обложник обложит, и сѡнцэ не показываця, дожжыт и дожжыт (З). Русским диалектам, так же как и литературному языку, известно выражение *обложной дождь* (Даль, II, 592; Ушаков, II, 659). Печорские говоры кроме общеупотребительного словосочетания имеют свой лексический вариант.

В значении затяжного и очень сильного дождя употребляют слово *заливень* и выражение *заливной дождь*, встречающиеся и в других севернорусских говорах (Даль, I, 597; Мельниченко, 71): Такой дош был, заливень, дак ой-ой-ой, мосты-то залило, из огорѡды брѣвна унесло (КРч); Ой, дожжа напахалось, куды ѣхать, заливной дош (Ч).

Очень употребительно на Печоре в значении 'редкий мелкий дождь' слово *бус* и производные от этого корня: Бусит маленький бус, дсж-от, ночь фсю был (Ст); Опѣть бусик нашѡл, бусит-то, бусит бусорма, маленька-маленька, белёт фсѣ (Н); Так побусило тѡлько малѣнько, где малѣнький дѡжжык (Рч); Вѡжу, што забусило, бус нашѡл (У-Ц).

Слово *бус* и производные от него (*бусит*, *бусенец*) были отмечены в Великом Устюге еще в XVIII веке (Симони, 444). В областных словарях есть ряд образований от этого корня с пометами, указывающими на широкое употребление их в говорах Севера и Сибири (см.: Опыт, 18; Даль, I, 145; Подвысоцкий, 12; Грандильевский, 105; Цомакион, 123; Сред. Обь, 55), значения этих слов те же, что и в печорских говорах. Для литературного языка ни слово *бус*, ни производные его не характерны. Очевидно, это заимствование: повсеместно в коми языке

бус означает 'пыль', а *буситны* 'идти мелкому, как пыль, дождю, моросить' (Коми-зыр. сл., 31); А. Л. Погодин называет слова *бус* и *бусить* зырянскими.¹²

В значении 'мелкий дождь' употребляется и слово *мóрось*, распространенное в севернорусских говорах (Даль, II, 348; Мельниченко, 113), ср.: Опять морось сегодня, давнó уш не дожды́ло (Н).

Дождевая вода, стекающая с крыши (по-местному «сарая»), называется *потока* или *поточная вода*: Потóка текёт не шыпко, иногда дош ли цё, дак говорят текёт потока; на сарай дожды́т, а с сарáеф и текёт потока, потóчная вода (Чк). Выражение *поточная вода* в том же значении отмечено Грандиловским (стр. 248). В Опыте дается *потóчник* (стр. 174) в словаре Куликовского — *потоки* (стр. 90), у Подвысоцкого — *потóко* (стр. 135), у Даля — *потóк* (III, 354). Все они имеют значение 'желоб под стрехой крыши для стока дождевой воды'. Таким образом, в печорских говорах слово *потока* не только имеет иное грамматическое оформление, но и употребляется в новом значении, возникшем, по-видимому, в результате переноса по смежности.

Помимо различных обозначений видов дождей, имеются различные наименования туч: *тумán* 'дождевая туча', *тумáниться*, *затумáниться* 'покрываться тучами': Опéть затумáнилось, сóнце-то не вíнно стáло, тумán какой идёт (КРч); *тумáнно* 'пасмурно': Опéть како́ тумáнно, бат опéть дождёвье́ бóдёт (КРч); *тёмень* 'большая темная туча'; Тёмень — сама тёмна тўця (Вр), уменьшительная форма от этого слова *теменцá*: Пойдёт, теменцá мáленькая, и пойдёт снeк зимóй, а лётóм дож (Зм); *теменítь*, *теменítься* 'покрываться дождевыми, темными тучами': Опéть задожы́т, опéть ужé там теменít (У); Цё-то кругóм стáло теменíщя (С).

Слово *темень* в значении 'туча' было отмечено еще в Опыте как архангельское (стр. 227), у Даля также с пометой «арх.» (IV, 397), у Подвысоцкого — как повсеместное (стр. 172). Очевидно, что оно издавна употреблялось в поморских говорах.

В значении 'туман' на Печоре, как и в других севернорусских говорах (Подвысоцкий, 92; Куликовский, 56), употребляются слова *мóрок*, *морочóк*: Такой мóрок поднялся, ницё не вíнно (Тр); Морочкí собираются, с утрá-то хорошó было (Вр). *Мóрочно* (*мóросно*) 'туманно': Тепло с морозом мешáецца, вот и мóрок, мóросно бывáет бедá, утром и вéцером живёт (Ф); Жар таксй, а утром мóрочно было, ницёгó не вíнно (Тр).

Употребительно на Печоре также слово *замолáживать* (безл.) 'появляться облакам на небе': Стáло замолáживать, уже не дожды́ть ли будет? (У-Ц). Оно отмечено в этом значе-

¹² См.: А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка. «Варшавские университетские известия», 1904, вып. 4, стр. 18.

нии во многих русских говорах (см.: Васнецов, 78; Мельниченко, 72; Даль, I, 604), известно другим славянским языкам (Преображенский, I, 550; Vasmer, II, 150) и принадлежит, по видимому, к словам древнейшего фонда.

Названия снега и льда

Редкий мелкий снег в безветренную погоду называют *порóхой*, *порóшкой*: Порóха зимой сыпит, каг дождик ребит, забелело вездé, на сарае, на дóме, вездé пороха идёт (С); И тёмно стáло, ветер, порошка была, снeк напáл (З).

Эти слова отмечены в том же значении Грандилевским (стр. 246), Васнецовым (стр. 239), Далем как «перм., арх.» (II, 321). Подвысоцкий даёт их в более узком значении 'первый выпавший снег' (стр. 133), которое совпадает с литературным *пороша* (Ушаков, III, 608). В Опыте с пометой «арх., новг.» даны *порóшка*, *порошúха* (стр. 171). По-видимому, на Крайнем Севере и Северо-Востоке слово *порóша* употребляется в его более древней форме, сохранив также старое, более широкое значение 'мелкий редкий снег (не обязательно первый), напоминающий пылинки в воздухе', ср. древнерусское *порохъ* 'пыль' (Срезневский, II, 1214), укр. *порох*, белор. *порох*, болг. *прахъ*, чеш. *prach*, польск. *prach* (Преображенский, II, 109; Vasmer, II, 410).

Поносúха 'снег с ветром, метель снизу' (ср. *понос* 'ветер'): Таки поносúхи зимой бывають, ветер да снeк, погода-то такá бываът, зимой большá поносúха подни́мецца, забóи и набьёт, сугробы-те (С). Это же слово с пометой «мез.» приводит Подвысоцкий (стр. 132), с пометой «сев-вост.» — Даль (III, 285).

Густой обильный снегопад, когда пушистый снег падает большими хлопьями, называют словом *падъ*, которое характерно для всех поморских говоров: Большá падъ, фсё вокрúк снeгом завáлит, много снeга (Ф).

Куревá 'густой снег с сильным ветром, метель': Погода, куревá какá, так и курит, снeк несёт шы́пко (З). Это слово в указанном значении имеет давнее и широкое употребление на Севере (см.: Опыт, 97; Подвысоцкий, 78; Грандилевский, 184; Куликовский, 46; Рыбников, 18; Даль, II, 222).

Встречается в печорских говорах и древний глагол *курить* (Преображенский, I, 417; Vasmer, I, 400) в значении 'поднимать клубы снега; заметать снегом': Шы́пко куря́т ветра́, таки занóсы, снeги (У-Ц).

На Крайнем Севере, в низовьях Печоры, употребляется также слово *тонзёр* 'курева, метель', заимствованное из ненецкого языка (см.: Рус.-нен. сл., 230: танзёр 'пыль'): Вьюга и тонзёр — одно и то же, тонзёр по земли несёт (Гл).

Очень употребительно в печорских говорах слово *пýрга*, широко известное на Крайнем Севере, Северо-Востоке и в Сибири

(Опыт, 184; Даль, III, 539). Подвысоцкий дает его с пометой «запечор.» и относит к зырянским, образованным от финского корня риг 'туман' (стр. 143), на финское происхождение указывают также Грот¹³ и Ушаков (III, 1070).

Слово *пурга* имеет широкое распространение не только в коми литературном языке, но и во многих коми говорах (Коми-зыр. сл., 308). Очевидно, это старое заимствование из коми языка, так как повсеместно на Печоре оно сохраняется преимущественно с ударением на первом слоге (как в коми языке) и часто встречается в печорском фольклоре, например: «Пригибают его да пурги северные. Бьют-секут-то его да дожди резкие».¹⁴

Бурю с сильным вихревым ветром, с дождем или снегом называют *падерой*, *бурей-падерой*: Лётки на гору замётывало, крышы рвало з домбф, така падера была (Т). Это слово часто встречается также в местном фольклоре: «Мы сомкнем-сокрушим врага-насильника, как былиночку, Как былиночку буря-падера, Нет во чистом поле такой былиночки, Чтоб стояла, не клонилась, в бурю-падеру. Нет на всей земле такой, силушки, Чтоб выстояла против Красной Армии».¹⁵

Слово *падера* было отмечено в конце XVIII века в Великом Устюге в значении 'погода, буря зельная' (Симони, 446). Как обозначение бурной погоды с сильным ветром, дождем или снегом оно известно в новгородских и псковских говорах (Опыт, 181), в олонечких и архангельских (Куликовский, 77; Подвысоцкий, 115). Выражение *пурга-падера* 'сильная снежная метель' Подвысоцкий фиксирует как запечорское.

Снежный занос, сугроб, прибитый к строению или забору снег называют *забоём*: Пурга быват, идёт полосами, меш дворами, где въёт ветер, кучка, набьёт забои эти самые, бывають разны годами, смотря какой ветер, около кустоф тожэ нарывають забои (Б). Это слово, по-видимому, издавна известно архангельским и сибирским говорам (Опыт, 59; Подвысоцкий, 46; Даль, I, 553; Цомакион, 126).

Снег с дождем называется *шляка*, *шляча*, *слéча*: Шляка — мокроть, не дош, а дожжыт, и снек вместе идёт, под весну и осенью шляка, шляча бываёт (Г); в фольклоре: «Некуда не мог пути дать. На улице ненастьё, дош, слеча мокра».¹⁶

Отмеченное в словаре Даля как «сев. и сиб.» (IV, 230), слово *шляка* или *шляча* употребляется во многих коми говорах, в том числе ижемских и печорских (Коми-зыр. сл., 430), с тем

¹³ См.: Я. Грот. Филологические разыскания. «Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка», т. II. СПб., 1885, стр. 447; также в Фин.-рус. сл., стр. 177.

¹⁴ Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор, стр. 152.

¹⁵ Там же, стр. 158.

¹⁶ Н. Е. Ончуков. Северные сказки, стр. 45.

же значением. Возможно, что оно также является коми заимствованием в печорских русских говорах.

Повсеместно известны на севере (Даль, II, 164) и в печорских говорах слова *кёржа* или *кёржак* 'изморозь, иней', *кёржать* (*кёржить*) и производные от последних *закёржать*, *закёрживать*, *накёржить*, *окёржать*: Окёржат лицо фсе, такой кёржак, брови, лицо окёржат, белые фсе (Г); Над дверями ин гот накёржит много, так и спяхиваем на улицу (С); Кёржа, выйдем на калидор, столько на тебя кёржи нападёт; где тепло идёт, там и кёржит (Т); Борода да фсе оммёрзнет, фсе закёржало (У-Ц). Подвысоцкий указывает на повсеместное распространение многих из этих образований в архангельских говорах (стр. 78); однокоренные слова отмечены также в олонцких (Куликовский, 70), холмогорских (Грандилевский, 152, 219, 184), вятских (Васнецов, 76, и 118) и сибирских говорах (Цомакион, 129).

Слово *куржевина* в значении 'иней' было свойственно еще в XVIII веке устюжскому говору (Симони, 445). В Опытте *куржак*, *куржаветь* и другие слова с этим же корнем характеризуются как широко распространенные в северных областях и Сибири (стр. 97). Слово *куржа* широко известно в коми говорах на Ижме, Удоре, Выми, так же как и глаголы *куржыны*, *куржайтны*, *куржавитны* (Коми-зыр. сл., 181). По-видимому, это очень давнее заимствование из финно-угорских языков (ср. книга 'иней' — Фин.-рус. сл., 100¹⁷), получившее широкое распространение по всему северу, от него образован ряд новых слов с помощью русских аффиксов.

В значении 'наледь на снегу, наст' употребительно на Печоре слово *наракуй* или *нырыкуй*, заимствованное из ненецкого языка (ср. ненецк. *нара*, 'наст' — Рус.-нен. сл., 147): Снег весной стает, продолжит его, а потом он замёрзнет, даже лошадей поднимает, не то што человека, нырыкуй такой станет (Г); Весной наракуй стали, морозит, по наракую в лес подем (Т). Даль отмечает *наракуй* как мезенское (II, 460), такая же помета у Подвысоцкого с указанием на происхождение этого слова из ненецкого языка (стр. 98).

В значении 'наст, плотный слой снега' употребляется слово *чир*, заимствованное из коми языка (см.: Коми-зыр. сл., 413; Kalina, Зыр. II), а также *чирйна*, образованное от коми-зырянского корня с помощью русского суффикса: Чир плотной, он остужаецца и большими кусками уплотница, тепло падёт, а потсм морос, по цыру и ходиш, плотна цирйна (Н). Имеется также глагол *зачиреть* от этого же корня: Когда зачирит снег, можно без лыш пройти, чир стал, сухим ветром забило (Г). Слово *чир* в указанном значении распространено повсеместно

¹⁷ См. также: А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка, стр. 37.

в архангельских говорах (Подвысоцкий, 189) и сибирских (Даль, IV, 605).

Существуют немало различных названий льда на реке. Мелкий рыхлый лед, плывущий по реке осенью перед ледоставом, называют *шугой*: Шуга́ во фсю Печору несёт, скоро лёт замёрзнет (КРч). Глагол *зашугать* употребляется как безличный: Зашуга́т осенесь, не замёрзнет река́; морозец ма́ленький, шугу́ и понесёт, река́ става́ть ста́нет (С).

Широко употребительное на Севере и в Сибири слово *шуга* известно многим коми-зырянским диалектам, в том числе северным (Коми-зыр. сл., 436) и коми литературному языку (Коми-рус. сл., 783). В Опыте (стр. 268) и у Даля (IV, 647) оно дано также с пометами, указывающими на его распространение в русских северных, северо-восточных и сибирских говорах. Есть все основания считать его заимствованием из финского (Kalima, 48; Фин.-рус. сл., 209; sohjo 'шуга').

Лед, примерзший к берегу перед ледоставом, называют *припаёк* или *припайка*: Холод бу́дет, да ма́ленько приме́рзнет вода́ г берегу́, э́то и будет припаёк (Чк). Словари указывают на его широкое употребление в северных и сибирских говорах (Подвысоцкий, 139; Даль, III, 431). Русскому литературному языку известно *припай*, которое дано в словаре Ушакова с пометой «пец.» (III, 833).

Подтаявший на льду снег или вода, вышедшая на лёд и смешавшаяся со снегом, называется *слу́зом*, употребляется также глагол *ослу́зить*: Слуз — на мякúшу вода́ выйдёт, на мяккой снек на льду́ выйдёт вода́ ис-подо льду́, вот и ослу́зило (Гл). Слово *слуз* известно издавна архангельским говорам (Опыт, 207; Подвысоцкий, 159; Даль, IV, 224). Возможно, что образовано оно от древнерусского *слузь*, означавшего мокроту, слизь (Срезневский, III, 433).

Кроме литературного *льдина* на Печоре распространено слово *станйца*: Лёд несёт, одни большы́ станйчи́, други́ ма́леньки, таки́ льдины́ (X). Большую льдину или нагромождение льдин называют *стамухой*: Таки́ стамухи́ иду́т крупны́, запор— фсе́ торосьям забйло (Гл). Слово *станйца* встречается во многих областных словарях (см. Опыт, 214; Даль, IV, 313; Мельниченко, 192), но везде в значении 'стая, табун, гурт', в Заонежье оно известно в значении 'множество, большая семья' (Куликовский, 112). В печорских говорах это слово употребляется только как 'льдина', выступая, таким образом, в новом значении, неизвестном другим русским говорам. Слово *стамуха* отмечено в архангельских говорах (Даль, IV, 310) и на Мезени (Подвысоцкий, 163) в значении 'огромная, как остров, льдина или стоячая ледяная глыба'. В таком же значении находим его у Ушакова с пометой «обл., спец.» (IV, 479).

Неподвижное нагромождение льда, препятствующее движению, ледяной затор на Печоре называют *завалом* или *спором*

(от *спирать*): Спор называют, это когда ледохёт, а в одном месте вода шьпко замёрзнет, или остроф какой, вот и пойдёт лёт на лёт, и образуецца спёр-то, да ешшó и завáл называецца (З). В том же значении слово *спор* (без каких-либо помет) дано у Даля (IV, 290). В словаре Ушакова — помета «спец.» (IV, 446).

Rónax 'тонкий лед с торчащими неровными краями': Рóпá-хи — ковдá Печóра стáнет и льдýнка на льдýнку найдёт, между льдýнками óчень слáбый лёд идёт, мóжет опусти́цца (НБг). Это слово отмечено в архангельских говорах (Подвысоцкий, 148; Даль, IV, 103—104). Куликовский помещает *ronac* с тем же значением (стр. 101). Погодин соотносит *ronax* с карельским *rapakka*, которое означает 'рваный, неровный'.¹⁸ Грот с финским *ropakko*,¹⁹ Kalima — с карельским *guoras* и финским *guoras* (стр. 204). Очевидно, и это слово является одним из финно-угорских заимствований в наших севернорусских говорах.

После основной массы льда идет более мелкий лед с верховьев реки, так называемая *верхóвка*: Коренна́ наша Пецёра пройдёт, потóm цёрна верхóвка пойдёт, свёрху, с Троицко-Пецерьска (М). В архангельских говорах это слово отмечено только в значении 'прибылая вода от дождей или весеннего половодья' (Подвысоцкий, 17; Грандильевский, 109; Даль, I, 185), в первом из отмеченных значений его можно считать местным, печорским.

Остатки плывущего льда, мокрого и мелкого, называют *мятýк*, *мятёж*: Метёж — мелкий лёт, его вы́мело, он мя́ккой, мелкий стал (З); Лёд уж метýк пошбл, фсё метиком забило, мелкой он такой, мёлки льдýнки (Т). В словаре Даля и в других областных словарях эти слова в указанном значении не отмечены, они являются, по-видимому, местными образованиями.

Широко известно на Печоре и общеупотребительное на Севере и в Сибири (Подвысоцкий, 45; Куликовский, 24; Грандильевский, 145; Даль, I, 551; Цомакион, 126) слово *заберега*, 'вода у берегов перед вскрытием реки': Заберега — это вода по берега́м, из-подо льду́ вода, лёд од берега́ф отстáл (У-Ц).

В заключение можно отметить следующее:

1. Лексика печорских говоров, отражающая явления природы, состоит в основном из общеупотребительных слов, имеющих в русском литературном языке: *ветер северный, южный, западный, восточный, боковой; дождь, туча, снег, лед, наст, льдина, шуга, вьюга, буря, пурга* и др.

2. Местные названия, как правило, представляют собой однословные суффиксальные образования, в то время как в русском литературном языке для выражения тех же значений

¹⁸ Там же, стр. 54.

¹⁹ Я Г р о т. Филологические разыскания, стр. 586.

им соответствуют обычно словосочетания: *верховец* -- ветер с верховья реки, *низовец* — ветер снизу (от устья реки), *обложник* — обложной дождь, *заливень* — проливной дождь.

3. Некоторые местные слова отсутствуют в русском литературном языке и не отмечены областными словарями: *мятик, потока, станица, верховка*.

Значительной по количеству является группа лексики, являющаяся общей для говоров Крайнего Севера и Северо-Запада, т. е. для архангельских, печорских, новгородских, олонечких говоров (*летник, шелоник, обедник, полночник, поносуха, заберега, падера, погода* в значении 'ветер' и др.).

4. Имеется группа слов, включающая в себя немало финских и коми-зырянских заимствований и распространенная в основном в северо-восточных областях и в Сибири (*пурга, шуга, шляча, чир, бус, куржа, ропах*). Заимствованная лексика, по-видимому, давно освоена говорами, так как имеется много производных от неё слов, построенных по законам русского словообразования (*чирина, зачиреть, бусорма, бусенец, окуржать, куржевина, зашугать* и др.).

Небольшая часть лексики, употребительной на нижней Печоре и в соседних архангельских говорах (но не отмеченной другими областными словарями), представляет собой заимствования из ненецкого языка: *наракуй, тонзёр* и др.

Заимствования финно-угорского происхождения для обозначения явлений природы относятся главным образом к названиям различных видов снега и льда, что, безусловно, связано с особыми климатическими условиями Крайнего Севера и представляет собой, таким образом, более поздний пласт в лексике говоров этих мест.

Напротив, названия ветров, употребляемые в печорских говорах, распространены не только в поморских, но также в олонечких и новгородских говорах. Они представляют собой, по-видимому, наиболее архаический слой в севернорусской лексике, отражающей явления природы, так как связаны с мореходством и рыбным промыслом, которые издавна были известны новгородцам.

А. С. ГЕРД

ИЗ ИСТОРИИ ПЕЧОРСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ

Богатство названий рыб в русских говорах по реке Печоре отражает разнообразие ее ихтиофауны. Среди русских названий рыб там встречаются такие, как *вьюн* (тихоокеанская минога), *стерлядь* (*Acipenser ruthenus*), *осётр* (*Acipenser baeri*), *сёмга* (*Salmo salar*), *палья*, *голец*, *кумжа* (*Salvelinus lepechini*), *таймень*, *лен* (*Hucho taimen*), *нельма* (*Stenodus leucichthys nelma* n. *petschorae*), *сиг* (*Coregonus lavaretus pidschian* n. *petschorae*), *чир* (*Coregonus nasus*), *пелядь* (*Coregonus peled* n. *petschorae*), *зельдь*, *елец* (беломорская ряпушка *Coregonus sardinella* n. *marisalbi*), *омуль* (*Coregonus autumnalis lepechini* n. *petschorae*), *нагиш* (беломорская корюшка *Osmerus eperlanus dentex* n. *dvinensis*), *хариус* (*Thymallus thymallus*), *язь* (*Leuciscus idus*), *сорога* (плотва *Rutilus rutilus fluviatilis*), *лец* (*Abramis brama orientalis*), *елец* (*Leuciscus leuciscus*), *гольян* (*Phoxinus phoxinus*), *карась* (*Carassius carassius*), *щука* (*Esox lucius*), *окунь* (*Perca fluviatilis*), *ерш*, *подкаменщик*, *колюшка* (редко), *налим* (*Lota lota*); в дельте реки — *навага*, *камбала*, *бычок четырехрогий*.¹

Ниже анализируется история только слов (*пелядь*, *омуль*, *чир*, *сорога*, *зельдь*, *смяка*, *саурей*), которые обозначают виды рыб, широко распространенных прежде всего в Печоре.

Источники статьи: 1. Картотека Печорского областного словаря Межкафедрального словарного кабинета имени Б. А. Ларина ЛГУ, в дальнейшем — КПС; 2. Г. У. Линдберг и А. С. Герд. Словарь названий пресноводных рыб СССР (в печати, рукопись хранится в Ихтиологической комиссии АН СССР в Москве), в дальнейшем — СНПР.²

Пелядь. В значении 'вид рыб *Coregonus peled*' неоднократно зафиксировано на Печоре экспедициями ЛГУ это слово (Г,

¹ См.: О. С. Зверева, Е. А. Кучина, Н. А. Остроумов. Рыбы и рыбный промысел среднего и нижнего течения Печоры. М.—Л., 1953.

² Ниже источники раскрываются только в случаях, когда материал извлечен не из СНПР.

У-Ц, Н, Нб) и уменьшительная форма *пеледка* (К; Тр, Р; У, СЩ).

Отметим ареал разных форм слова в указанном значении по данным СНПР: *пеледь* Мезень, Печора; *пелядь* арх.: Печора; ср. т. Печоры, н. т. Печоры, Мезень, н. т. Енисей, Колыма; *пелять* н. т. Печоры, в. т. Печоры, Оби, рр. Сыня, Сев. Сосьва.

Слово *пелядь* отсутствует во всех остальных русских говорах, не найдем мы его и в словарях других славянских диалектов. Однокорневые образования *пелдьятка*, *пелятка*, *пелядочка* зафиксированы помимо печорских и мезенских говоров только на Колыме (Богораз).

Все данные свидетельствуют об относительно узком ареале исследуемого слова (говоры по рекам Печоры и Мезени); на Оби вместо него для обозначения того же вида встречаем наименование *сырок*.

С другой стороны, слово *пелядь* зафиксировано в таможенных книгах Великого Устюга, составленных в 1651—1652 гг.: «Явил рыбы продать 3 осетра весом пол пята пуда, семги 16 рыб, 22 пеледи свежих»; «Явил продать... 700 рыбы пеледей и чиров свежих».³ В аналогичных употреблениях оно встречается также в приходо-расходных книгах Устюга Великого за 1682—1683 гг.⁴ Это слово зафиксировали в XVIII в. и первые русские путешественники-естествоиспытатели на север. У Палласа: *Peled* (Архангельск);⁵ у Лепехина читаем: «Пеледь — для вкуснаго и жирнаго своего тела в особливомъ почтении и у града Архангельска».⁶

Характерно, что наименование *пелядь* употребляется только в деловых памятниках Великого Устюга, оно отсутствует в многочисленных новгородских писцовых книгах, как и в различных отписках и актах о рыбной ловле из других краев Московской Руси. Именно Великий Устюг был в XVII в. одним из важных пунктов торговли Москвы и Центра с русским Севером. Более того, в велико-устюжских таможенных книгах постоянно встречаем записи о печорских людях и зырянах, привозивших с Печоры чиров, пелядь и другую рыбу.

В XVII в. слово *пелядь*, по-видимому, представляло собой севернорусский диалектизм, оно лишь эпизодически встречается в деловых торговых документах, составители или писцы которых непосредственно общались с теми, кто привозил эту рыбу на продажу. Слово *пелядь* так и не проникло в общенародный язык Московской Руси, как диалектизм оно встречается и в памятниках старорусской письменности; именно через тор-

³ Таможенные книги Московского государства XVII в., т. II. М.—Л., 1941, стр. 49, 305.

⁴ См.: Русская историческая библиотека, т. 14. СПб., 1894, стр. 1054.

⁵ P. S. Pallas. Zoographia Rossico—asiatica, t III. SPb., 1811, S. 142.

⁶ И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия, т. III. СПб., 1770, Прибавление, стр. 14.

говцев рыбой, приезжавших в Великий Устюг по Вычегде с Мезени и Печоры, оно попадает в таможенные и расходные книги XVII в.

Характерно, что В. Ф. Зуев, который путешествовал в XVIII в. по Оби и зарегистрировал большое число местных названий рыб, слова *пелядь* не отмечает.

Как проникло оно в русский язык, откуда появилось в русских говорах на Печоре и Мезени? М. Фасмер рассматривает его как неясное по происхождению. Материалы старорусской письменности и русских диалектов свидетельствуют о том, что до прихода на Печору русские не знали слова *пелядь*. Здесь, на Печоре, они сталкиваются с новым видом рыб, для которого у них нет своего наименования, но оно было в языке тех племен, которых они встретили в местах новых поселений, этим племенем были коми. Из печорских коми-зырянских диалектов данное слово в том же значении 'Coregonus peled' и проникает в русские говоры. Ср. *пелядь* 'вид рыб' иж. печ. (Жилина); *pelid* в том же значении (Fokos-Fuchs) коми *peled* (Wiedemann), также коми *пелядь, пелеть*.⁷ В течение долгого времени *пелядь* было узкоместным наименованием, известным лишь в русских говорах нижней Печоры; в XVI—XVII вв. через торговцев рыбой оно проникает и в тексты таможенных книг, и в соседние архангельские говоры; с XVIII в. через описания русских путешественников-естествоиспытателей оно попадает непосредственно из русских печорских говоров в ихтиологическую терминологию, а с освоением новых промысловых районов из терминологии и в русский литературный язык (Сл. 1847 г., БАС).

Казалось бы, наличие слова *пелядь* на далекой от Печоры Колыме противоречит подобным выводам. Скорее всего, однако, в определенный исторический период часть русских переселенцев на Колыму была выходцами именно из северо-архангельских мест, с низовьев Мезени и Печоры. Им уже было знакомо это слово, и здесь, на Колыме, они стали называть так сходные виды рыб. Характерно, что именно на Колыме отмечено и уменьшительное образование *пелятка*, широко распространенное в печорских говорах.

Омуль. Экспедициями ЛГУ слово зафиксировано повсеместно на средней Печоре. Богато представлено в КПС и *омулёвка* 'сеть для ловли омуля' (П; К, У-Ц; Тр; Г, СИЦ, Н; С). По данным СНПР слово *омуль* 'вид рыб *Coregonus autumnalis*' — севернорусское. Ср.: *омуль* — н. т. Печоры; р. Уса; арх.: Мезень; н. т. Енисей, Лены, Колымы; *береговой омуль* '*Coregonus migratorius*' — Байкал. Обращают на себя внимание факты наличия слова в Сибири, ср. терминологическое *омуль байкальский*.

---

⁷ П. Г. Борисов. Обь-Иртышский водоем. «Рыбное хозяйство», 1923, вып. IV, стр: 166—249.

По данным различных источников довольно четко намечается западная и южная граница распространения слова: от русских архангельских печорских и мезенских говоров — в Сибирь, низовья Енисея, Лены, Колымы, Байкал. Оно не зафиксировано ни в одном из других славянских языков.

В то же время слово *омуль* широко известно в различных памятниках старорусской письменности XVII в.⁸ В таможенных книгах Великого Устюга: «И на те товарные деньги купил на Устюге товару: рыбы сигов 3 бочки до омылей 2 бочки, да семги 24 п.» (за 1633 г.); «Октября в 17 день соливычегоцкой Ларион Васильев сын Пивоваров пришел с Печоры в каюке... явил продать 10 бочек сигов рыбы, да бочку омылей» (за 1633 г.); «Явил продать 4 бочки рыбы семги, бочку омулей, бочку сигов» (за 1651 г.),⁹ а также за 1652, 1653, 1676 и 1677 гг.; в Таможенной книге Сольвычегодска за 1677—1678 гг.;¹⁰ в Житии Аввакума читаем: «Рыба в нем [Байкале] — ссетры, таймени, стерляди и омули и сиги и прочих родов много».¹¹ Наконец, в одном из списков Повести о Ерше Ершовиче XVIII в. находим форму *омиль* в образном употреблении: «Судиям имена... дети боярские, пескиши, омиль, россыльщик, окунь доводщик».¹²

В XVII в. слово *омуль* наряду с таможенными книгами, составленными в Устюге Великом и Сольвычегодске, зафиксировано у Аввакума при описании омуля байкальского. В целом данные памятников хорошо согласуются с показаниями современных диалектов (Сибирь, русский Север). Ср. также факты, приводимые в работах путешественников середины XVIII в. Паллас: *omul* 'рыба *Salmo omul*' — у русских в Архангельске и в Сибири;¹³ Лепехин: *омуль* '*Salmo autumnalis*';¹⁴ Георги: «Когда осенью бывают омоли (*Salmo gregarius*)... то делают они [тунгусы] неподалеку от берега из прутьев сплетенную городьбу»;¹⁵ Зуев: *омыль*.¹⁶ И здесь тот же ареал — русские сибирские и архангельские диалекты.

Как же, когда и откуда проникло это слово в говоры на Печоре? Показания диалектов и данные письменности застав-

⁸ Впервые встречается в Приходо-расходных книгах Антониева-Сийского монастыря 1577 г. (Материалы Древнерусского словаря, Ин-т русского языка АН СССР, Москва).

⁹ Таможенные книги Московского государства XVII в., т. 1. М.—Л., 1950, стр. 24, 23; т. II, М.—Л., 1951, стр. 55.

¹⁰ Там же, т. III. М.—Л., 1951.

¹¹ Житие протопопа Аввакума. М.—Л., 1960, стр. 86.

¹² В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 153 (3-я ред. повести).

¹³ R. S. Pallas. Zoographia. . . , S. 406.

¹⁴ И. И. Лепехин. Дневные записки. . . , стр. 17.

¹⁵ И. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. III. СПб., 1799, стр. 44.

¹⁶ В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.—Л., 1947, стр. 69.

ляют предполагать о том, что оно попало в русский литературный язык несколькими путями. К XVII в. в разных формах (*омуль*, *омыль*, *омиль*) это слово, по-видимому, было известно русским не только на Байкале и Енисее, но и в районе Печоры (факты таможенных книг). В язык Московской Руси оно проникает через торговцев рыбой, во-первых, из Великого Устюга и Сольвычегодска, со стороны Печоры, а во-вторых, из Сибири, со стороны Байкала. Характерно, что в таможенных книгах слово *омуль* появляется чаще всего именно при описании товаров, привезенных с Печоры. Неустойчивость его графической формы в текстах памятников заставляет предположить, что в XVII в. оно воспринималось еще как местное, экзотическое и являлось, по-видимому, диалектизмом. Записки русских путешественников-естествоиспытателей свидетельствуют о широком распространении этого слова в XVIII в. среди русских в Сибири и на крайнем севере (Печора). В XVIII в. оно постепенно закрепляется и в языке Москвы (Повесть о Ерше Ершовиче).

Остается неясным, однако, как попало это наименование на Печору. Наличие различных форм слова (*омуль*, *омыль*, *омиль*), зафиксированных в памятниках письменности, отсутствие его во всех русских говорах, кроме сибирских и печорских, заставляет предположить, что оно является заимствованным в этих диалектах. Ср., например, монг. *отолі* (Пекарский). В данном случае представляется необоснованной этимология, приводимая в словаре Фасмера и связывающая *омуль*, *омулёвка* с выражением *мулить воду*. По-видимому, слово *омуль* первоначально было заимствовано из монгольского в якутский (ср. якутск. долган. *омул*, *омуль* — нижн. т. Енисея), а из якутского — в соседние восточносибирские (байкальские) русские диалекты; позднее через русских промышленных людей попадает оно с низовьев сибирских рек на Печору, где прочно входит в речевой обиход местного русского населения (ср. широкое распространение здесь производных *омулёвка*, *омулявка*).

Чир. В значении 'вид рыб *Coregonus nasus*' это слово неоднократно зафиксировано в КПС (П; Г; Нб, С). Помимо русских говоров по реке Печоре в указанном значении оно отмечено только на Мезени, в низовьях Оби, Енисея, Хатанги, на Колыме и Анадыре по данным СНПР.

В памятниках старорусской письменности это слово встречается с середины XVII в. — в таможенных книгах Сольвычегодска за 1651—1651 гг.: «Явил продать... 15 п. рыбы сухие щучины, 700 рыбы пеледей и чиров свежих, 30 кож оленьих»;¹⁷ в приходо-расходных книгах Великого Устюга 1682—1683 гг.: «Февраля в 13 день куплено у них же Афонася и у Ивана, зырянъ свѣжих рыбъ щука да чирь, да караса»; «Февраля въ 16 день куплено свѣжих рыбъ щука лещ, чирь, мускинъ, стер-

¹⁷ Таможенные книги Московского государства XVII в., т. II, стр. 411.

ледь у Ивана Зырянинова меньшева, да у Афонася Ключова»; «Того жь числа куплено у нихъ же зырянъ, у Афонася зъ братьями, свѣжихъ рыбъ щука да чиров трое»,¹⁸ а также в таможенных книгах Великого Устюга за 1678—1679 гг. и Беломорских актах XVII в.¹⁹ Все эти памятники созданы на севере Московской Руси. Ареал слова по данным старорусской письменности, таким образом, в значительной степени совпадает с показаниями современных диалектов.

Отсутствие слова *чир* в других русских говорах, кроме печорских и мезенских (за исключением низовьев сибирских рек), показание деловых документов XVII в., постоянные упоминания в них о печорских людях и зырянах, привозивших эту рыбу с Печоры в Сольвычегодск и Устюг Великий — все это заставляет предположить, что именно из русских говоров по реке Печоре проникает это наименование в тексты старорусской письменности. В деловых памятниках XVII в. оно представляло собой диалектизм.

В русские говоры слово *чир* проникло, по-видимому, из соседних коми-зырянских или ненецких диалектов. Ср. коми чир;²⁰ tsir (Kalima);²¹ ненец. юракск. chuggi 'сибирский осетр';²² chÿgé 'то же'.²³ Менее вероятно, что оно было заимствовано непосредственно из территориально более удаленных говоров ханты-мансийского языка, ср. ханты-манс. chuge, kÿg, kugaï, kuggi, kugre (СНПР).

Позднее, в середине XVIII в. из печорских и сибирских говоров через описания русских естествоиспытателей проникает это наименование в ихтиологическую терминологию. Паллас: tschir 'Salmo nasutus' — у русских в Сибири;²⁴ Лепехин: чир 'рыба';²⁵ Зуев: *чир*.²⁶ Наличие слова *чир* в низовьях Оби, Енисея, Хатанги, Колымы и Анадыря вновь свидетельствует об определенных лексических связях русских говоров на крайнем северо-востоке Сибири с говорами по р. Печоре. С другой стороны, обращает на себя внимание якутское *чыр* 'рыба *Coregonus nasus*', *чыр балык* 'чир озерный' (Пекарский); *чыыр* 'рыба чир'.²⁷ Не исключена возможность проникновения слова *чир* в русские говоры по Колыме и прямо из соседних якутских диалектов.

18 Русская историческая библиотека, т. 14, стр. 1054.

19 И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, стр. 90.

20 См.: П. Г. Борисов. Обь-Иртышский водоем, стр. 190.

21 Также: В. Ф. Зуев. Материалы..., стр. 69.

22 P. S. Pallas. Zoographia..., S. 92, 103.

23 См.: В. Ф. Зуев. Материалы..., стр. 69.

24 P. S. Pallas. Zoographia..., S. 401.

25 И. И. Лепехин. Дневные записки..., стр. 16.

26 В. Ф. Зуев. Материалы..., стр. 69.

27 П. С. Кириллов. Водоемы Якутии и их рыбы. Якутск, 1955, стр. 5.

Сорога. В значении 'плотва' это слово неоднократно зафиксировано экспедициями ЛГУ на Печору (У-Ц; Зм, Нб; Тр, Г, У; З, С, Ст). В материалах Б. Ярасова отмечено *сорожка*. (Г, Зм; С).

В целом ареал различных форм слова гораздо шире. Ср. данные СНПР: *сарга* 'аральская плотва *Rutilus rutilus aralensis*' — р. Урал; *сарожка* 'аральская плотва *Rutilus rutilus aralensis*' — урал.: фурм.; Арал. м.: Нукус; Сыр-Дарья, Арал. м., Казалинск; *сорга* 'плотва *Rutilus rutilus*' — арх.: Зимний берег, Холмог., шенк.; *сорога*: 1) 'язь *Leuciscus idus*, молодь' — сиб.; 2) 'елец *Leuciscus leuciscus*' — сиб.: р. Тура; Қалыма; 3) 'сибирский елец *Leuciscus leuciscus baicalensis*' — зап. сиб.; 4) 'плотва *Rutilus rutilus*' — ср. т. Печоры, Пиннега; арх.: Зимний берег, холмог., шенк., Кенозеро, оз. Лаче; карел.: Водлозеро; р. Шексна; Белое озеро: Волхов; н. т. Волхова: Новая Ладога; кир.: в т. Вятки, р. Летка, Волга; казан.: Волга; западные склоны Урала; урал.: Кама, Елово, перм.; Обь, Иртыш, Малая Обь, Лозьва, Тавда; 5) 'сибирская плотва *Rutilus rutilus lacustris*' — сиб.; 6) 'красноперка *Scardinius erythrophthalmus*' — Белое озеро; Волга; *сорожина* 'сибирская плотва *Rutilus rutilus lacustris*' — Обь, Иртыш; Қолыма; *сорожка*: 1) 'сибирская плотва *Rutilus rutilus lacustris*' — Енисей; н. т. Енисей; 2) 'таласский елец *Leuciscus lindbergi*' — кирг.; 3) 'амурский горчак *Rhodeus sericeus*' — Амур; 4) 'горчак *Rhodeus sericeus amagus*'; 5) 'плотва *Rutilus rutilus*' — ср. т. Печоры; Белое озеро; казан.: оз. Таир; Волга, западные склоны Урала; урал.: Кама, Елово, Пермь; 6) 'аральская плотва *Rutilus rutilus aralensis*' — р. Урал; 7) 'красноперка *Scardinius erythrophthalmus*'; *сорожняк*: 1) 'плотва *Rutilus rutilus*' — новг.; Волга; зап. склоны Урала; нижегор.: оз. Светлое; урал.: челяб.; 2) 'сибирская плотва *Rutilus rutilus lacustris*' — Обь, Иртыш, в. т. Енисей; 3) 'красноперка *Scardinius erythrophthalmus*' — Волга; *краснопёрная сорога* 'красноперка *Scardinius erythrophthalmus*' — казан.; *стреговая сорожка* 'русская быстрянка *Alburnoides bipunctatus rossicus*' — урал.: Кама, Чусовая; *сторожевая сорожка* 'то же' — урал.: Кама, Чусовая.

Отметим следующий ареал рассмотренных форм: *сарга* — р. Урал; *сарожка* — р. Урал, Арал. м., Сыр-Дарья, Аму-Дарья; *сорга* — арх.; *сорога* в значении 'плотва' — арх., Печора, Водлозеро, Белое озеро, Шексна, Волхов, кир.: Вятка, ср. т. Волги, Кама, в значении 'сибирская плотва' — Обь, Иртыш, Енисей, Норильск, Лена, Байкал; *сорожина* 'сибирская плотва' — Обь, Иртыш, Қолыма; *сорожка* 'сибирская плотва' — Енисей, 'таласский елец' — кирг., 'амурский горчак' — Амур, 'аральская плотва' — р. Урал; *сорожняк* 'плотва' — новг., Волга, Приуралье, 'сибирская плотва' — Обь, Иртыш, Енисей, 'красноперка' — Волга.

Таким образом, слово *сорога* и его производные широко из-

вестны в севернорусских говорах, на Волхове, средней и нижней Волге, на Урале, в Сибири до Дальнего Востока, в Средней Азии, не отмечено оно в средне- и южнорусских говорах.

Приведенные материалы свидетельствуют о наличии определенных связей между севернорусскими говорами и говорами верхнего течения Волги, Приуралья и Зауралья, Сибири и Средней Азии вблизи Аральского моря и по реке Урал (поселения бывших яицких казаков).

Значительно труднее наметить ареал этого слова по данным памятников письменности. В старорусских деловых документах оно известно с начала XVII в.: «Старець Феодосей Борков купил в Заозерских селех рыбы... 104 шуки... 2420 юраньчиков, 404 тараоары, 590 омулей и сорог» (1608—1609 гг.);²⁸ «Майя в 31 день устюжана... явили рыбы щук соленых и язей, и сорог 36 кадок»; «Устюжанин Меркурей Щапков приехал ис Казани... явил рыбы свежие щук и окуней и сорог на 4 р.».²⁹ В аналогичных текстах в том же значении встречается слово и в велико-устюжских таможенных книгах за 1650, 1651, 1652 гг., *soroga* отмечено также у Р. Джемса (Ларин). Наконец, в образном употреблении встречаем его в Повести о Ерше Ершовиче в редакции начала XVIII в.: «Есть на то у меня свидетели, есть сорога — послать далеко дорога».³⁰

Очевидно, таким образом, что слово *сорога* в значении 'вид рыб (плотва)', было известно в XVII в. на всем русском севере, в районе Белого озера.

Наименование *сорога* с середины XVIII в. отмечалось русскими путешественниками в самых различных местах. Лепехин, описывая озера Башкирии, наряду с другими рыбами, упоминает и сорог.³¹ Зуев указывает, что *сорога* — основное название плотвы в Западной Сибири.³²

Все этимологи рассматривают русское *сорога* как заимствование из финно-угорских языков: его сравнивают с финск. *Särki*, эст. *särg*, эрзя-морд. *сарга*, мокша-морд. *сарга*, остяц. *сарак*, *сорох* (Веске); с карел.-олон. *särgi*, финск. *särki*, удм. *sarçi*, эст. *särg* (Kalima); эти же факты приведены у Фасмера. Ср. также данные СНПР: финск. *särki*, карел. *särgi*, *сярги*, ижор. *Särgi*, *sergi*, *сарга* 'плотва *Rutilus rutilus*'; эст. *sarg* 'плотва *Rutilus rutilus*', *särg-kala* 'то же'. Отметим здесь прежде всего такие факты, как хант. *soŕroch*, *сорых*, *сорак* (пыжьян), манс. *soŕoŕ*, *soŕach*, *soŕch*, *soŕih* (то же); все фиксации по бассейну р. Оби. Ср. также венг. *söreg*, татар. (зап.-сиб.) *сорок*, *сюрик*

²⁸ Расходные книги Кирилло-Белозерского мона. В кн.: Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в. СПб., 1897, стр. ОССХСІ.

²⁹ Таможенные книги Устюга Великого за 1633—1634 гг. В кн.: Таможенные книги Московского государства... М.—Л., 1950, стр. 100, 94.

³⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки... стр. 159.

³¹ И. И. Лепехин. Дневные записки... стр. 183.

³² В. Ф. Зуев. Материалы... стр. 69.

и казан.-татар. *söigök*, *sürgük*. Русское *сорога* и его производные более всего распространены в восточной половине Европейской части СССР, в Приуралье, Зауралье и в Сибири и почти неизвестны по нашим наблюдениям к западу от Онеги и Северной Двины.

По-видимому, русск. *сорога* заимствовано исторически не из прибалтийско-финского *särg(k) (i)*, а так же, как и русск. *сырок* (пыжьян), отражает именно хант. и манс. *sogroh* (название рыбы) с естественным изменением в дальнейшем ударения и категории рода. На Белое озеро и Волхов слово *сорога* было занесено позднее торговцами рыбой с востока по речным путям.³³

Зельдь. По материалам КПС оно известно широко (У-Ц, В, Ф, К, Зм, СЩ, Г, П). В КПС зарегистрированы производные формы *зельдик* (В) и *зельдёвка* ('сеть для ловли зельди'—Ф, Х, В, ВВ, Г, Е, К, СЩ, материалы Б. Ярасова).

Данные СНПР: русск. *зельдь* 'беломорская ряпушка *Coregonus sardinella maris — albi* — вся Печора. В этой форме исторически оно проникло из соседних коми диалектов, ср. коми *зельди*, *зельдь* 'то же'.

Не исключена возможность, что коми *зельдь* в свою очередь — более древнее заимствование из русск. *сельдь*. Формы *зельдик* и *зельдёвка* образованы уже в русских печорских говорах при помощи суффиксов *-ик*, *-овк-а*.

Сявка. По данным КПС это 'малек пеляди, нельмы' (П, Н, Г, материалы О. В. Карабановой-Семеновой, 1927 г.), *сявочка* 'то же' (Н, М).

По материалам СНПР русск. *сявка* 'печорская нельма *Stenodus leucichthys nelma* n. *petshögae*' и *сявочка* в том же значении известны по всей Печоре.

Исторически это узколокальное заимствование из говоров соседних ненцев (ср. ненец. *сяута* — Печора (материалы СНПР), *Sjauta*³⁴) морфологически переоформленное по модели с суффиксом *-к-а*. Форма *сявочка* образована уже в русских печорских говорах при помощи суффикса *-очк-а*.

Саурей. По данным КПС слово зафиксировано в Н-М (из записей Б. Ярасова).

По материалам СНПР это слово в значении 'ряпушка сибирская' отмечается как характерное только для печорских и мезанских говоров. Другим русским и славянским диалектам слово *саурей* не известно; не зафиксировано оно и в текстах старорусской письменности.

³³ Не останавливаемся здесь на этимологии русск. *сырок* (пыжьян) и *севрюга*, так же, как и *сорога*, восходящих в конечном счете к некоторым из отмеченных выше форм. (Подробнее см.: А. С. Герд. Проблемы формирования научной терминологии. Докт. дисс. Л. 1969).

³⁴ См.: P. S. Pallas. Zoographia..., S. 392.

Саурей заимствовано русскими на Печоре и Мезени из соседних ненецких диалектов, ср. ненецк. *саурей* 'ряпушка сибирская' — Мезень, Печора; *севри* 'то же' — Обь, Щучья, Иртыш; *сэури* (СНПР), *саур-халл* 'то же' В современном русском языке это узколокальный диалектизм.

Итак, приведенные материалы свидетельствуют, во-первых, о наличии прочных связей между русскими говорами по Печоре и древними новгородскими диалектами Приладожья и Прионежья (*сорога*); во-вторых, о наличии определенных лексических связей между печорскими и русскими говорами в низовьях Оби; Енисея, Хатанги, Колымы (*пелядка, чир, омуль*).

История слов *саявочка, зельдик, зельдевка* говорит также о наличии в печорских говорах новообразований, возникших, по-видимому, уже в период самостоятельного развития этих говоров.

И. С. ЛУТОВИНОВА

О НАЗВАНИЯХ КУШАНИЙ В ПЕЧОРСКИХ ГОВОРАХ

Исследование отдельных семантических групп лексики является важным для определения системы диалекта в целом. Настоящая работа посвящена изучению названий кушаний в русских народных говорах, бытующих на Печоре.

Лексика, связанная с названиями кушаний, является неиссякаемым источником познания быта, обычаев, истории и языка народа. Она не только памятник былого, но и ценный материал для познания настоящего.

С лингвистической точки зрения тема не подвергалась специальному исследованию. В связи с этим особое значение приобретают те немногие сведения, которые имеются в ряде общих работ. В незаконченной монографии А. С. Будиловича в синхронном плане исследуются слова *блин, калач, каша, уха, щи*.¹ В книге П. Я. Черных приводится наиболее подробный обзор тех же самых слов в историческом плане.² В докторской диссертации Ф. П. Филина среди названий различных видов пищи в главе «Восточнославянская основа лексического состава древних летописей» по степени употребительности и по богатству значений на первом месте стоит существительное *хлеб* и его производные. Из других названий пищи Ф. П. Филин называет такие, как *каша, квас, кисель, коврига, пиво, пирог*, устанавливает хронологию появления их в памятниках письменности.³ Вот всё, что пока удалось найти в лингвистической литературе об общерусских названиях кушаний.

Собственно диалектной лексике, связанной с избранной темой, посвящены следующие работы. Исследование трех существительных: *похлебка, саламата и тюря*, проведенное М. А. Теленковой, сводится всего лишь к определению их значений, причем

¹ А. С. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, 1881, стр. 52—56.

² П. Я. Черных. Очерк исторической лексикологии. Изд. МГУ, 1956, стр. 66—71.

³ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 80, кафедра рус. яз. Л., 1949, стр. 147—149.

со ссылками на словари (В. И. Даля, под ред. Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова), к слову *саламата* приводится предположительная этимология А. Преображенского.⁴ А. И. Федоров исследует существительное *саламата* следующим образом: определяет значение диалектизма, указывает фиксацию его в словарях В. И. Даля и А. И. Подвысоцкого, а также первую регистрацию в памятниках русской письменности с XVI в.⁵ Самым полным исследованием по избранной теме является, пожалуй, статья Т. С. Жбанковой, в которой описывается довольно большая группа названной лексики.⁶

Материалом для настоящей статьи послужили картотека Печорского областного словаря,⁷ а также личные записи диалектной речи, произведенные в 1961—1963 гг. в деревнях Гарево на реке Печоре, Замежная и Скитская по Пижме.

Цель статьи — описать значения и употребления лексики названий кушаний в современных печорских говорах в соотношении с русским литературным языком.⁸ Если слово зафиксировано в печорских говорах и в современном русском литературном языке, в данной работе не анализируются пути проникновения его в литературный язык; задачей статьи является лишь констатация подобных фактов.

Собранный материал в результате сравнения с литературным языком распадается на две группы: лексика, известная печорским говорам и литературному языку (I); лексика, известная печорским говорам и отсутствующая в литературном языке (II). Последнюю группу составляют словообразовательные, семантические и собственно лексические диалектизмы.

I

В состав первой группы входят зафиксированные в печорских говорах слова, которые характерны также для большинства славянских языков.

Описание начнем со слова, обозначающего самое распространенное мучное изделие на Печоре. **Блин** тонкая лепешка из

---

⁴ М. А. Теленкова. Лексика говора Каширского района Московской области. В сб.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959. стр. 366—368.

⁵ И. Федоров. Сбщеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах. В сб.: Очерки истории языка. Уч. зап. ЛГУ, серия филолог. наук, 1960 вып. 52, стр. 213.

⁶ Т. С. Жбанкова. Названия кушаний в рязанских говорах. В сб.: Вопросы русского языкознания. Уч. зап. Рязанского гос. нед. ин-та, т. XXX, 1962. стр. 148.

⁷ Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина ЛГУ.

⁸ Все данные по русскому литературному языку приводятся по следующим собраниям лексики: Ушаков, БАС, МАС.

жидкого теста, испеченная на сковороде⁹:⁹ Когда́ поежжѣть-то ста́ли, я им такú гозьбу́ собрала́ хоробу́, баранина была́, блино́ф настряпала (П).

В том же значении слово известно в Книге Левита по списку XIV в. (Срезневский, II, 158), широко употребляется в Домострое. Ср. также ст.-слав. *блинъ млинъ*. В. И. Даль приводит *блин* без пометы о месте употребления (I, 239). Это существительное есть в большинстве славянских языков: укр. *блын*,¹⁰ польск. *blin*, болг. *млин*, серб.-хорв. *млин*, словен. *mlines* (Kotnik), в.-луж. *mlinc*, *hlinc*, полаб. *mlunc*. Широко употребительно оно также в современном русском литературном языке (БАС, I, 514; МАС, I, 115).

Каша 'кушанье из крупы или муки, вареной в воде или на молоке': Муцьна́ каша погв́шшэ (У-Ц).

По памятникам русской письменности это существительное в указанном значении известно с XVI в. — в «Хожении за 3 моря А. Никитина в 1466—1472 гг.» (Срезневский, I, 1201). Оно имеется также в большинстве славянских языков: укр. и блр. *каша*, серб.-хорв. *kāša*, болг. *каша*, польск. *kasza*, чеш. *kaše*. Слово характерно также для современного русского литературного языка (МАС, II, 53), бытует оно и в словарном составе других русских говоров (пск., смолен., калинин., арханг.).¹¹

Квас 'кислый напиток, приготовленный из воды, хлеба и солода': Квас поспѣт, на́до пить (У-Ц); Квас де́лаем ис ко́рок хлѣбных (С-Щ).

По памятникам русской письменности слово известно с XII в. в Повести временных лет и др. (Срезневский, I, 1203). Оно засвидетельствовано также словарями современного литературного языка (Ушаков, I, 1346; БАС, V, 912); в таком же значении имеется в блр. (*квас*), укр. (*квас*), болг. (*квас*) и польск. (*kwas*) языках.

В состав первой группы наряду с вышеприведенными входят слова, которые известны в печорских и некоторых других русских говорах, но не отмечены в иных славянских языках и диалектах.

Коврига 'большой круглый хлеб домашней выпечки': Рань-

⁹ Изготовление некоторых изделий из теста или кушаний часто бывает приурочено к особым дням — к религиозному празднику (петров день) или семейному (свадьба) и т. п. К одним праздникам готовят особые кушанья, в другие используют повседневные. В этой статье не рассматриваю как обрядовые кушанья, так и обрядовое употребление повседневных кушаний, анализируются только ареалы слов, обозначающих эти кушанья. Изучение употребления самих названий обрядовых кушаний — тема особого исследования.

¹⁰ Здесь и далее данные по другим славянским языкам приводятся по немецкому изданию этимологического словаря М. Фасмера (см. в списке словарей Vasmer).

¹¹ См.: Картотека Псковского областного словаря (далее в тексте ПОС). Хранится в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б. А. Ларина ЛГУ; Добровольский; Смирнов; Подвысоцкий.

шэ-то пеклі хлєп, такі большы былі, с тас, вот и ковріги назывались (У).

По памятникам древнерусской письменности это существительное в указанном значении известно с XIII в. в Лаврентьевской летописи (Срезневский, I, 1242), в словаре В. И. Даля оно приводится без территориальных помет (II, 128). В калининских говорах *коврига* — 'целый (черный) хлеб' (Смирнов), в ярославских — 'целый ржаной хлеб' (Мельниченко), в МАС — 'большой круглый хлеб; каравай' (II, 82).

Простокваша 'загустевшее кислое молоко': Простоквашы похлебать (У-Ц).

В словаре В. И. Даля это слово приводится без территориальных помет (III, 514), имеется оно также на Псковщине (ПОС), в Симбирской (Ульяновской) области (Мотовилов) и Пермской.¹² В таком же значении существительное характерно и для литературного языка (МАС, III, 708).

Тюря 'похлебка из подсоленной воды с накрошенными кусочками хлеба': Тюря-то вода и хлєп. Хлєп накрошы, ис самовара нацэди воды и тюря готова, посóлиш ещэ (Зм).

Данное слово отмечено всеми толковыми словарями литературного языка (например: Ушаков, IV, 843), у В. И. Даля приводится без географических помет; распространено также в народных говорах, северно-, средне- и южнорусских: арханг. (Подвысоцкий). калинин. (Смирнов), ростов. (Волоцкой). смолен. (Добровольский), рязан.,¹³ дон. (Миртов), ярослав. (Якушкин); по трудам МДК — на средне- и северновеликорусской территории.¹⁴

Уха 'похлебка из рыбы': Уха рыбна, ницэм не пріскана у нас. Хлєп бері, наголо-то уха не скусна (Нб).

В современном литературном языке *уха* 'жидкое кушанье, отвар из свежей рыбы' (Ушаков, IV, 1927). В этом же значении слово отмечено в смоленских (Добровольский) и псковских говорах (ПОС). Ср. у В. И. Даля *уха* 'рыбий навар, похлебка из рыбы (IV, 523).

Возможно, что существительные *коврига*, *простокваша*, *уха* известны и другим русским говорам, поскольку они представлены в литературном языке.

II

Вторую группу составляют словообразовательные, семантические и собственно лексические диалектизмы. Это — слова, характерные для печорских говоров, но не свойственные русскому литературному языку.

¹² См.: С. К. Бояринов. Крестьянская пища Оханского района. «Пермский краеведческий сборник», вып. II. Пермь, 1926.

¹³ См.: Т. С. Жбанкова. Названия кушаний в рязанских говорах, стр. 152.

¹⁴ Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 8. Л., 1923, стр. 36, 12; вып. 11. Л., 1930, стр. 26.

К словообразовательным диалектизмам относятся слова, неизвестные литературному языку, однако в последнем им соответствуют однокорневые образования с тем же значением, но с иной словообразовательной структурой.

Оладуш (в литер. яз. *оладья* — МАС, II, 342) 'блин, оладья': На пожно стали уежжать, оладушы пеклӑ (Тр).

Студенец (в литер. яз. *студень* — МАС, IV, 401) 'кушанье из сгустившегося при охлаждении мясного отвара с мелкими кусочками мяса': Студенец из но́х вари́ли на сва́дбу (Ф).

К данной подгруппе относятся еще два существительных, которым в словарях литературного языка соответствуют однокорневые слова с пометой *просторечное*.

Горошница (*гороховица, простореч.* — МАС, I, 450) 'гороховый суп': Постуем, так горошницу варим (СЩ).

Грибовница (*грибница, простореч.* — МАС, I, 465) 'грибная похлебка': Я грибовницу не ём (У-Ц).

Эти слова не зафиксированы в других русских говорах.

Группа семантических диалектизмов представляет собой слова, которые по фонетическому и морфологическому облику совпадают со словами литературного языка, но имеют другие значения. Фонетическое и морфологическое тождество обусловлено тем, что и диалектные, и литературные слова образованы от общих основ, но смысловое развитие их в литературном языке и в говорах различно. Здесь могут быть слова двух видов: а) отличающиеся от литературных лишь диалектным значением; б) омонимичные со словами литературного языка.

Рассмотрим примеры первого типа.

Баланда 'мучной суп с маслом или сметаной': Ты цэ́го не да́ш им э́ту бала́нду, мяко́нька, хоро́ша (З). В литературном языке *баланда, простореч.* — 'очень жидкая похлебка' (МАС, I, 57).

Колач 'изделие из пресного теста в виде баранки': Гру́тку са́хару поло́жила, расколу́ла, масли́чка поло́жила ф ко́лацӑ. Ко́лацӑй цэ́ла тарелка, есь надо (П). В литературном языке *калач* — 'пшеничный хлебец, выпеченный в форме замка с дужкой' (МАС, II, 23).

Колоб, колобок 'пресная круглая лепешка': Кóлоп, ё́то пресной, не квашэ́ный (Тр); Я фсе́ ко́лопки да сметанку давала ба́пки (Ф). В словарях литературного языка *колоб, колобок*, обл. — 'небольшой круглый хлебец' (МАС, II, 94).

Кулебака 'пирог с рыбой': Кулеба́ки большо́и и ма́леньки, с цэ́лой ры́бой (У-Ц). В словарях литературного языка *кулебака* — 'продолговатый большой пирог с рыбой, мясом, капустой, кашей и т. п. (МАС, II, 195).

Молоко 'простокваша': Де́фки, сади́тесь мо́локо́ хлеба́ть (С). В литературном языке *молоко* — 'белая питательная жидкость, получаемая от коров (коз)' (МАС, II, 401).

Опара 'мучная каша, иногда с ягодами': С муки опáру запáрят, она корйцьнева, как салодсвая, бруснику тудá ввáлиш, перемешáеш вмесътях, вот и опара (Зм). Литературное *опара* — 'заправленное дрожжами или закваской забродившее жидкое тесто, которое затем замешивают' (МАС, II, 849).

Сочень 'тонкая пресная лепешка': Соцьни вы́скеш и пекéш (Вр). В литературном языке *сочень* — 'пресная лепешка с творогом, кашей, ягодами и т. п.', обл. (МАС, IV, 296).

Сыр 'пасхальная еда: творог с яйцами': Творóк наделают, со слй́фкам намесят да яйца, хорóший сыр будет (Н). Литературное *сыр* — 'пищевой продукт, приготовляемый из заквашиваемого особым способом молока' (МАС, IV, 446).

Яишница 'молочная запеканка из кислого и свежего молока': Молокá пресного ульём и свéжего ульём, ф печь поставим, пáрим, вот сйшница родй́цца (У-Ц); Ийсньницю-то — налёй молоко, пресного, тогда свéжего молока нальют, ф пец полóжут попарй́цца тáмо ф пецй́, выняш и кушай (СЩ). В литературном языке *яишница* — 'кушанье из поджаренных яиц' (МАС, IV, 1071).

К этому же семантическому типу примыкают и сочетания существительного *молоко* с общеупотребительными в литературном языке прилагательными. В печорских говорах такие сочетания, известные и в литературном языке, имеют значение кушаний.

Кислое молоко 'творог': Кй́сло молоко́ ис простоквáшы (Уст).

Свежее молоко 'простокваша': Сечáс подошли — прéсно молоко́, а простоквáша — свéже молоко (Зм).

Второй тип слов — это названия кушаний по какому-либо характерному для них признаку. В литературном языке такие существительные обозначают либо предмет, либо называют человека. По-видимому, это омонимы.

Грибница 'грибная похлебка': Не знáю, какой скус у ётих грибоф, из нй́х сул новы варят, грибнй́цца (Н). В литературном языке *грибнй́цца* — 'место, где разводятся грибы' (БАС, III, 397).

Калитка 'открытая ватрушка с зашипаннами сверху краями': Картошны калитки, ре́пны. Калй́тки, ёсли зашшй́паны, а не зашшй́паны, то пресна шаньга (С). Литературное *калитка* — 'небольшая дверь в заборе, в воротах, в ограде' (МАС, II, 25).

Молочница 'жидкая мучная каша на молоке': А на молоко́, так молóсница: молоко, вода, мука (У-Ц), А молóсница — полхлёпка тёпла на молоко́, мукой и засыпаш (Ф). В литературном языке *молочница* — 'женщина, торгующая молоком, молочными продуктами' (МАС, II, 402).

Мучник 'лепешка из пресного теста с начинкой из кислого теста': Ржанó раствóриш, сочень вы́скеш, а ис квашнй́ ф серётку полóжыш, кругом зашшй́пем, когда загнем — муцьни-

ки (У-Ц). Литературное *мучник*, *устар.* — 1) 'торговец мукой'; 2) *разг.* — 'специалист по мукомольному делу' (МАС, II, 432).

Сковородник 'выпечное изделие на сковороде': Сковоро́дник о́пять де́лают, са́ло ско́цько вы́режут, согре́ют, муку́ замесят, на сковоро́ду по́ложат не то́лсто (З). В литературном языке *сковородник* — 'железный крючок с рукоятью для захватывания сковороды' (МАС, IV, 157).

В группу собственно лексических диалектизмов входят прежде всего такие слова, которые зафиксированы, помимо печорских, в других севернорусских говорах.

Дежень 1) 'тесто'; Дежень-то о́ста́лся, колобо́к зде́лают (Г); 2) 'лепешка из пресного теста': Дежень прё́сной, прёсны де́жнй пеку́т, се́ньни забьёш (М); 3) 'блин из крупы': Еште де́жнй, ёто ис кру́гы, бес со́ця (С). В архангельских (Подвысоцкий), олонецких (Куликовский), вологодских и пермских говорах (Даль, I, 426). *дижень* — 'кушанье из толокна, разведенного на квасу, сыворотке или сметане'.

Осла 'непропеченный слой в хлебе, закал': Тако́-от хлeп никуды́шной, есь не мо́жно — о́сла, пере́квасят квашню́ или не выживе́т, о́сла, дык не поды́нецэ ниско́лько, как брусо́к тяжо́лой (Вр).

Это слово известно в восточнопсковских говорах, пограничных с новгородскими (ПОС), последние, как известно, легли в основу русских говоров на Печоре. *Осла* в указанном значении с пометой *пск.* приведено в Опыте и в словаре В. И. Даля (II, 698).

Пустовара 'мучная каша на воде': Пустова́ра така́ не густу́ заске́ш, жы́тня мука́ была́, на воды́ (Вр); Пустова́ра из муки́ из одной, мука́ да вода́ (У-Ц). У В. И. Даля это слово в таком же значении дано без территориальных помет (III, 541). По данным картотеки Словаря русских народных говоров¹⁵ *пустовара* — арханг. 'каша из ячменной муки', новгор. 'крупя с водой и молоком', онеж. 'пустые щи'.

Саломат 'мучная каша с рыбьим жиром': З бе́лой да жы́тной муки́ с ры́бьим са́лом, саломáт, а с ржаной́ небаско́й саломáт (Г); Саломáт из го́льного са́ла и муки́, воды́ ниско́лько не льёт (П). Данные областной лексикографии: *саломат* 'мучная каша, пожиже размазни, её варят из всякой муки, едят с солью и маслом' (Даль, IV, 12); *саломат* — колым. 'мука, поджаренная в жиру' (Богораз), сибир. 'горячее кушанье из муки, замешанное на одном коровьем масле' (Дополнение), *саломат* — арханг. и вят. 'кушанье, приготовленное из толокна, воды или скоромного масла или сала' (Опыт), арханг. (повсеместно) 'ячменная каша или толокно с растолленным говяжьим жиром' (Подвысоцкий).

¹⁵ Хранится в Институте языкознания АН СССР в Словарном секторе (Ленинград).

Фила 'кушанье, приготовленное из ячменной лепешки, раскрошенной в разогретое масло': Ячмѣнны колобы, сметанки, маслo собѣш, пахту согрѣеш, колобы накрoшыш, выкрошыш в маслo, вот и фила (Г); Испекѣм колобы, ф чашу накрошым ешшo маслu нальѣм, вот и фила (СЩ). По данным картотеки Словаря русских народных говоров это существительное отмечено в таком же значении в деревнях Олеша и Чулоса Лешуконского района Архангельской области.

Шаньга 'небольшое круглое изделие из ржаного теста с начинкой (из картошки, творога, крупы, ягод), не прикрытой сверху тестом': Утресь шаньги пеклa с ягодой и зaспой (Г); Хозяйка давала шаньги творожны, картошны (У-Ц). Название этого кушанья встречается по всей территории северновеликорусских говоров, о чем свидетельствуют областные словари;¹⁶ в словарях литературного языка оно дано с пометой обл. (МАС, IV, 957).

Шти 1) 'мясной или рыбный суп': А шти и с рыбой и с мясом, фсѣ шти (Г); 2) 'суп с капустой или щавелем, щи': Эта кислушка, их рвут, из их штѣ-то варят (Зм); Шти-то варим и с капустой (Зм). В словаре В. И. Даля *шти*, сев. вост. 'похлебка мясная или постная из рубленой и квашеной капусты' (IV, 645). В архангельских (Грандилевский), смоленских (Добровольский), донских (Миртов) и псковских говорах (ПОС) шти—'щи'.

Щерба 'уха': Рыба-то худяшша, не жарила её, шшѣрбу сварѣла (Тр); Стáры люди преж уху фсѣ шшѣрбoй звáли (Нб). По распространению это слово северное (Даль, IV, 655; Богораз).

Остальные анализируемые в этой подгруппе существительные распространены лишь в печорских говорах. Приведем два сочетания слова *молоко* с общеупотребительными прилагательными. Оба они называют реалию, известную всем носителям русского языка, но имеющую в литературном языке другое название.

Пареное молоко 'топленое молоко': Никакoе молоко не пью, парѣно когдa и выпью (У-Ц).

Пресное молоко 'свежее некипяченое молоко': Пресное молоко, не квашѣно, как только подoбиш (Тр).

Другие относящиеся к рассматриваемой подгруппе существительные характеризуются прозрачной этимологией и довольно однотипным образованием. Кушанья называются либо по действию, которое совершается при их приготовлении или при еде, либо по продукту, из которого их готовят.

Макальница, помачка 'то, во что макают, соус': Здѣлам по старому макальницу, ф сметану (С); Помачку из рыбы делали. Рыбы бес коски намнѣш, зальѣш водой и хлѣбом моц"ут только. Говорят: Не еш рыбу сухой, а с помачкой-то (Зм).

¹⁶ См.: Васнецов; Герасимов; Даль (IV, 621) — помета сев.-вост. сибир; Подвысоцкий.

В основу обоих названий положены действия по глаголу *макать* или *помакивать* (во что-нибудь).

Мешавка 'заваренная мука с толчеными ягодами': Съ киселицы мешавку делают: разобьют ягоды, растолкут, сахарку положат (Зм). Это слово обозначает действие по глаголу *мешать*.

Наливник 'хлеб в виде шанег': Наливник — на сочень из пресного теста накладывают обычное тесто из квашни, только более жидкое (Гл, материалы Б. Ярасова). В основе и этого наименования также действие по глаголу, ср. *наливать*.

Отдирок, сдирка, сдирок 'лепешка, состоящая из двух и более тонких лепешек, наложенных одна на другую': Еш одьдирок, изо ржаной муки, когда дежня нет, сьлифкам помажэш, прилепиш другу сочину, так и одьдирок, зьдирок тож называют (Ф); Те опять здирки у меня — сочьи, друк на друга нахлопнеш, закроеш сочем сочню, а вынеш, раскроеш, станеш когда мазать, а потом закроеш опять (Ф). Ср. соответствующие глаголы *отдирать* и *сдирать*.

Тяпуш 'хлеб': В пашку складем тесто, ф печь, вынем и тяпуш родища (Г). Данное название — действие по глаголу *тяпать*.

Рассмотрим теперь названия кушаний по продукту, из которого они сделаны.

Картофельник 'ржаная лепешка с начинкой из картошки, не прикрытой сверху тестом': Ну давай, картофельники спечом, бат любите (Г).

Мучница 'жидкая мучная каша': Из муки мучийца, ф посты фсе (Ф); Мучница, она пуста, одна мука да вода (Зм).

Пенница 'мучная каша с пеной от сбиваемого масла': Масло збиваем, пена, варят пенницу, муцнү кашу с ей (С).

Репник 'пирожок с репой': Репники, репу вымоем полбжым ф печь, выпарим и загибышы из релы (Гр).

Соломенничек 'лепешка из соломы': В нужны-те годы и рад бы кормить, да солóменецки эли, вытпкаш солóму и едим (З).

Соляник 'ржаная лепешка с солью': Соляники ис теста, вытпкаш тесто, как шангу, соли посыплют и загнут. Со ржаного теста с квашни. Ф посны дни ели, вроде солёна (Зм).

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. В составе названий кушаний в печорских говорах имеются как слова, общие с литературным языком (*квас*), так и диалектизмы (*щерба*), среди последних выделяются словообразовательные (*студенец*) и семантические (*сковородник*). Особую группу составляет собственно печорский словарь (*мешавка, пенница, репник, соляник*).

2. В лингвогеографическом отношении данная лексика включает в себя группы слов, известных в других славянских диалек-

тах (*каша*), являющихся общерусскими по распространению (*уха*), а также севернорусскими (*шаньга*).

3. Диалектизмы, составляющие собственно печорский словарь, обладают ясной, понятной этимологией. Названия даются либо по продукту, из которого кушанье изготовлено (*картофельник*), либо по действию, которое совершается при приготовлении его (*наливник*).

Э. В. ФЕДОРОВА

АРХАИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПЕЧОРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Среди разнообразных произведений устного народного творчества пословицы и поговорки занимают особое место. М. Шолохов писал, что, «может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах».¹

Пословицы отражают реальную жизнь и разговорный язык той среды, в которой они сложились или существуют. И хотя пословицам и поговоркам больше, чем другим жанрам фольклора, присуща как бы «интернациональность», они бытуют в языковой оболочке местных говоров. А. П. Евгеньева отмечала, что «диалектологи избегают пользоваться произведениями устного народного творчества, потому что, по господствующему до сих пор мнению, фольклор, в силу своей широкой распространяемости, в силу того, что он несет в себе архаические черты, не может якобы характеризовать данный говор, так как в нем окажутся, с одной стороны, архаизмы, утраченные живым языком данного говора, с другой — лексические, морфологические, фонетические особенности, не свойственные данному говору».²

Действительно, произведения фольклора сохранили некоторые архаизмы, утраченные живым разговорным языком. Исследование говоров и языка фольклорных произведений, с существующими в них современными и архаическими чертами, представляет большую ценность для таких отраслей филологии, как современный язык, история языка, диалектология. Поэтому анализ языка фольклора именно в плане изучения народных говоров со-

¹ М. Шолохов. Предисловие к кн.: «Пословицы русского народа» В. Даля. М., 1957.

² А. П. Евгеньева. О языке фольклора. «Русский язык в школе», 1939, № 4, стр. 53.

вершенно необходим и закономерен. Поэтому вопросы изучения языка фольклора все чаще поднимаются в научной литературе.

Пословицы и поговорки, как уже отмечалось, занимают особое место среди жанров фольклора. Они отличаются от песен, былин, сказок и других произведений устного народного творчества уже хотя бы тем, что «никогда не „исполняются“, а существуют в языке и функционируют так же, как и другие фразеологические обороты».³ Следовательно, тем более язык пословиц и поговорок должен привлекать внимание диалектологов и лексикологов.

Основным объектом предпринятого исследования являются пословицы и поговорки из картотеки Печорского областного словаря ЛГУ и Коми пединститута (1951—1968 гг.), личных записей во время диалектологических экспедиций 1962—1965 гг. и фольклорных материалов Н. П. Леонтьева.⁴ Кроме того, мы использовали также всевозможные сборники пословиц и поговорок, различные словари — толковые и диалектные, исторические и этимологические.

В научной литературе поднимался вопрос, можно ли по записям фольклора какой-либо местности судить о говоре этой территории и насколько объективно будет это суждение. И. А. Оссовецкий указывал прежде всего на необходимость «расчленив понятие „язык фольклора“ и пользоваться им каждый раз применительно к отдельному жанру, поскольку в каждом жанре диалект реализуется в специфических формах».⁵

Лексика пословиц и поговорок в основном стилистически нейтральна. В отличие от других жанров устной народной поэзии пословицы и поговорки по языку ближе всех именно к разговорной речи. Лексика печорских пословиц и поговорок, как и словарный запас всего говора, состоит из общерусских и местных элементов. В ней сохраняются также архаизмы, которые стали уже фактами истории языка.

Осколки старой фонетической, грамматической и лексической систем представлены в народно-поэтической речи носителей диалекта, например, в таких словах, как *сором, мати, аз*: «Ни стыда ни сорому, не знат ф какую сторону» (З); «Нет других таких приятелей, как отец да мати» (У-Ц); «Ни аза в глаза не знают» (У-Ц).

При вычленении тех или иных пластов лексики литературного языка пользуются разного рода письменными источниками. Возникает вопрос, как выделять архаизмы в диалекте, с чем сопоставлять разговорную речь носителей диалекта?

Памятники письменности заменяются здесь фольклорными

³ И. А. Оссовецкий. Об изучении языка русского фольклора. «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 95.

⁴ См.: Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Вологда, 1939.

⁵ И. А. Оссовецкий. Язык фольклора и диалект. В сб.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958, стр. 174.

произведениями. Л. И. Баранникова пишет, что «понятие „народно-поэтическая речь”, т. е. язык устной народной поэзии, принципиально не отличается от понятия „язык художественной литературы”», — и далее: «для народно-поэтической речи характерно использование более устоявшихся фактов, иногда уже архаичных для обыденной разговорной диалектной речи».⁶

Задача данной статьи — рассмотреть некоторые архаизмы пещорских пословиц и поговорок.

Болесть. «Приезжие гости — зубная болесть» (У-Ц), — гласит народная мудрость. Для обозначения болезни в пещорских говорах широко употребляется слово *боль*. Однокорневое же *болесть* в картотеке Печорского областного словаря представлено только одним примером, приведенным выше. Следовательно, употребление данного слова не является показательным для говора, тогда как *боль* зафиксировано около 30 раз. Критерием отнесения того или иного слова или его значения к архаическим является факт его малоупотребительности, причем только в пословице или поговорке, а также одновременное наличие в говоре синонимов — диалектных слов, отраженных картотекой Печорского областного словаря, либо общерусских.

В старославянском известны варианты *болѣзнь* и *болѣждь*, в древнерусском зафиксировано *болесть*.

Трансформация интересующего нас слова такова: параллельно со старославянским *болѣзнь* употреблялось древнерусское *болесть*, первое слово — как представитель книжного стиля, второе — разговорного, нейтрального. При этом *болесть* было известно, вероятно, шире, так как Лаврентий Зизаний, Памва Берында и А. Дювернуа объясняют *болѣзнь* через *болесть*, в Словаре 1847 г. последнее слово дано с пометой «просторечное» (I, 74). О более широком бытовании его в определенный период свидетельствуют и древнейшие памятники письменности (см.: Срезневский, I, 144). Впоследствии старославянские варианты вытеснили образование *болесть*, которое все же осталось в некоторых говорах русского языка — донских (Миртов, 24), смоленских (Добровольский, 36), вятских (Васнецов, 18), а также в белорусском (Посович, 30) и украинском (Гринченко, I, 84) языках.

Поскольку пословицы и поговорки являются общенародными по своему духу, хотя и бытуют на определенной территории в языковой оболочке местного говора, можно предположить, что некоторые их слова (в том числе и *болесть*) могли «залететь» па Печору из других диалектов. Однако вряд ли это было так. В силу многовековой жизни пословицы скорее сохраняют в своем составе элементы архаики, чем принимают чужеродные элементы. Сказавший «приезжие гости — зубная болесть» добавил, например, что «старики преж пословицу [эту] положили». Данная по-

⁶ Л. И. Баранникова. К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи. В кн.: Материалы VI межобластной конференции Поволжья. Краткие доклады. Ульяновск, 1962, стр. 151.

словица не найдена пока ни в одном из сборников подобных произведений народного творчества.

Болячо. «Огонь — горячо, а дитя — болячо» (3). В словарях исторических и современного языка указанное слово не отмечено. В. И. Даль, приводя эту пословицу, пытается объяснить в ней интересующее нас наречие: «*болько* или *болячо* выражает не состояние или чувствование, как *больной* и *больно*, а наклонность, расположение, свойство болеть; чувствительный, чуткий к боли» (I, 112); ср. у И. И. Носовича: «*Болячо*, нар. больно. Оттуль горячо, отсюль болячо» (стр. 30). Во всех просмотренных нами сборниках пословиц и поговорок приведена только последняя. Вероятно, *болячо*, действительно, народное образование по аналогии с *горячо*, и оно, как очень тонко заметил Даль, не совсем равнозначно со словом *больно*, в нем есть дополнительный семантический оттенок, указывающий на большее постоянство признака.

Дарок и отдарок. «Дарки дарят и отдарки сулят» (СЩ). В сборнике пословиц В. И. Даля находим такой вариант: «подарки любят отдарки», в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «дары дарят (свадебные), на отдарки глядят» (I, 415), в словаре А. А. Подвысоцкого с пометой «холмогорское»: «подарки дарят — отдарков глядят» (стр. 112). И если слово *отдарок* налицо во всех вариантах пословицы, то *дарок* только в печорском.

Слово *дарок* отмечается лишь словарями И. И. Срезневского (I, 630) и В. И. Даля (I, 415), в последнем с ударением на втором слоге, у Даля приведена также уменьшительная форма *дарик*. Образовалось *дарок* от многозначного существительного *дар* при помощи уменьшительного суффикса *-ък*, представлено оно лишь в конкретном значении 'подарок от кого-либо', в качестве уменьшительного к *дар* не зафиксировано.

Параллельно со словом *дарок* существовало и *отдарок*, обозначающее 'ответный подарок'; у В. И. Даля отмечено еще существительное *отдар* 'обратный подарок кому-либо' (II, 721): *Отдарок* в указанном значении фиксируется в Словаре 1847 г. (III, 102) и «Словаре современного русского литературного языка», причем в последнем оно дается с пометой «устаревшее» и указывается о наличии его еще в «Российском целлариусе» 1771 г. (БАС, VIII, 1336). Известно также употребление этого слова в архангельских говорах (Подвысоцкий, 112; Грандилевский, 224).

Однокорневые образования *дарок* и *отдарок* существовали когда-то в языке с четко разграниченными функциями, первое обозначало 'подарок от кого-либо', второе — 'ответный подарок ранее дарившему лицу'. Затем *дарок* вытесняется словом *подарок* и совсем выходит из употребления, сохраняясь только в печорских говорах; *отдарок* же, имеющее дополнительный оттенок значения, осталось в пассивном запасе и в современном языке является устаревшим.

О том, что образование *дарок* древнего происхождения, свидетельствуют показания славянских языков.

В современном болгарском языке в значении 'подарок' употребляются слова *подарък, дар, дарба*. Первому и второму свойственно одно конкретное значение, причем второе носит оттенок книжности, третье полисемантично. Уменьшительные *дарбица* и *дарбичка* образованы от *дарба*, древнеболгарское *даръкъ* образовано от *дар*, кроме того известны уменьшительные *дарецъ* и *дарче*, оба они семантически соотносятся с русским *дарик* (Геров, I, 277; Андрейчин, I, 222).

В современном чешском языке слово *dar* обладает двумя значениями: 'подарок, дар, подношение' и 'дар, дарование' (SJC, 200). *darek* означает только 'подарок' (НІК, 69), оно характерно также и для древнечешского (Гебауэр, I, 207). Как древнерусское *дарок*, так и чешское *darek*, хотя и образованы при помощи уменьшительных суффиксов, не являются уменьшительными к* *dar*, им свойственно одно конкретно-предметное значение — 'подарок', ср. чешское *dareček* 'подарочек'.

В современном польском языке много слов, обозначающих подарок — *dar, podarunek, upominek, prezent, zdobność* (Дворецкий, 500), ср. также древнепольское *darek* 'маленький подарок' (L, I, 411).

В сербохорватском *dàrak* употребляется с оттенками ласкательности — 'подарочек' и уменьшительности — 'маленький подарок' (РСКНЈ, IV, 51), *darak* 'подарочек' (Мичатек, 91).

Итак, в русском языке слова *дарок* и *отдарок* имели следующую историю: *дарок*, более раннее, чем *отдарок*, было заменено словом *подарок*; *отдарок* пережило *дарок* и еще употребляется в современном языке, правда, как устаревшее. В славянских языках *дарок* имеет более долгую жизнь, оно сохраняется в современных сербохорватском и чешском языках, тогда как в русском языке эта архаическая лексико-словообразовательная форма представлена только в пословице, записанной в 1962 г. на Печоре от 70-летней А. И. Поздеевой.

В качестве примера собственно лексических архаизмов рассмотрим слово *тук*: «вечерняя выть в тук идет». *Тук* означает здесь 'жир', 'сало'. Смысл этой пословицы заключается в следующем: от вечерней еды человек жиреет, толстеет.

Словари современного русского литературного языка приводят это слово с пометами «книжное», «устаревшее» в значении 'жир', 'сало' и как термин 'минеральное удобрение' (Ушаков, IV, 824; МАС, IV, 582).

Исторические словари указывают значение 'сало', 'жир' (Берында, 134; Алексеев, 350; Срезневский, III, 1936; Кочин, 367). Словарь 1847 г. дает значения: с пометой «церковное» 'жир в животном' и без пометы 'вещества, утучняющие землю' (IV, 304). Это второе значение, как и терминологическое 'мине-

Ральное удобрение', вытскает из первого: *тук* — это то, что идет на пользу, что утучняет землю.

В. И. Даль, кроме указанных, приводит также областное значение — «тверское» и «ржевское» — 'толк, прок, польза; в этом же значении для казанских говоров он дает форму *туг* и поясняет «не *тук* ли? (IV, 440), ср. в Опыте: *туг* — прок, польза' с пометой «казанское» (стр. 233). Примеры на *туг* в указанных источниках не подтверждают *г* на конце слова: «Сколько он солонины в туг заготовил?»; «Что ни ест, что ни пьет, ему все в туг идет»; «Мясо в туг готовить, солить».

В значении 'польза', 'прок' *тук* известно в тверских и псковских говорах (Дополнение, 272).

В современном русском существуют образованные от *тук* (со значением 'сало', 'жир') слова *тучность* и *утучнять*.

В картотеке Печорского словаря на слово *тук* всего один пример — процитированная выше поговорка; другим северным говорам с этим значением оно не известно Правда, в списке олонечских слов, приложенных П. Н. Рыбниковым к песням, есть *тук* в значении 'дородство' (то же, что *тучность* в современном), но это опять-таки из фольклора.⁷

В украинском *тук* — 'жир'. Это же значение старославянского и древнерусского языков сохраняет слово *tuk* в чешском, польском, верхне- и нижнелужицком.

В современном русском языке оно является устаревшим (БАС, XV, 1111), известно псковским, тверским, казанским говорам в значении 'прок', 'польза' как более отвлеченное и переносное от 'сало', 'жир' (Даль, IV, 441). Но в поговорке, вероятно, употребляется в значении 'жир', так как по свидетельству народной медицины вечерняя еда идет как раз во вред, а не на пользу.

Приведем несколько примеров семантических архаизмов.

Верный. «Будь беден, да будь верен»; «Гол, да не вор, беден, да верен»; «Я не богатой, беден, да верен». Во всех поговорках слово *верный* имеет значение 'честный'. В литературном языке и в говорах данного значения слова не обнаружено. В исторических словарях его также нет

Прилагательное это образовано от существительного *вера*. В словаре П. А. Алексеева оба слова многозначны, остановимся на одном из значений, которое характерно как для существительного *вера*, так и для прилагательного *верный*, 'верность в должности, без лести, обмана и крадливости, так же тщанье к соблюдению имени других' (разрядка наша, — Э. Ф.).

Во всех просмотренных сборниках поговорок и пословиц наша поговорка представлена со словом *честен*, а не *верен*. Комментарии к печорскому варианту — «гол, да не вор» и «я не

⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 3. М., 1909—1910, стр. LV.

богатый» — убеждают в том, что *верный* употребляется именно в значении 'честный'.

Куча 'добро, имущество'. В печорских, а также других севернорусских говорах (архангельских, олонекских, повгородских) *куча* широко употребляется в значении 'копна сена' (Подвысоцкий, 79; Куликовский, 47; Опыт, 99). Пословица «на чужу кучу глаза пучим» дает другое, старое значение, которое отсутствует и в говорах, и в современном русском литературном языке.

Не сразу понятен смысл этой пословицы. Но обратимся к словарям: *куща* 'шалаш', 'шатер', 'скиния', 'палатка' (Алексеев, 147); *куча* 'хижина', 'шалаш'; *куща* 'кушта' — 'tentorium (палатка)' (Срезневский, I, 1384). В словаре В. И. Даля *куча* приводится с теми же значениями, что и в словарях современного русского языка, *куща* — в значениях 'сень', 'скиния', 'шатер', 'намет', 'палатка', 'ставка', 'шалаш', 'балаган', 'курень', 'навес', 'беседка', 'хижина', 'временная лачуга в лесу, на безлюдьи' (II, 229). В архангельских говорах, по Далю, сохранились производные от *куща*: *кущица* (вместо *кущица*) 'землянка', 'временно жилая пещера или крытая яма'; *кущник* 'житель кущи', *кущевать* 'жить в куще', *кущевание* 'житье в куше'.

В украинском языке *куча* 'клеть для птиц', 'хлев для свиней' (Гринченко, II, 334). О судьбе этого слова в славянских языках пишет в статье «Южнославянские лексические этюды» И. Попович. Вот что ему удалось установить:

«Праславянским стандартным названием для *domus* 'жилое строение' было слово "домъ". В севернославянских языках оно осталось, а в южнославянских: болгарском (*къща*) и сербохорватском оно было вытеснено словом *кѣта*, первоначально не имевшим значения *domus*, но имевшим более общее значение примитивного жилища (шалаш, хижина, и пр.). Теперь же сербохорв. "дом" — 'дом не как постройка, а как какое-то место, где человек живет с близкими'. В болгарском "дом" в значении *domus* — 'жилое строение', очевидно, русское заимствование. Геров указывает следующее значение болг. "дом": 'къща', русск. 'дом' (I, 333). Словенский язык также не знает *domъ* в основном значении».⁸ Таким образом, делает вывод И. Попович, южнославянские языки утратили общеславянское *domъ* в значении 'жилое строение', заменив его — сербохорваты словом *кућа*, болгары — *къща*, из древнерусского *куща*. Чешское диал. *kuša* имеет значение 'летняя постройка'.

Данное значение древнерусского *куща* в переносном смысле и в русском фонетическом оформлении сохранилось и в пословице «на чужу кучу глаза пучим», услышанной и записанной

⁸ И. Попович. Южнославянские лексические этюды. В кн.: Славянское языкознание. М., 1962, стр. 45.

на Печоре. Эта пословица древнего происхождения, она отмечена И. М. Снегиревым в сборнике пословиц — «на чужую кучу глаза не пучи»⁹ и В. И. Далем в его словаре — «на чужую кучу нечего глаза пучить» (II, 228). *Куча* имеет в пословицах значение 'добро', 'имущество', 'собственность'.

Ладиться 'жить дружно'. «Кто с кем живет, тот с тем и не ладится».

В современных печорских говорах глаголы *ладить* и *ладиться* означают 'намереваться', 'хотеть', 'собираться'. И. И. Срезневский отмечает *ладиться* в значении 'мириться' (II, 3). В Словаре 1847 г. *ладиться* — 'прекращать ссору, мириться' (II, 242), у Даля есть слово *ладниться* — *взаим.* 'жить дружно, согласно, мирно, любовно' (II, 232). В приведенной пословице сохранилось это старое значение, в литературном языке ему соответствует *ладить*, возвратная же форма *ладиться* функционирует в других значениях (БАС, VI, 25—26).

Лихо 'зло, несчастье'. «Лихо не припомнится, добро не забудется»; «Добро лихо все ж переможет».

В печорских, архангельских, олонечских говорах существительное *лихо* означает 'лень' (Подвысоцкий, 83; Куликовский, 50). В печорских говорах, к тому же, *лихо* употребляется предикативно в значении 'не хочется', 'тошно', 'противно'. Иногда бывает затруднительно разграничить, когда *лихо* в функции существительного, а когда в функции безличного глагола. Примеры: «Во двори надо мыть, да лихо» (У-Ц); «Лихо было письмо написать» (У-Ц). В приведенной пословице *лихо* — в значении 'зло', 'несчастье', то же в других пословицах: «Лихо помнится, а добро забывается»; «Лихо помнится, а добро век не забывается» («архангельское») ¹⁰

В древнерусском языке *лихо* имело только значение 'зло', (Срезневский, II, 27; Сл. 1847 г., II, 257). В украинском и белорусском языках *лихо* — 'беда', 'горе', 'зло', 'несчастье', в польском *licho* — 'зло', 'беда' (SJP, 122).

Современные словари русского языка приводят слово *лихо* в значении 'зло' с пометами «устаревшее», «просторечное» и «народно-поэтическое».

В лексике печорских пословиц и поговорок сохранились архаизмы — отдельные слова или значения, — которые не употребляются ни в говоре, ни в литературном языке, что представляет немаловажный интерес для лингвистического исследования фольклора, для истории русского языка. Более тщательное изучение словарного состава пословиц и поговорок, записанных в какой-либо местности, может дать значительные материалы и важные

⁹ И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848, стр. 255.

¹⁰ Там же, стр. 206.

выводы для исторической лексикологии. Представляется целесообразной поэтому публикация собранного нами материала.

* *
*

Баран да овца, да опять с конца.

Бессчастному достанется вода, жена третья да дрова, а счастливому ничего.

Битому коню только кнут покажи.

Богатому телята, а голому ребята.*¹¹

Богатому телята, а нужному ребята.

Богатый — как хочет, а нужный — как может.

Богатый сладко спит, а бедный ночи в окна глядит.*

Богатый — большие глаза.*

Болото — ни море, ни земля: ни ездить, ни ходить нельзя.

Болью болели, все хлебы приели, хлебы не стали, и боли отстали.

Босота в босовичках, а нагота в одной рубашке.*

Будь беден, да будь верен.

Была память, да стал камень.

Вечерняя выть в тук идет.

В лесу родились, пню молились, вокруг елочки самоуком учились.

Все на один копыл шиты

Всточки да обеднички — заморознички.

Всякой сатаны свои сопля соляны.

В худом роду не без уroda, а в богатом — два да три.*

В чем к обредне, в том и к обедне.

В чем обряжается, в том и на вылюдые.

В чужой лодке щука всегда большая.*

Где гриб вырос, там и выгнать надо.

Где какой наступ, такой и разговор.

Глубник северу родник.

Говорить много нельзя — язык в аду к сковородке прильнет.

Гол, да не вор, беден, да верен.

Голенький — «ох», а по голеньким бьет бог.*

Горе, у кого муж Григорий, хоть худящий — да Иван.

Горы низятся, подгорья высятся [про раскулачивание].*

Гость недолго гостит, да много видит.

Дай бог дитя, да дай бог и ума.

Дарки дарят и отдарки сулят.

Добро лихо все ж переможет.

Дождь дождит — Фома сено косит, дождь перестал — Фома подель стал.

Дождь-то дождь, да есть хошь — поезжай на ловлю.*

¹¹ Звездочкой отмечены пословицы и поговорки из книги Н. П. Леонтьева «Печорский фольклор».

До неба далеко, до моря глубоко.
Драться, так глазами не видаться.
Ешь до сыта, робь до нота.
За кожу ума не пришьешь.
Замужница не заречница, не запечница.
Замужье не заречье — из заречья переедешь, из-за печки выйдешь, а от мужа не откажешься.
Замужье не заречье, умеешь ли шить косо подоплечье.
Зыбка ребенку вторая мать.
Из порозного не пьют, не едят, под порог свищут.
Из тучи гром грянет.
Кака власть, така и масть.
Како погодые, тако и здорье.
Камню не всплывать, кулакам не бывать.*
Катанцы до хреста, а малица до хвоста
Кислы шаньги не еда, старым девкам замуж не хода.
Кобыла с медведем тягалась, хвост да грива осталась.
Корова не свекрова — порычит да сама замолчит.
Который бог вымочит, тот и высушит.
Кто с кем живет, тот с тем и не ладится.
Лихо на лыко, лень на ремень, а отеть сгорела.
Лихо не припомнится, добро не забудется.
Лень на ремень, лихо на лыко.
Любовь не картошка — не рассадишь по грядам.
Маленькая собачка до старости щенеш.
Мир да свет не про нас доспет.
Молода пора по заречью шла, да не приворотила.
Молодо — зелено, погулять велено.
Монахи спасались, по три раза допьяна напивались.
Муха не без брюха, а комар не без кишки.
Мученье да позора не сидят на месте.
На бога надейся, в делах поправлейся.
На бога не с палкой.
Напчлась, наелась — с богатым сравнелась. ✓
На честь не пехайся, с чести не вались.*
На чужу кучу глаза пучим.
Не богата, да таровата, вожевата.
Не было бы упади, не садились бы вороны.
Не дорого богатство, а дорого приятство.
Не ел — не мог, а поел — без ног.
Не здыши тяжело, не отдам далеко: за лыско — да близко, за посошок — да на свой бережок.
Не люб делом — не будешь люб и телом.*
Не на век стар женится, а свой обычай тешит.
Не объедаться, только повидаться.
Не отпадет голова, дак прирастет и борода.
Не по две морошки на одну ложку, одной довольно.*
Не пристанет нужному богатство.

Не рожен сын — не сын, не окуплен, не холен — кормить не будет.

Не стеребил, да сварил; не сварил, да съел.*

Нет других таких приятелей, как отец да мати.

Не у тятки, не у мамки, не разляжешься на лавке.

Ни аза в глаза не знают.

Никто так не научит, как малы дети: поклонись кошке, назовешь ступу матерью.*

Ни стыда, ни сорому: не знают в какую сторону.

Огонь — горячо, а дитя — болячо.

Он богатый, да гордой — у него головы крюком не достанешь.

Он в этом году именинник [про лодыря].*

Отеть-то не отеть, а лень истова.

Охота глупому быть, так напейся пьяным.

Охота кататься, а санки волочи.

Пей, Еремей, вода добра.

Пейте уху, да поминайте бабку глуху.

Первому — зверек, а последнему — следок.

Петр да Павел — хороший парень, а Кузьма да Демьян — чистый грубиян.

Питуха — лагун да Петруха.

Под лежачу колоду не принесет.

По одежке протягивай ножки.

Поповски карманы — бездонна бочка.*

Поповски карманы глубоки.*

По Сеньке и шапка, по Тришке кафтан.

Правда краше солнца.*

Приезжие гости — зубная боль.

Пьяница проспится да опять в дело годится.

Пьяного речь не говоря, а вешна путь не дорога.

Работа не медведь, можно сбоку поглядеть.

Родятся не с умением, а с учением.

Сам худ — а быть тут, сам плох — не поможет бог.

Северок — мягкий ветерок.

Сегодня день не без завтра.

С другом дружи, а топор за поясом держи.

Сидячая работа сижаночку любит.

Сказка — враница, а песня былъ была.

Скуп не глуп, про себя смекает.

Слово не воробей, не поймаешь его.

Собачка зачнет выть — кому-ле из дому избыть.

Старая собака на ветер не лает.

Старость не радость, не красные дни.

Страшен сон, да милостив бог.

Стреляй сороку да ворону, доберешься до белого лебедя.

С утра не зачал, дак к вечеру не к чему.

Сын не слушает мать, так моли присталу лошадь, а дочери моли пьющего мужика.

У бабы волос долог, а ум короток.
У бога недолго, а у нас в тот час.
У девицы до замужья зарастет.
У него головы клюкой не достанешь.
Чей-но рот отворила, тетера залетит.
Чем богат, тем и рад.
Что в люльке, то и в могилке.
Шелком шита, да мачеха; лыком шита, да мать.
Шутка лучше брани.
Этот из нету сделает монету.
Я невелик, да туго набит.

СПИСКИ ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СЛОВАРИ

- Алексеев — Церковный словарь или истолкование речений славенских древних, сочиненный Петром Алексеевым. Печатан при императорском Московском университете, 1773
- БАС — Словарь современного русского литературного языка, тт. I—XVII. М.—Л., 1950—1965
- Берында — Лексикон словеноросский и имен толкование Памвы Берынды. 1627 г. Киев, 1961.
- Богораз — В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. Сб. ОРЯС, т. 68, № 4. СПб., 1901.
- Васнецов — Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
- Веске — М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890.
- Волоцкой — А. Волоцкой. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губернии) говора. Словарь ростовского говора. Сб. ОРЯС, т. 72, № 3. СПб., 1902.
- Грандильевский — А. Грандильевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. Сб. ОРЯС, т. 83, № 5. СПб., 1907.
- Гринченко — Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина», тт. I—IV. Редакция и добавления Б. Д. Гринченко. Киев, 1907—1909.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV, изд. 6-е. М., 1955.
- Дворецкий — Русско-польский словарь. Под ред. И. Х. Дворецкого. М., 1953.
- Добровольский — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Дополнение — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Жилина — Т. Жилина. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Коми-зыр. сл. — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Коми-рус. сл. — Коми-русский словарь. Под ред. проф. В. И. Лыткина. М., 1901.
- Кочин — Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.
- Куликовский — Г. И. Куликовский. Словарь областного олонечного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Ларин — Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Изд. ЛГУ, 1959.
- МАС — Словарь русского языка, тт. I—IV. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.—Л., 1957—1961.
- Мельниченко — Г. Г. Мельниченко. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

- Миртов — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. «Известия Северокавказской ассоциации научно-исслед. ин-тов», вып. VIII. Ростов-на-Дону, 1929.
- Мотовилов — А. Мотовилов. Областные слова Симбирской губернии. «Сибирская мольва». Сб. ОРЯС, т. 44. СПб., 1888.
- Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Пекарский — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. СПб., 1859.
- Подвысоцкий — А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М.—Л., 1949; т. II. М., 1958.
- Рус.-нен. сл. — Русско-ненецкий словарь. М., 1948.
- Рыбников — П. И. Рыбников. Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии. Этнографический сб., вып. IV. Изд. РГО. СПб., 1864.
- Симони — Два старинных областных словаря XVIII столетия. Сообщение П. К. Симони. «Живая старина», вып. III—IV. СПб., 1898.
- Сл. 1847 г. — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением АН, тт. I—IV. СПб., 1847.
- Смирнов — И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. Сб. ОРЯС, т. LXX, № 5. СПб., 1901.
- Сред. Обл. — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. I. Томск, 1964.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. I—III и Доп. СПб., 1893—1912.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка, тт. I—IV. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
- Фин.-рус. сл. — Финско-русский словарь. М., 1942.
- Цомакион — Н. А. Цомакион. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.
- Якушкин — Е. Н. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896.
- Андрейчин — Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955.
- Гебауэр — I. Gebauer. Slovník Staročesky, t. I. V Praze, 1903, стр. 207.
- Геров — Найден Геров. Речник на българский языкъ, тт. I—V. Пловдив, 1899—1904.
- Fokos-Fuchs — D. R. Fokos-Fuchs. Syrjanisches Wörterbuch, Bd. 1—2. Budapest, 1959.
- НИК — Česko-ruský slovník. Pod vedením K. Horálka, B. Ilka, L. Kopečného. Praha, 1959.
- Kalima - J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kalima, Зыр. — J. Kalima. Syrjänische Lehngut im Russischen. «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XVIII, Heft 1—3, 1927.
- Kotnik — J. Kotnik. Slovensko-ruský slovar. Ljubljana, 1960.
- I — L. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. IV. Lwow, 1858.
- Мичатек — Л. А. Мичатек. Дифференциальный сербско-словацко-русский словарь. СПб., 1903.
- РСКНЈ — Речник српскохрватског књивног и народног језика. Белград, 1966.
- SJP — Słownik języka polskiego. Warszawa, 1962.
- SJC — Słownik jazyka českého. Praha, 1941.
- Sl. stp. — Słownik staropolski, t. I. P. red. St. Urbanczuka. Warszawa, 1955.
- Wiedemann — F. J. Wiedemann. Syrianisches Deutsches Wörterbuch. St. Petersburg. 1880.
- Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—III. Heidelberg, 1950—1958.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ ПИНЕЖСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

А — Айнова Гора, 1959	Н — Нёмнюга, 1961
Б — Берёзник, 1959	Нх — Нюхча, 1967, 1968
Бг — Богатка, 1963	Окс — Оксовица, 1959
В — Ваймуша, 1960	П — Почезёрье, 1963
Вг — Вонга, 1960	Пг — Пильегоры, 1958
Вд — Водогора, 1958	Пд — Подрадье, 1964
Вег — Веегора, 1958	Пм — Пйримень, 1964
Вл — Валдокурье, 1960	Пх — Похурово, 1959
Вп — Вапна, 1963	Пч — Пэча, 1958
Вр — Вёркола, 1959, 1963	С — Сура, 1959
Вс — Высокая Гора, 1958	Сл — Сульца, 1968
Вт — Вальтево, 1963	Т — Торома, 1958
Вх — Вйхтово, 1958	Тф — Труфанова Гора, 1958
Г — Городок, 1958	У — Ура, 1962
Д — Вейкий Двор, 1958	Уст — Усть-Ёжуга, 1964
Е — Еркино, 1962, 1963	Ф — Фильмоново, 1959
З — Земцово, 1961	Ц — Церкова Гора, 1962
Заоз — Заозёрье, 1958	Ч — Чэша Гора, 1959
К — Кеврöла, 1960	Чл — Чушела, 1960
Кб — Кобелёво, 1960, 1961	Чк — Чакола, 1958
Кг — Кулагора, 1960	Ш — Шардонемь, 1959—1963
Кл — Күлой, 1960	Шг — Шотогорка, 1909
Кп — Карпогоры, 1964	Шт — Штова Гора, 1963
Кр — Кротово, 1961	Э — [Едома], 1959
Кх — Кйглохта, 1961	Ю — Юрас, 1963
Кц — Конёцерье, 1958	Юб — Юбра, 1964
Кш — Кушконала, 1962	Я — Явзора, 1959
Л — Лётопала, 1962	
М — Марьина Гора, 1958, 1963	
Мт — Матвера, 1958, 1959	
Мх — Михеево, 1964	

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ

Б — Бык, 1963	Вр — Верховская, 1963, 1965
Бр — Боровская, 1964	Г — Гаревое, 1939—40, 1951, 1962
В — Великовйсочная, 1966	Гл — Голубково, 1939, 1959
ВБг — Вёрхнее Бугаево, 1964, 1966	Е — Ермица, 1966
ВГ — Высокая Гора, 1953, 1962, 1963	З — Загрйвочная, 1963, 1967

Зм — Замёжная, 1953, 1961, 1964
К — Климовка, 1951
Кр — Карпушовка, 1962
КРч — Кор. вий Ручей, 1953, 1962
Куз — Кузнецовка, 1963
Л — Лёвкинская, 1965
М — Мыза, 1962
Мд — Медвёжка, 1966
Н — Нерица, 1939—40, 1962, 1965
Нб — Н мбур, 1963
НБг — Нижнее Бугаево, 1964, 1966
Н-М — Нарьян-Мар, 1951, 1959
О — Оксина, 1940, 1959
П — Пустозёрск, 1939—40, 1951, 1959
Р — Рочево, 1939—40, 1961, 1966
РРч — Р.шчинский Ручей, 1963, 1967
С — Скитская, 1953, 1963, 1965
СБг — Среднее Бугаево, 1963
Ст — Степановская, 1963

СЦ — Сергеево Щёлье, 1962, 1966
Т — Тельвинска, 1939—40, 1959, 1958
Тр — Трусово, 1939—40, 1951, 1962,
1966
У — Уег, 1962, 1963
Ус — Усица, 1963
Уст — Устье, 1951, 1959
У-Ц — Усть-Цильма, 1939—40, 1951,
1953, 1959, 1961—67
Ф — Филиппово, 1939—40, 1961, 1963,
1966
Х — Хабариха, 1939—40, 1951, 1963
Ч — Черногорская, 1963, 1967
Чк — Чукчино, 1939—40, 1953, 1959,
1962, 1967
Я — Якшино, 1964.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

блр. — белорусский
болг. — болгарский
в.-луж. — верхнелужицкий
долган. — долганский (якутский)
иж. — ижемский (печорский)
ижор. — ижорский
карел. — карельский
манс. — мансийский
монг. — монгольский
морд. — мордовский
пенец. — ненецкий
олон. — олонекский
остяц. — остяцкий
печ. — печорский

полаб. — полабский
польск. — польский
рус. — русский
серб.-хорв. — сербохорватский
словен. — словенский
ст.-сл. — старославянский
удм. — удмурдский
укр. — украинский
фин. — финский
чеш. — чешский
эст. — эстонский
юракс. — юракский
якут. — якутский

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

безл. — безличный (глагол)
вин. — винительный падеж
дат. — дательный падеж
ед. (ч.) — единственное число
ж. р. — женский род
им. — именительный падеж
л. — лицо
ми. (ч.) — множественное число
м. р. — мужской род

наст. вр. — настоящее время
повелит. накл. — повелительное на-
клонение
предл. — предложный падеж
прош. вр. — прошедшее время
род. — родительный падеж
склон. — склонение
страд. — страдательное (причастие)
твор. — творительный падеж

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>От редактора</i>	3
<i>В. В. Колесов. Словесное ударение в пинежских говорах</i>	5
<i>Г. Я. Сими́на. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья</i>	26
<i>В. И. Трубинский. Об участии постпозитивной частицы <i>to</i> в построении сложного предложения (по материалам пинежских говоров)</i>	48
<i>Ю. Ф. Денисенко. Шепелявые свистящие в печорских говорах</i>	67
<i>Я. А. Ивашко. Проект Словаря печорских говоров</i>	76
<i>М.-С. Михеева. Названия некоторых явлений природы в печорских говорах</i>	95
<i>А. С. Герд. Из истории печорских названий рыб</i>	103
<i>И. С. Лутовинова. О названиях кушаний в печорских говорах</i>	118
<i>Э. В. Федорова. Архаическая лексика в печорских поговорах и поговорках</i>	128
<i>Списки принятых сокращений</i>	140
Словари	—
Населенные пункты Пинежского района Архангельской области	142
Населенные пункты Нижней Печоры	—
Языки и диалекты	143
Грамматические термины	—

Севернорусские говоры

Выпуск I

Редактор Ю. Ф. Денисенко

Обложка художника А. К. Тимошевского

Техн. редактор Е. Г. Учаева

Корректоры Е. К. Терентьева, В. А. Луштак

M-54275   Сдано в набор 28 IV 1970 г.

Подписано к печати 4 XII 1970 г.   Формат бум. 60×90¹/₁₆.

Бумага тип. № 2.   Уч. изд. л. 9,59   Печ. л. 9.

Бум. л. 4,5.   Заказ 368.

Тираж 1385 экз.+10 отд. отт.   Цена 69 коп

Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова

Типография ЛГУ. Ленинград, Университетская наб., 79.